

Марио
Пьюзо

ДУРАКИ
УМИРАЮТ

Марио Пьюзо. От автора «Крестного отца»

Марио Пьюзо
Дураки умирают

«ЭКСМО»

1978

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Пьюзо М.

Дураки умирают / М. Пьюзо — «Эксмо», 1978 — (Марио Пьюзо. От автора «Крестного отца»)

ISBN 978-5-04-164132-0

Главные герои книги – игроки, и не только в прямом смысле этого слова. Вся их жизнь – погоня за удачей, большая Игра, ставки в которой невероятно высоки: счастье, дружба, любовь. И хотя внешне их судьба складывается прекрасно: Калли, мелкий делец и мошенник, становится одной из ключевых фигур игорного бизнеса, Мерлин, молодой и не слишком удачливый писатель, выбивается в литературную элиту и уезжает в Голливуд, – это не приносит им радости. Удача – партнер ненадежный. За свою благосклонность она берет плату сторицей. И никому еще не удавалось избежать окончательного расчета... «Бессонница – это бич писателей, особенно если работа ладится. Лежа в постели, я никогда не мог отключиться от мыслей о романе, над которым работал. В темноте персонажи становились такими реальными, что я забывал жену, детей, окружающий мир. Но сегодня у меня была другая причина для бодрствования, не имеющая отношения к литературе...» «Гипнотическая книга! Неослабевающий накал повествования, одна сцена мощнее другой». – San Francisco Chronicle «От этой истории о власти, жестокости и глянцевой жизни невозможно оторваться». – San Francisco Chronicle

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

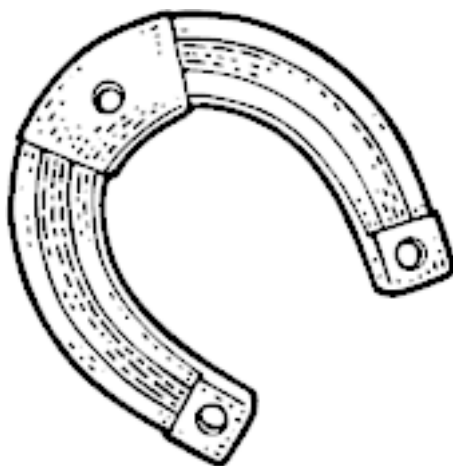
ISBN 978-5-04-164132-0

© Пьюзо М., 1978

© Эксмо, 1978

Содержание

Книга I	7
Глава 1	7
Книга II	9
Глава 2	9
Глава 3	26
Глава 4	28
Глава 5	39
Глава 6	43
Глава 7	49
Глава 8	50
Глава 9	53
Глава 10	56
Книга III	61
Глава 11	61
Глава 12	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Марио Пьюзо

Дураки умирают

Mario Puzo
FOOLS DIE

Copyright © 1978 by Mario Puzo

© Вебер В. А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Книга I

Глава 1

«Послушай меня. Я расскажу тебе правду о жизни мужчины. Я расскажу тебе правду о его любви к женщинам. О том, что он не может их ненавидеть. Ты уже думаешь, что меня занесло не туда. Останься со мной. Не пожалеешь... ведь я маг, волшебник.

Ты веришь в то, что мужчина может искренне любить женщину и постоянно предавать ее? Я не про брнную плоть – предавать и душой. Да, это нелегко, но для мужчин это обычное дело.

Ты хочешь знать, как женщины могут любить мужчин, закармливать их своей любовью, с тем чтобы отравить душу и тело и в конце концов уничтожить? Как страстная любовь сменяется у них абсолютным безразличием? Как при этом они кружат мужчинам голову? Невозможно? Для них это пара пустяков.

Но не убегай. Это не любовная история.

Благодаря мне ты почувствуешь трогательную красоту ребенка, животную страсть юноши, суицидальной настрой девушки. А потом (это самое трудное) я покажу тебе, как время заставляет мужчину и женщину пройти полный круг, полностью перемениться душой и телом.

И, разумеется, в моем повествовании найдется место ИСТИННОЙ ЛЮБВИ. Не уходи! Она существует или будет существовать благодаря мне. На то я и волшебник. Стоит ли она той цены, которую за нее просят? И как насчет сексуальной верности? Речь об этом? Это и есть любовь? Может, это извращение – совокупляться только с одним человеком? А если из этого ничего не выходит, получаешь ли ты какие-то блага за то, что пытался? Могут к этому стремиться оба? Разумеется, нет, тогда все было бы очень просто. И однако...

Жизнь – это комический театр, и нет ничего забавнее любви, шествующей сквозь время. Но истинный маг может заставить своих зрителей смеяться и плакать одновременно. Смерть – это другое дело. Со смертью мне не до фокусов. Тут я бессилен.

Со смертью я всегда настороже. Она не подкрадется ко мне. Я сразу замечу ее, хоть она и обожает приходить незаметно. В виде бородавки, которая вдруг начинает увеличиваться в размерах. В виде черной волосатой родинки, которая прорастает в кости. В виде лихорадочного румянца. А потом внезапно рядом возникает улыбающийся череп, захватывая жертву врасплох. Со мной у нее ничего не выйдет. Я жду ее. Я принял необходимые меры предосторожности.

В сравнении со смертью любовь – детский лепет, хотя мужчины больше верят в любовь, чем в смерть. Женщины – это другое дело. Они не воспринимают любовь серьезно и никогда не воспринимали.

Но, опять же, не уходи. Опять же, это не любовная история. Забудь о любви. Я покажу тебе, что есть власть над людьми. Сначала речь пойдет о бедном писателе, тонко чувствующем ритмы жизни. Талантливом. Может, даже гении. Я покажу, на какие жертвы идет он ради искусства. И как потом он же станет хитрым и коварным преступником. Ах, какую радость испытывает творческий человек, превращаясь в преступника! Ему более нет нужды скрывать свою сущность. Нет нужды оглядываться на честь. Да, он – сукин сын. Да, он строит и реализует зловещие планы. Да, он открыто воюет с обществом, не прячась за ширму искусства. Какое облегчение! Какое удовольствие! Просто блаженство. А как потом он снова становится честным человеком?.. Потому что быть преступником – нечеловечески тяжело.

Но только так можно принять общество, какое оно есть, и простить себе подобных. Никто не становится преступником, если только отчаянно не нуждается в деньгах.

Ты узнаешь об одном из самых великих триумфов в истории литературы. Увидишь изнутри жизнь гигантов нашей культуры. Особенно одного безумного мерзавца. Мир высшего света. Итак, нас ждут мир бедного гения, пробивающегося к славе, преступный мир, мир высших литературных сфер. Все эти миры щедро сдобрены сексом, в них бродят идеи, которые раньше не приходили тебе в голову, и, возможно, часть из них ты найдешь интересными. И, наконец, мы попадем в Голливуд, где нашего героя ждут награды, деньги, слава, прекрасные женщины. И... не уходи... не уходи... ты узнаешь, как все это обратится в прах.

Этого недостаточно? Ты обо всем этом слышал? Но помни, я – волшебник. Я могу оживить этих людей. Я могу показать их истинные мысли и чувства. Ты будешь оплакивать их, всех и каждого, это я тебе обещаю. А может, смеяться над ними. Во всяком случае, тебя ждет много интересного. И ты кое-что узнаешь о жизни. Хотя вряд ли это пойдет тебе на пользу.

Да, я знаю, о чем ты думаешь. Этот хитрец старается заставить меня перевернуть страницу. Но подожди, это лишь история, которую я хочу тебе рассказать. Что в этом плохого? Даже если я отношусь к ней серьезно, от тебя того же не требуется. Но уж время-то ты проведешь с толком.

Я хочу рассказать тебе историю, других целей я не преследую. Я не жажду успеха, славы или денег. Это просто, большинство мужчин, большинство женщин тоже их не жаждут. Более того, я не жажду и любви. В молодости некоторые женщины говорили, что любят меня за мои длинные ресницы. Я не спорил. Потом место ресниц заняло остроумие. Влиятельность и деньги. Талант. Наконец, мудрость. Ладно, я согласен на все. Пугает меня только одна женщина, которая любит меня таким, какой я есть. Но я знаю, что мне с ней делать. Я заготовил яды, кинжалы и сундуки в темных пещерах, чтобы спрятать в одном из них ее голову. Нельзя оставлять ее в живых. Прежде всего потому, что она верна мне, никогда не лжет и всегда ставит меня впереди всего остального.

Немалую часть этой книги занимает любовь, но это не любовная история. Эта книга о войне. Давней войне между мужчинами, которые считают себя близкими друзьями. Великой «новой» войне между мужчинами и женщинами. Хотя нет, эта война стара как мир, но теперь она ведется в открытую. Феминистки думают, что они придумали что-то новое, но на самом деле они реорганизовали свои войска, превратили партизанские отряды в регулярную армию. Эти сладкие женщины всегда нападали на мужчин: у колыбелек, на кухне, в спальне. И на могилах детей, где не слышится просьба о пощаде.

Да, конечно, ты думаешь, что я затаил на женщин зло. Но я никогда не питал к ним ненависти. И все равно они выглядят у меня лучше мужчин, ты все увидишь сам. Однако, по правде говоря, несчастным я чувствовал себя только благодаря женщинам, причем с самого детства. Большинство мужчин могут подписаться под моими словами. И с этим ничего не поделаешь.

Какую я нарисовал картину! Я знаю, знаю, вроде бы устоять невозможно. Но будь осторожен. Рассказчик я непростой. Я принял меры предосторожности. У меня в рукаве заготовлено несколько сюрпризов.

Но достаточно. Позволь мне приступить к делу. Позволь мне начать и позволь закончить...»

Книга II

Глава 2

В один из самых счастливых дней своей жизни Джордан Хоули предал троих лучших друзей. Еще не зная об этом, он шагал по той части зала огромного казино отеля «Ксанаду», где играли в кости, задавшись вопросом, на чем остановить свой выбор. После полудня прошло совсем ничего, а он стал богаче на десять тысяч долларов. Но ему надоели поблескивающие красные кости, катящиеся по зеленому сукну.

Лиловый ковер мягко пружинил под его ногами, когда он после короткого колебания направился к колесу рулетки с красными и черными выигрышными полями и зеленым и двойным зеро. Сделал несколько ставок, проиграл и перебрался в секцию блэкджека.

Маленькие подковообразные столики для блэкджека тянулись двойными рядами по обе стороны прохода. Он шел между ними, как пленник сквозь строй индейцев. Карты с синими рубашками летали и по правую, и по левую руку. Он устоял перед искушением и подошел к огромным стеклянным дверям, которые вели на улицы Лас-Вегаса. Отсюда он видел Стрип, охраняемую часовыми-отелями.

Под испепеляющим невадским солнцем с десятков «Ксанаду» сияли миллионваттными неоновыми вывесками. Отели, казалось, таяли в золотистой дымке. Оборудованное системой кондиционирования, казино превратилось в ловушку. Только безумец мог выйти за порог, где его ждали другие казино, полные неизвестности. Здесь же он выигрывал, здесь совсем скоро его ждала встреча с друзьями. Казино надежно укрывало его от жаркой желтой пустыни.

Джордан Хоули отвернулся от стеклянной двери и сел за ближайший столик для блэкджека. Положил перед собой черные столондолларовые фишки, крошечные сгоревшие звезды, наблюдая, как крупье мечет карты из только что подготовленного к игре «башмака» – продолговатой деревянной коробочки, в которой они лежали. Джордан играл с двух рук. Удача была на его стороне. Он играл, покуда в «башмаке» не закончились карты. Пока крупье готовил новый «башмак», Джордан поднялся из-за стола. Карманы оттопыривались от фишек. Но особых проблем они не доставляли, потому что на нем был спортивный пиджак, специально созданный Саем Дивором для завсегдатаев казино. Называлась эта модель «Чемпион Вегаса». Шился он из небесно-синей ткани с алой оторочкой. Огромные карманы застегивались на «молнию». И внутри имелись удивительно глубокие, тоже на «молнии», карманы, до дна которых не достал бы ни один воришка. Так что за выигранные фишки Джордан мог не опасаться, а свободного места в карманах еще оставалось предостаточно. Еще никому не удавалось до отказа набить карманы «Чемпиона Вегаса».

Казино, освещенное гигантскими люстрами, купалось в голубоватом мареве, неоновый свет отражался от лилового ковра. Джордан ретировался из этого света в притемненный бар, с более низким потолком и сценой-возвышением для маленького оркестра. Сидя за столиком, он мог смотреть на казино, как зритель смотрит из темного зала на освещенную сцену.

Зачарованный, он наблюдал, как игроки мигрируют от столика к столику, от секции к секции. словно молния, прорезающая небо, сверкало вращающееся рулеточное колесо. Карты с бело-синими рубашками ложились на зеленое сукно. Красные кубики костей с белыми точками летающими рыбками неслись над столами. Вдали, в секции для блэкджека, крупье, сдающие смену, высоко поднимали руки, показывая, что к ладоням не прилипли фишки.

Сцена-казино тем временем заполнялась все новыми актерами: любители позагорать подтягивались от бассейна, другие возвращались с теннисных кортов, полей для гольфа, из тысячи номеров отеля «Ксанаду», где они спали или трахались, кто бесплатно, кто – за деньги.

Джордан заметил еще одного «Чемпиона Вегаса», пересекающего зал казино. Мерлин. Мерлин-Малыш. Мерлина качнуло, когда он проходил мимо рулеточного колеса – его слабости. В рулетку он играл редко: пять с половиной процентов, которые брались с каждого выигрыша, резали его как ножом. Из темноты Джордан помахал рукой с алым манжетом, и Мерлин продолжил свой путь, шагнул из света в тень, сел за столик. Застегнутые на «молнию» карманы Мерлина не раздувались от фишек, не держал он их и в руках.

Сидели они молча, прекрасно обходясь без слов. В сине-алом пиджаке Мерлин смотрелся настоящим атлетом. Моложе Джордана лет на десять, с иссиня-черными волосами. И выглядел он более счастливым, его лицо горело предвкушением грядущей битвы с судьбой, ночи азартных игр.

Из секции баккара появились Калли Кросс и Диана, направились к ним. И Калли был в пиджаке «Чемпион Вегаса». Диана ограничилась простеньким белым платьем с глубоким вырезом, верхнюю часть груди она присыпала перламутрово-белой пудрой. Мерлин приветственно помахал им рукой. Как только они сели, Джордан заказал выпивку. Их вкусы он уже изучил.

Калли заметил бугрящиеся карманы Джордана.

– Эй, я вижу, что без нас тебе улыбнулась удача?

Джордан улыбнулся.

– Есть немного.

Они все изучающе посмотрели на него, когда, расплачиваясь за выпивку, на чай он дал официантке красную пятидолларовую фишку. Он заметил их взгляды. И не мог понять, почему они так странно на него смотрят. Джордан провел в Вегасе три недели и за это время заметно изменился. Похудел на двадцать фунтов. Льяные волосы отросли, стали еще светлее. Лицо, все еще симпатичное, осунулось. Кожа приобрела землистый оттенок. Выглядел он изнуренным. Но не осознавал этого, пребывая в прекрасном настроении. Конечно, он спрашивал себя, а что это за люди, которые стали его друзьями в последние три недели? Лучших друзей у него никогда не было.

Больше всех Джордан полюбил Малыша Мерлина. Мерлин гордился тем, что причислял себя к категории бесстрастных игроков. Он старался не выдавать эмоций, как выигрывая, так и проигрывая, и обычно ему это удавалось. Лишь когда ему исключительно не везло, на его лице смешивались удивление и недоумение. Джордан находил это очень забавным.

Мерлин-Малыш говорил мало. Но пристально наблюдал за всеми. Джордан знал, что Малыш ведет учет всего, что он делал. Это тоже забавляло Джордана. Малыш всюду искал подтекст, второй план и даже представить себе не мог, что Джордан и на самом деле именно такой, каким видел его весь мир. Ему нравилась компания Малыша и остальных. Они избавляли его от одиночества. А поскольку Мерлин всякий день с детским нетерпением ожидал начала игры, Калли и прозвал его Малыш.

Калли, самый молодой, двадцати лет, стал, пусть это и покажется странным, неформальным лидером их группы. Они встретились три недели тому назад в Вегасе, в этом казино, и роднила их одна общая черта: все они относились к категории заядлых игроков. И их трехнедельный марафон следовало расценивать как событие экстраординарное, потому что при обычном раскладе уже через несколько первых дней они оказались бы на желтом песке пустыни Невада без единого доллара в кармане.

Джордан знал, что, как и остальным, Малышу, Кроссу и Диане хотелось бы узнать о нем побольше, и ничего не имел против. А вот они его совершенно не интересовали. Малышу вроде бы хватало ума, чтобы давно покинуть лигу игроков и заняться чем-то еще, но Джордан никогда не пытался выяснить, почему это не получалось. Ему не было до того никакого дела.

А вот насчет Калли никаких вопросов не возникало. Тот был классическим заядлым игроком, обладающим определенными навыками. К примеру, мог просчитать все карты в

«башмаке» для блэкджека на четыре колоды. В отличие от Малыша, прекрасно ориентировался в вероятностях выигрыша. Джордан сохранял спокойствие и хладнокровие там, где Малыш начинал заводиться. Калли всегда оставался профессионалом. Насчет себя Джордан не питал никаких иллюзий. В данный момент он находился в одной с ними категории. Заядлых игроков. То есть тех, кто играл ради игры и должен был проиграть. Как герой, идущий на войну, должен умереть. Покажи мне заядлого игрока, и я покажу тебе проигравшегося, покажи мне героя, и я покажу тебе труп, думал Джордан.

Их деньги подходили к концу, вскорости им предстояло покинуть прохладу казино. Возможно, за исключением Калли. Последний не брезговал ни сутенерством, ни мелким фолом. Всегда старался обвести казино вокруг пальца. Иногда даже договаривался с крупье блэкджека сыграть против заведения, за что мог крепко поплатиться.

Девушка, Диана, на самом деле к игрокам не относилась. Она работала зазывалой и проводила с ними свободное время. И лишь потому, что во всем Вегасе, она это чувствовала, только они видели в ней человека.

Как зазывала, она играла на деньги казино, проигрывала и выигрывала деньги казино. Так что ее финансовое положение зависело не от судьбы, а от фиксированного еженедельного чека, который она получала от казино. Ее присутствие за столом для баккара требовалось лишь в «тихие» часы, потому что игроки никогда не садились за пустующий стол. Она играла роль липкой ленты для мух. И одевалась так, чтобы привлечь к себе внимание. Соблазнительный наряд дополняли длинные черные волосы, чувственные полные губы и стройное тело с длинными ногами. Бюст, правда, не поражал размерами, но ее это устраивало. И питбосс¹ давал крупным игрокам номер ее домашнего телефона. Иногда питбосс или кто-то из его помощников шептал ей, что один из игроков хочет видеть ее в своем номере. Она имела право отказаться, но правом этим могла пользоваться с осторожностью. Выполнив поручение, она не получала деньги непосредственно от клиента. Питбосс давал ей специальный ордер на пятьдесят или сто долларов, который она могла обналичить в кассе казино. Сама она этого никогда не делала. Платила пять долларов кому-нибудь из девушек-зазывал, чтобы они обналичивали за нее ордер. Прознав об этом, Калли сразу с ней сдружился. Ему нравились слабохарактерные женщины, он умел манипулировать ими.

Джордан знаком попросил официантку повторить заказ. Умиротворенность переполняла его. Столь удачное начало дня говорило о том, что кто-то из богов полюбил его, нашел, что человек он хороший, и решил вознаградить за благодеяния, совершенные в мире, который он покинул. И ему нравилось сидеть в кругу друзей.

Они часто завтракали вместе. И обязательно пропускали стаканчик-другой ближе к вечеру, перед тем как начинали большую игру, затягивающуюся до глубокой ночи, если не до утра. Иногда они встречались в полночь, чтобы перекусить и отпраздновать выигрыш. Платил, естественно, счастливчик. За последние три недели они стали закадычными друзьями, хотя не имели абсолютно ничего общего и дружба их должна была умереть в тот самый момент, когда в карманах не останется ни цента. Но сейчас, еще не сев на мель, они испытывали какую-то странную тягу друг к другу. В один из своих удачных дней Мерлин-Малыш зазвал их в магазин одежды и купил каждому сине-алый пиджак «Чемпион Вегаса». Ту ночь они все закончили в большом плюсе и уже не появлялись в казино без пиджаков, приносящих удачу.

Джордан встретил Диану в ночь ее глубочайшего унижения, ту самую, когда он познакомился и с Мерлином. Через день он купил ей кофе, они поболтали, но он не слушал, что она говорит. Она почувствовала отсутствие заинтересованности и обиделась. Так что продолжения не последовало. О чем он пожалел, лежа в одиночестве в своем роскошном номере, не

¹ Питбосс – менеджер секции, в которой стоят столы для какой-то азартной игры, в данном случае столы для баккара.

в силах заснуть. Не смог он заснуть и в другие ночи. Пытался принимать снотворное, но таблетки вызвали кошмары, которые пугали его.

* * *

На сцене расставили инструменты. Джордан заметил взгляды, брошенные на него, когда он дал официантке красную пятидолларовую фишку. Они думали, что им движет щедрость. На самом деле ему не хотелось прикидывать, сколько положено давать на чай. Мысль о том, как изменилась его шкала ценностей, вызвала у Джордана улыбку. Раньше он никогда не сорил деньгами. В том мире, где он жил, за любой труд полагалось вознаграждение, соответствующее затраченным усилиям. Да только ничего путного из этого не вышло. Каким же абсурдом оказалось стремление построить жизнь на фундаменте такого вот рационализма.

Музыканты направились к сцене. Играли они очень громко, не давая возможности поговорить. Их первая композиция служила для троих мужчин сигналом: пора включаться в большую игру.

– Сегодня у меня счастливая ночь, – объявил Калли. – Я чувствую, что моя правая рука настроена на удачу.

Джордан улыбнулся. Энтузиазм Калли всегда вызывал у него улыбку. Он знал его только как Калли Счетчика, это прозвище Калли заработал за столиками для блэкджека. Джордану нравился Калли, потому что говорил он практически без умолку и от собеседников редко требовались какие-то ответы. Его болтовня цементировала их маленький коллектив, потому что Джордан и Мерлин-Малыш относились к молчунам. И Диана, зазывала к столикам для баккара, часто улыбалась, но не отличалась многословием.

Смутное, с мелкими чертами, лицо Калли светилось уверенностью.

– Сегодня я целый час не выпущу кости из рук. Выброшу множество чисел, но ни одной семерки. Вы, парни, ставьте на меня.

Заиграл оркестр, словно подтверждая правоту Калли.

Калли любил кости, но удача чаще всего сопровождала его в блэкджеке, поскольку он мог просчитать все карты в «башмаке». Джордан любил баккара, потому что эта игра не требовала ни специальных навыков, ни запоминания карт. Мерлин любил рулетку, потому что его завораживало вращающееся колесо. Но Калли заявил, что сегодня ему обязательно повезет в игре в кости, и им не оставалось ничего другого, как сыграть вместе с ним, пронестись на гребне волны его удачи. Калли не сомневался, что кости, брошенные его рукой, никогда не выдадут семерку.

Тут голос подала Диана:

– Джорди сегодня здорово сыграл в баккара. Может, вам лучше ставить на него?

– Мне ты не кажешься счастливым, – сказал Мерлин Джордану.

Вообще-то ей не полагалось говорить об успехах Джордана другим игрокам. Они могли попросить у него взаймы, и, возможно, потом он мог обвинить ее в том, что она спугнула удачу. Но за три недели Диана достаточно хорошо узнала Джордана, чтобы почувствовать, что ему наплевать на приметы, в которые свято верили многие игроки.

Калли Счетчик покачал головой.

– У меня предчувствие, – и взмахнул правой рукой, словно выбрасывая кости.

Музыка гремела, не позволяя продолжать разговор. Она вынесла их из темного убежища на ярко освещенную сцену – игровой зал казино. Игроков заметно прибавилось, но свободного места еще хватало. Диана – у нее закончился перерыв на кофе – вернулась к столу для баккара, ставить деньги, создавать видимость массовости. Страстности в ее игре не было. Она выигрывала и проигрывала хозяйские деньги, потому что занятие это не вызывало у нее ничего, кроме скуки. Вот и шла она к секции баккара медленнее, чем остальные.

Калли выдвинулся в авангард. Они напоминали трех мушкетеров, сменивших накидки с крестами на сине-алые пиджаки «Чемпион Вегаса». Калли не терпелось добраться до стола, его переполняла уверенность в собственных силах. Мерлин шел с ним шаг в шаг, предчувствие выигрыша будоражило кровь. Джордан чуть приотстал. Громадный дневной выигрыш словно тормозил его. Калли огляделся, попытавшись найти горячий стол, за которым в этот вечер игроки брали верх над казино. Одним из показателей служила горка фишек перед крупье. Наконец выбрал. Они встали так, чтобы кости первым из троих получил Калли. Пока они шли по кругу, каждый из них делал маленькие ставки. Но вот Калли взял в руки красные кубики.

Малыш поставил двадцатку. Джордан – две сотни. Калли – пятьдесят. И выбросил шесть очков. Они возобновили свои ставки, поставили на все числа. Калли, преисполненный уверенности, вновь взял кости. Бросил в дальний край стола. Они уставились на застывшие на зеленом сукне красные кубики. Замерли в изумлении. Семь очков. Катастрофа. Малыш потерял сто пятьдесят баксов. Калли – триста пятьдесят. Джордан лишился тысячи четырехсот.

Калли что-то пробормотал и ушел прочь. Случившееся потрясло его, теперь ему не оставалось ничего другого, как играть в блэкджек. Играть с предельной осторожностью. Просчитывать каждую карту из «башмака», чтобы остаться в плюсе. Иногда срабатывало, но работа была тяжелой. Случалось, что он запоминал все ушедшие карты, просчитывал те, что остались в «башмаке», ставил фишки и выигрывал. Но иной раз и это не помогало. Значит, предстояло запоминать и просчитывать карты в следующем «башмаке». Ситуация усугублялась тем, что правая рука лишила его свободных денег. И теперь ночь превращалась в пытку. Второй неудачи он позволить себе не мог.

Ушел и Мерлин-Малыш. Проигрыш пробил брешь и в его ресурсах. Просчитывать карты он не умел, так что ему оставалось уповать только на удачу.

Джордан, оставшись в одиночестве, прошелся по казино. Нравилась ему отстраненность от толпы игроков и гула казино. Вроде бы не один и в то же время сам по себе. Казино прельщало его тем, что он мог час просидеть с кем-то рядом, а потом уже никогда не увидеть этого человека. За спиной по-прежнему стучали кости.

Он забрел в секцию для блэкджека, к стоящим рядами подковообразным столикам. Прислушался к шелканью второй карты. Об этом фокусе ему и Мерлину рассказал Калли. Глазом движение рук нечестного крупье не ловилось. Но, если прислушаться, ты мог услышать, как шелкала карта, которую крупье вытаскивал из-под верхней. Потому что верхняя требовалась самому крупье, чтобы побить игрока.

К ресторану тянулась длинная очередь посмотреть шоу. Настоящая игра еще не началась. Никто не делал крупные ставки, никто не выигрывал астрономические суммы. Джордан потрянул в руке черные фишки. Подошел к практически пустому столу для игры в кости, взял в руку красные кубики.

* * *

Джордан расстегнул «молнию» наружного кармана пиджака, вытащил пригоршню черных стодолларовых фишек, высыпал на тарелочку у локтя. Поставил две сотни на кон, потом купил все числа по пять сотен каждую. Кости не покидали его рук с добрый час. После первых пятнадцати минут уже все казино знало, что его рука не дает сбоев, и около стола столпился народ. Он ставил и ставил предельные пять сотен, всякий раз выбрасывая магические числа. Мысленно он отправил фатальную семерку в ад. Запретил ей появляться. Тарелочка у локтя уже ломилась от черных фишек. Карманы оттопыривались все сильнее. Наконец он уже не мог поддерживать предельную концентрацию, не мог держать семерку в аду, а потому передал кости соседу по столу. Толпа наградила его аплодисментами. Сотрудник казино принес ему проволочные корзинки для фишек. Появились Мерлин и Калли. Джордан улыбнулся обоим.

– Вы ухватили кусочек моей удачи? – спросил он.

Калли покачал головой.

– Я захватил только последние десять минут.

Мерлин рассмеялся.

– Я никак не мог поверить в твою удачу. И не делал ставок.

Мерлин и Калли проводили Джордана к кассе. Джордан удивился, когда выяснилось, что фишки из корзинок потянули больше чем на пятьдесят тысяч. А ведь еще немало фишек осталось у него в карманах.

Мерлин и Калли смотрели на него с благоговением.

– Джорди, для тебя самое время покинуть город, – говорил Калли на полном серьезе. – Если останешься, спустишь все.

Джордан рассмеялся.

– Ночь еще только начинается. – Его забавляла реакция друзей: очень уж большое значение придавали они выигрышу. Но напряжение начало сказываться. Усталость тяжелой ношей навалилась на плечи. – Я поднимусь к себе, немного отдохну. Увидимся в полночь, и я угощу вас отличным обедом. Идет?

Кассир закончил подсчет и спросил Джордана: «Сэр, вы хотите получить наличные или чек? Или нам просто подержать фишки в кассе?»

– Возьми чек, – посоветовал Мерлин.

Калли насупился, потом заметил, что карманы пиджака Джордана набиты фишками.

– Чек безопаснее, – согласился он с Мерлином.

Они подождали возвращения кассира. Джордан стоял посередине, Калли и Мерлин – по флангам. Все смотрели на залитый ярким светом игровой зал казино. Наконец кассир принес желтый чек и протянул Джордану.

Трое мужчин синхронно развернулись на сто восемьдесят градусов. Сине-алые пиджаки блеснули под неоновыми огнями. Мерлин и Калли проводили Джордана до коридора, в котором находился его номер.

* * *

Роскошный, дорогой, сверкающий. Золотые портьеры, серебристое покрывало на огромной кровати. Как и положено в отеле-казино. Джордан принял горячую ванну, попытался почистить. Уснуть он не мог. Сияющая реклама Лас-Вегаса отбрасывала на стены отблески неоновых многоцветья. Он задернул портьеры, но в голове по-прежнему стоял гул игрового зала казино, доносящийся снизу, как шум прибоя. Он выключил свет, забрался в постель. Расслабился. Прикинулся, что спит, но мозг не поддался на эту уловку. Заснуть Джордан так и не сумел.

Его охватили знакомые страх и тревога. Если он уснет, то умрет. Ему отчаянно хотелось спать, но уснуть он не мог. Не позволял страх. Джордан не мог понять, в чем причина, почему и чего он так боится.

Мелькнула мысль о снотворном. В начале месяца он уже прибегал к его помощи. Да, заснул, да только ему приснился жуткий кошмар. И весь следующий день он пребывал в глубокой депрессии. Поэтому предпочитал обходиться без сна. Как и теперь.

Джордан включил свет, вылез из постели, оделся. Опустошил все карманы и бумажник. Растегнул все «молнии» пиджака «Чемпион Вегаса», вытряхнул на шелковое покрывало все черные, зеленые и красные фишки. Стодолларовые купюры легли большой кучкой. Фишки разлетелись по всей кровати. Чтобы скоротать время, он начал считать деньги и сортировать фишки. На это ушел почти час.

Выяснилось, что у него чуть больше пяти тысяч долларов наличными, восемь тысяч – черными фишками, шесть – зелеными, по двадцать пять долларов, и почти тысяча красными – по пять. На его лице отразилось изумление. Он раскрыл бумажник, всмотрелся в чек, выданный отелем «Ксанаду». Пятьдесят тысяч долларов. Три подписи. Одна выделялась: большие буквы, четкий почерк. Альфред Гронвелт.

И все-таки Джордан пребывал в недоумении. Он помнил, что несколько раз менял фишки на наличные, но не ожидал, что денег будет так много. Улегся на кровать. Фишки, разложенные в аккуратные кучки, перемешались.

Джордан остался доволен результатом. Его радовало, что теперь у него есть возможность задержаться в Вегасе, ему не нужно спешить в Лос-Анджелес и начинать новую работу, новую карьеру, новую жизнь, может, даже новую семью. Он подсчитал все деньги, приплюсовал чек. Получилось, что он стоит семьдесят шесть тысяч долларов. С такими деньгами он мог играть целую вечность.

Он выключил свет, чтобы полежать в темноте в компании денег. Попытался уснуть, чтобы пережить ужас, который всегда охватывал его в темной комнате. Почувствовал, что сердце бьется все сильнее и сильнее, и в конце концов ему пришлось включить свет и подняться с кровати.

* * *

Высоко над городом, в люксе пентхауса, Альфред Гронвелт, владелец отеля, снял телефонную трубку. Позвонил в секцию для игры в кости и спросил, сколько выиграл Джордан. Ему сказали, что Джордан свел к нулю всю прибыль, которую рассчитывали получить со стола. Тогда он позвонил на коммутатор и попросил соединить его с Ксанаду-пятым. Трубку на рычаг класть не стал. Дожидаясь, пока в огромном игровом зале разыщут нужного ему человека, лениво поглядывал на огромного красно-зеленого неоновый питона – Стрип Лас-Вегаса. Тысячи игроков ежедневно всасывало его чрево. Все они пытались пожить за счет казино, с жадностью глядя на пачки «зелененьких», которые, словно насмехаясь над ними, лежали в кассах у всех на виду. Но из года в год питон перемалывал им кости.

Наконец в трубке раздался голос Калли. Он и был Ксанаду-пять (сам Гронвелт – Ксанаду-один).

– Калли, твой приятель крепко нас ободрал. Ты уверен, что он играет чисто?

– Да, мистер Гронвелт, – тихим голосом, чуть ли не шепотом ответил Калли. – Он – мой друг и играет абсолютно честно. Он все сбросит до того, как уедет.

– Пусть получит все, что пожелает. Только не позволяй ему болтаться по Стрип, проигрывать наши деньги в других казино. Подсунь ему хорошую деваху.

– Не волнуйтесь, – ответил Калли, и Гронвелт уловил какие-то странные интонации в его голосе. На мгновение задумался: а стоит ли доверять Калли? Тот был его шпионом, проверяющим, как функционирует сложный механизм казино, выявляющим крупье, которые на пару с игроками пытались обчистить казино. У Гронвелта в отношении Калли были большие планы. Теперь он задался вопросом: а не стоит ли их пересмотреть?

– Как насчет второго парня из твоей банды, Малыша? Почему он торчит здесь три недели?

– Он – мелкая сошка, – ответил Калли. – Но человек хороший. Не волнуйтесь, мистер Гронвелт. Я держу руку на пульсе.

– Ладно. – Кладя трубку, Гронвелт улыбался. Калли не знал, что на него сплошным потоком шли жалобы. Менеджер секции блэкджека требовал изгнать его из казино, потому что он умел считать карты и практически всегда вставал из-за столика с выигрышем. И управляющий отелем выражал недовольство тем, что Мерлин и Джордан так давно занимают столь нужные

номера. Номеров катастрофически не хватало, особенно на уик-энды, когда поток новых игроков резко возрастал. Никто не знал, что Гронвелта заинтриговала дружба троих мужчин. И развязке этой истории предстояло стать для Калли истинной проверкой.

* * *

Сидя в своем номере, Джордан боролся с желанием спуститься в игровой зал. Уселся в уютное кресло, закурил. На текущий момент все у него хорошо. Есть друзья, удача не покидает его, он свободен. Досаждала только усталость. Ему требовался длительный отдых где-нибудь в дальних краях.

Он думал о Калли, Диане и Мерлине. Тройке его лучших друзей. Тут он улыбнулся.

Они многое о нем знали. Потому что вчетвером они провели в баре не один час, отдыхая от игры. Джордан любопытством не отличался. На вопросы отвечал, сам их не задавал. Малыш вот задавал вопросы таким серьезным тоном, выслушивал ответы так внимательно, но Джордан не видел в этом ничего предосудительного.

Чтобы чем-то занять себя, он достал из стенного шкафа чемодан, открыл и первым делом увидел маленький револьвер, который купил еще дома. О револьвере он своим друзьям не рассказывал. От него ушла жена и взяла с собой детей. Ушла к другому мужчине, и его первой реакцией было желание убить этого мужчину. Желание, для него столь противоестественное, что Джордан до сих пор не переставал гадать: а откуда, собственно, оно взялось? Разумеется, он ничего не предпринял. Тем самым появилась проблема, как избавиться от револьвера. Он понимал, что наилучший способ – разобрать его на части и выбросить каждую по отдельности. Джордан не хотел, чтобы кто-нибудь пострадал из-за неосторожного обращения с его револьвером. Но пока он лишь бросил на револьвер кое-что из одежды, закрыл чемодан и убрал в стенной шкаф. Снова сел.

Он еще не решил, хочется ли ему покидать Вегас, ярко освещенную пещеру казино. Ему тут нравилось. Тут он чувствовал себя в полной безопасности. Выигрыши или проигрыши его особо не волновали. А главное, пещера казино отсекала все остальные трагедии и ловушки, подстерегающие человека на его жизненном пути.

Он вновь улыбнулся, вспомнив, как Калли тревожился из-за его выигрышей. И что, собственно, ему делать с такими деньгами? Лучше всего – отослать жене. Хорошая женщина, хорошая мать, с характером, многими достоинствами. Тот факт, что после двадцати лет семейной жизни она ушла от него к любовнику, не менял сказанного выше. По прошествии нескольких месяцев Джордан уже понял причины принятого ею решения. Она имела право на счастье. Право на полнокровную жизнь. А жизнь с ним душила ее. Нет, он не мог считать себя плохим мужем. Он был хорошим отцом. Выполнял все свои обязанности. Его единственный недостаток заключался в том, что через двадцать лет после свадьбы рядом с ним жена не чувствовала себя счастливой.

Друзья знали его историю. Три недели, которые он провел в Вегасе, казались годами, и с ними он мог говорить свободно, не то что в родном городе. Все выходило само собой, за выпивкой в баре, за разговорами в кафетерии после обеда.

Он знал, что они считают его холодным и бесчувственным. Когда Мерлин спросил, получил ли он право на встречи с детьми, Джордан лишь пожал плечами. На вопрос Мерлина, собирается ли он увидеться с женой и детьми, Джордан попытался дать честный ответ: «Думаю, что нет. Они в полном порядке».

И тут же Мерлин выстрелил новым вопросом: «А ты, ты в порядке?»

Джордан рассмеялся естественным, не деланным смехом. Все еще смеясь, ответил: «Да», – и, пожалуй, первый и единственный раз дал понять Малышу, что тот ищет то, чего нет. Посмот-

рел ему в глаза и добавил: «Есть только то, что ты видишь. И ничего больше. Никакого второго плана. Станешь старше, поймешь».

Через несколько секунд Мерлин отвел взгляд.

– Разве что ты не можешь спать по ночам, так?

– Так.

– Никто не спит в этом городе, – нервно вставил Калли. – Воспользуйся парой таблеток снотворного.

– От снотворного мне снятся кошмары.

– Нет, нет, – нетерпеливо махнул рукой Калли. – Я про этих, – и указал на трех проституток, которые сидели через пару столиков от них. Джордан рассмеялся. Вот так он впервые услышал расхожую вегасскую идиому. Теперь он понял, о чем говорил Калли, когда, прерывая игру, объявлял, что хочет воспользоваться парой таблеток снотворного.

Этот вечер, как никакой другой, подходил для реализации совета Калли, но Джордан уже в первую неделю пребывания в Вегасе пригласил к себе в номер ходячую таблетку снотворного. Все у него получилось, но полностью снять напряжение так и не удалось. Каким-то вечером шлюха, одна из подружек Калли, уговорила его пригласить еще и ее напарницу. Всего на пятьдесят баксов больше, зато они потрудятся от души, потому что он очень славный парень. Джордан согласился. Действительно, от такого количества ласкающих его рук и грудей удовольствие он получил. Инфантильное удовольствие. Одна девушка положила его голову себе на груди, вторая оседлала, как мустанга. И в финальный момент, кончая, уступая велениям плоти, он заметил, как девушка, «скакавшая» на нем, чуть подмигнула второй, на груди которой покоилась его голова. И он понял, что теперь, когда с ним все ясно, когда он вышел из игры, они могут заняться тем, чего им действительно хотелось. Он наблюдал, как скакунья приникла к «киске» второй девушки с куда большей и естественной страстью, чем та, которую она изображала чуть раньше. Он не разозлился. Наоборот, порадовался, что это время не прошло для них зря. Они тоже имели право на маленькие радости. Он даже дал им лишнюю сотню. Они думали, что за качественную работу, но на самом деле так он оценил это милое подмигивание. А когда девушка, которую ублажала скакунья, в момент оргазма, изогнув спину, нашла своей рукой руку Джордана и сжала ее, тот растрогался до слез.

И все ходячие таблетки снотворного старались, как могли. До чего же красивые собирались здесь девушки! Ласковые, участливые, понятливые. Они с обожанием смотрели на него, держали за руку, ходили на обед или на шоу, играли на деньги, которые он им давал, никогда не обманывали, ничего не пытались украсть. Они создавали ощущение, что он им действительно дорог, а в постели оттрахивали его по полной программе. И все за какую-то сотню долларов, одну «пчелку», по терминологии Калли. Они стоили этой сотни. Безусловно, стоили. И в том, что он все-таки не мог расслабиться, их вины не было. Они даже мыли его, перед тем как уйти, – тяжелобольного человека, прикованного к больничной койке. Что ж, у них было одно, но очень важное преимущество перед обычными таблетками снотворного: они не вызывали кошмаров. Но и не приносили сна. За три недели он так и не смог заснуть.

Джордан привалился головой к изголовью кровати. Он не помнил, как перебрался на нее из кресла. Хотел уже выключить свет, чтобы немного поспать. Но испугался, что вернется ужас. Не страх, а физический ужас, которому его тело не могло оказать ни малейшего сопротивления, хотя разум не поддавался и пытался понять, а что же происходит. Выбора не было. Путь оставался один – обратно в казино. Чек на пятьдесят тысяч Джордан бросил в чемодан: для игры хватало наличных и фишек.

* * *

Джордан собрал с кровати деньги и фишки, рассовал по карманам. Вышел из номера, спустился в казино. Вот когда, далеко за полночь, у столиков собирались настоящие игроки. Они закончили все дела, отобедали, отправили жен на шоу, в постель или усадили к колесу рулетки. Отделались от них. И теперь могли сразиться с судьбой. С деньгами в руках они стояли у столов для игры в кости. Питбоссы держали наготове чистые бланки расписок, ожидая, пока у них закончатся фишки и они захотят прикупить новых на тысячу долларов, две, три. Именно в эти часы игроки расставались с целыми состояниями. Никто не знал почему. Джордан направился в другой конец игрового зала.

* * *

Элегантное, обтянутое серым бархатом ограждение отсекало от основного зала уголок, в котором расположился длинный овальный стол для баккара. Вооруженный охранник стоял у прохода, потому что за столом для баккара играли главным образом на наличные, а не на фишки. С двух зауженных сегментов стол охраняли высокие стулья. На них восседали инспекторы, зорко следящие за действиями троих крупье и питбосса и за расчетами. Все сотрудники казино в секции баккара работали в строгих черных смокингах.

Четверка святых при полном параде, они пели осанну тем, кто выигрывал, сочувственно кивали проигравшим. Симпатичные, обаятельные мужчины, они располагали к себе игроков, не вызывая отрицательных эмоций даже у неудачников. Но не успел Джордан подойти к воротцам в сером ограждении, как перед ним возникли Мерлин и Калли.

– Им осталось играть только пятнадцать минут. Не ходи туда. – Стол для баккара закрывался в три часа утра.

И тут один из святых в смокинге обратился к Джордану: «Мы собираем последний «башмак», мистер Джи. «Башмак» Банкомета», – и рассмеялся. Джордан видел карты, лежащие на столе синими рубашками вверх, готовые для тасования.

– Как насчет того, чтобы составить мне компанию? – спросил Джордан Малыша и Калли. – Деньги мои, ставить будем по максимуму на место. – Сие означало, что при предельной ставке в две тысячи Джордан собирался участвовать в каждом розыгрыше шестью тысячами долларов.

– Ты сошел с ума? – спросил Калли. – Так можно вылететь в трубу.

– От тебя требуется только обозначать место, – ответил Джордан. – В случае выигрыша я дам каждому по десять процентов.

– Нет, – мотнул головой Калли и отошел к ограждению.

– Мерлин, посидишь рядом? – спросил Джордан Малыша.

– Да, – кивнул тот. – Посижу.

– Ты получишь десять процентов.

– Хорошо.

Он миновали воротца и охранника. «Башмак» собирала Диана, и Джордан сел рядом с ней, чтобы стать следующим Банкометом. Диана наклонилась к нему:

– Джордан, не надо тебе больше играть.

Он не стал делать ставки, когда она доставала карты из «башмака». Диана проиграла, потеряла двадцать долларов, принадлежащих казино, потеряла право держать банк и передала «башмак» Джордану.

Джордан тем временем опустошил все наружные карманы пиджака «Чемпион Вегаса». Достал все фишки, черные и зеленые, все стодолларовые купюры. Деньги стопкой положил перед Мерлином. Взял «башмак» и поставил двадцать черных фишек на Банкомета.

– Ты тоже, – распорядился он, посмотрев на Мерлина. Тот послушно отсчитал двадцать сотенных, положил на поле Банкомета.

Крупье высоко поднял руку, предупреждая Джордана не начинать. Оглядел стол, дожидаясь, пока все сделают ставки. Наконец рука крупье легла на стол.

– Карту для Игрока, – медовым голосом проворковал он.

Джордан начал сдавать карты. Одну – крупье, одну – себе. Еще одну крупье – еще одну себе. Крупье вновь оглядел стол и перебрал две свои карты тому, кто поставил наибольшую сумму на Игрока. Мужчина осторожно заглянул в карты, улыбнулся и вскрыл их. Девять, победа. Джордан не глядя вскрыл свои. Две фигуры. Зеро. Поражение. Джордан передал «башмак» Мерлину. Мерлин – следующему игроку. В первое мгновение Джордан попытался остановить Мерлина, но что-то в лице Малыша подсказало ему, что делать этого не следует. Ни один не произнес ни слова.

Золотисто-коричневый «башмак» медленно огибал стол. Игра шла с переменным успехом. Выигрывал то Банкомет, то Игрок. Джордан все время ставил на Банкомета, проиграл десять тысяч. Мерлин ставок не делал. Наконец «башмак» вернулся к Джордану.

Он сделал свою ставку, наклонился к Мерлину, отсчитал две тысячи долларов, положил на поле для Банкомета. Обратил внимание, что Диана уже не сидит рядом. Приготовился. Почувствовал внезапный прилив энергии, абсолютную уверенность в том, что карты теперь будут ложиться, как ему того хочется, и никак иначе.

Спокойно, с бесстрастным лицом, Джордан подряд выиграл двадцать четыре розыгрыша. К восьмому розыгрышу ограждение облепили возбужденные игроки. Все, кто сидел за столом, ставили только на Банкомета, ухватившись за удачу Джордана. К десятому розыгрышу крупье пришлось достать фишки по пятьсот долларов. Очень красивые, кремовые с золотом.

Калли, облокотившись на поручень, пристально наблюдал за Джорданом. Диана стояла рядом с ним. Джордан помахал им рукой. Сидящий в другом конце стола южноамериканец воскликнул: «Маэстро», – когда за Джорданом остался тринадцатый розыгрыш. А потом над столом воцарилась полная тишина. Джордан метал и выигрывал, метал и выигрывал.

Карты как птицы вылетали из «башмака» легко и свободно. Ни одна ни за что не цеплялась, ни одна не ложилась картинкой вверх. Свои карты он переворачивал, не глядя на них, позволяя старшему крупье огласить результат. Подчиняясь командам крупье: «Карту для Игрока» или «Карту для Банкомета», он, не выказывая никаких эмоций, выкладывал их на стол. Наконец в двадцать пятом розыгрыше, Джордан проиграл Игроку. На последнего ставил один крупье, все остальные – на Банкомета.

Джордан передал «башмак» Мерлину, который отказался метать карты, и «башмак» перекочевал к его соседу. Перед Мерлином тоже громоздились кремово-золотые фишки. Поскольку они выигрывали за Банкомета, им полагалось заплатить комиссию в пять процентов. Крупье подсчитал сумму комиссии. На двоих получилось более пяти тысяч долларов. То есть Джордан выиграл больше ста тысяч. И все остальные игроки, сидевшие за столом, остались в плюсе.

Оба крупье уже звонили менеджеру казино и владельцу отеля, чтобы сообщить плохие новости. Неудачная ночь за столом для баккара – одна из самых серьезных опасностей для прибыли казино. Нет, в долговременной перспективе такая ночь ровным счетом ничего не значила, но все-таки неприятно заканчивать день в минусе. Гронвелт спустился из пентхауса, прошел в секцию для баккара, встал рядом с питбоссом. Джордан увидел его краем глаза, узнал. Как-то раз Мерлин показал ему владельца отеля.

«Башмак» следовал по кругу, по большей части принося удачу Банкомету. Джордан еще чуть увеличил свой выигрыш. Потом «башмак» вновь очутился в его руках. Его руки так и летали над столом. Он превратил в реальность мечту каждого игрока в баккара. Наконец карты в «башмаке» закончились. Перед Джорданом высилась гора кремово-золотых фишек.

Четыре из них Джордан бросил старшему крупье:

– Для вас, джентльмены.

Подскочил питбосс:

– Мистер Джордан, вас не затруднит посидеть здесь, пока мы не подсчитаем все фишки и не выпишем чек?

Джордан сунул в карман толстенную пачку сотенных, ссыпал в другие черные стодолларовые фишки, оставив на столе кремово-золотую грудку фишек по пятьсот долларов.

– Пожалуйста, подсчитайте. – Он поднялся, чтобы размять ноги, небрежно спросил: – Мы сможем разыграть еще один «башмак»?

Питбосс замялся, повернулся к менеджеру казино, который стоял рядом с Гронвелтом. Тот отрицательно покачал головой. Он видел в Джордане заядлого игрока. Из тех, которые остаются в Вегасе, пока не проиграются в пух и прах. Но в эту ночь Джордан ухватил удачу за хвост. Так зачем усугублять ситуацию? Менеджер казино прекрасно знал, что против удачи все средства бессильны. А вот завтра карты могли лечь иначе. Удача не могла сопутствовать человеку до бесконечности. Наступал момент, когда она поворачивалась к нему спиной. Менеджер казино видел все это не один раз. В казино игра шла годами, изо дня в день, и с каждой игры казино получало свой процент.

– Закройте стол, – распорядился менеджер казино.

Джордан кивнул, смиряясь с неизбежным. Посмотрел на Мерлина:

– Веди учет, десять процентов выигрыша на твоём месте – твои.

И удивился, когда увидел печаль в глазах Мерлина.

– Нет, – ответил тот.

Крупье пересчитывали кремово-золотые фишки Джордана и передавали инспекторам, питбоссу и менеджеру казино, которые также вели подсчет. Наконец питбосс вымолвил с благоговением в голосе: «Здесь фишек на двести девяносто тысяч долларов, мистер Джи. Выписать чек на всю сумму?»

Джордан кивнул. Внутренние карманы пиджака раздувались от других фишек и купюр. Он не хотел их сдавать.

Другие игроки разошлись, как только менеджер казино сказал, что новый «башмак» разыгрываться не будет. Питбосс о чем-то шептался с крупье. Калли прошел через воротца и встал рядом с Джорданом и Мерлином. В одинаковых пиджаках «Чемпион Вегаса» они выглядели как члены какой-то уличной банды.

Джордан действительно устал, так устал, что у него не хватало сил ни на кости, ни на рулетку. А блэджек ему не подходил из-за низкой, пятьсот долларов, максимальной ставки.

– Сегодня ты больше не играешь, – заявил ему Калли. – Господи, никогда не видел ничего подобного. Сегодня ты будешь только проигрывать. Ты полностью выбрал запас везения.

Джордан согласно кивнул.

Охранник взял у питбосса контейнер с фишками и понес его к кассе. Диана присоединилась к группе, поцеловала Джордана. Все они искренне радовались его успеху. И Джордан в те мгновения чувствовал себя счастливым. Еще бы, он стал героем. Никого не убив, никого не покалечив. Ему все удалось легко. Делая ставки и выигрывая.

Им пришлось подождать, пока из кассы принесут чек.

– Ты богат, теперь ты можешь делать все, что пожелаешь, – с легкой улыбкой сказал ему Мерлин.

– Ты должен уехать из Вегаса, – добавил Калли.

Диана сжимала руку Джордана. Но Джордан смотрел на Гронвелта, стоявшего в компании менеджера казино и обоих инспекторов, которые слезли со своих высоких стульев. Все четверо о чем-то шептались.

– Ксанаду-первый, – неожиданно обратился к Гронвелту Джордан, – как насчет того, чтобы разыграть «башмак»?

Гронвелт шагнул к Джордану, яркий свет ударил ему в лицо. Джордан вдруг понял, что Гронвелт значительно старше, чем он думал. Стальные волосы, загорелое лицо, крепкая фигура, но возраст все-таки давал о себе знать.

Гронвелт улыбнулся. Он не злился на Джордана за то, что тот воспользовался телефонным позывным. Но в глубинах его души что-то отреагировало на брошенный ему вызов, заставив вспомнить молодость, когда он был таким же заядлым игроком. Теперь-то он обезопасил свой мир, взял все под контроль. Ему хватало как радостей жизни, так и обязанностей, иной раз он сталкивался и с опасностями, но чего он давно не испытывал, так это острых ощущений. А предложение Джордана давало возможность вкушать их сполна. Опять же, хотелось знать, как далеко сможет пойти Джордан, есть ли предел его удаче.

– Вам готовят чек на двести девяносто тысяч долларов, так? – спросил Гронвелт.

Джордан кивнул.

– Я прикажу им собрать «башмак». Мы сыграем один раз. Победитель получает все. Но вы будете Игроком, не Банкометом.

Все, кто остался в секции для баккара, остолбенели. Крупье вытаращились на Гронвелта. Он рисковал не только огромной суммой, нарушая законы казино, он рисковал лицензией, если Комиссия по играм штата Невада решит разобраться с этой ставкой. Гронвелт улыбнулся им:

– Перетасуйте карты. Соберите «башмак».

В этот момент питбосс вернулся с желтым бумажным прямоугольником – чеком на двести девяносто тысяч долларов. Джордан мельком взглянул на него и положил на поле Игрока.

– Ставка сделана.

Джордан увидел, как Мерлин попятился к серому барьеру ограждения. Мерлин вновь пристально изучал его. Отошла и Диана, не сводя с него недоумевающих глаз. Их изумление только порадовало Джордана. Не нравилось ему другое: предстояло играть против собственной удачи. Ужасно не хотелось сдавать карты из «башмака» и ставить против себя. Он повернулся к Калли.

– Калли, сдай карты вместо меня, – попросил он.

Но Калли в ужасе отмахнулся. Потом посмотрел на крупье, который доставал из-под стола новые колоды, чтобы перетасовать их. По телу Калли пробежала дрожь, но он вновь повернулся к Джордану.

– Джорди, это заведомый проигрыш, – эти слова он произнес так тихо, словно хотел, чтобы услышал их только Джордан. Бросил короткий взгляд на Гронвелта, который не отрываясь смотрел на него. – Послушай, Джорди, банк всегда оставляет Игроку два с половиной процента. При каждом розыгрыше. Поэтому те, кто ставит на Банкомета, должны платить по пять процентов. Но теперь казино выступает в роли Банкомета. То есть при наихудшем раскладе два с половиной процента останутся за тобой. Ты это понимаешь, Джорди? – говорил он ровно и размеренно, словно что-то растолковывал ребенку.

Джордан лишь рассмеялся.

– Я знаю, – ответил он и чуть не добавил, что именно на это и рассчитывает, хотя правды в его словах не было бы. – Так что, Калли, сдашь за меня карты? Я не хочу играть против своей удачи.

Крупье тасовал громадную колоду частями, потом сложил все карты. Протянул Джордану желтую пластиковую пластину, чтобы тот поднял колоду. Джордан посмотрел на Калли. Калли молча подался назад. Джордан поднял колоду. Все придвинулись к столу. Игроки, уви-

дев новый «башмак», потянулись к воротцам, но охранник никого не пускал. Они начали протестовать. А потом разом замолчали. И выстроились вдоль ограждения. Крупье открыл первую карту, которую достал из «башмака». Семерка. Достал семь карт подряд, положил на стол. Затем протянул «башмак» Джордану. Джордан опустился на свой стул.

– Только один розыгрыш, – неожиданно повторил Гронвелт.

Крупье поднял руку.

– Мистер Жи, вы ставите на Игрока, понимаете? Карта, которую открою я, будет вашей картой. Карта, которую откроете вы как Банкомет, будет картой, против которой вы ставите.

Джордан улыбнулся.

– Я понимаю.

Крупье замялся.

– Если хотите, доставать карты из «башмака» буду я.

– Нет, – ответил Джордан. – Не будем ничего менять. – Его охватило возбуждение. Не из-за громадной суммы, стоявшей на кону, а потому, что исходящая от него энергия подминала под себя и игроков, и казино.

Крупье поднял руку.

– Одну карту мне, одну – себе. Потом одну карту мне, одну – себе. Пожалуйста, – выдержал он драматическую паузу. – Карту для Игрока.

Движения руки Джордана остались такими же легкими и непринужденными. Карты так и вылетали из «башмака», чтобы приземлиться на стол в непосредственной близости от уже опущенной руки крупье. Тот мгновенно перевернул карты и остолбенел: девятка.

– Девятка! – проревел Калли за спиной Джордана.

Впервые Джордан посмотрел на две карты, лежащие перед ним. Он играл за Гронвелта, и, по идее, ничего путного в них быть не могло. Улыбнувшись, он перевернул карты.

– Девятка. – Ничья, все остались при своих. Джордан рассмеялся. – Я счастливчик. – И посмотрел на Гронвелта: – Еще?

Гронвелт покачал головой.

– Нет. – Он повернулся к крупье, питбоссу и инспекторам: – Господа, закрывайте стол.

Гронвелт вышел из секции. Ему понравился поединок с Джорданом, но он знал, когда надо остановиться. Острые ощущения он получил. И завтра ему придется объясняться с Комиссией по играм. А также переговорить с Калли. Может, насчет Калли он все-таки ошибся?

* * *

Как телохранители, Калли, Мерлин и Диана окружили Джордана и повели его прочь от секции баккара. Калли взял желтый чек с зеленого стола, сунул его в левый нагрудный карман пиджака Джордана, застегнул «молнию». Джордан радостно смеялся. Часы показывали четыре утра. Ночь подходила к концу.

– Давайте позавтракаем, – предложил он и двинулся к кафетерии.

– Итак, у него почти четыреста тысяч долларов. Мы должны выпроводить его отсюда, – заявил Калли, как только они сели в одну из обтянутых желтой кожей кабинок. – Джорди, ты должен покинуть Вегас. Ты богат. Ты можешь делать все, что пожелаешь.

Джордан видел, что Мерлин наблюдает за ним. Черт, его это начинало раздражать.

Диана коснулась руки Джордана:

– Не играй больше. Пожалуйста. – Ее глаза сверкали.

И внезапно Джордан осознал, что ведут они себя так, словно он сумел убежать из тюрьмы или ему неожиданно разрешили вернуться из ссылки. Он чувствовал их радость, и ему захотелось отплатить добром за добро.

– Позвольте мне сделать вам маленький подарок. По двадцать штук каждому.

Они изумились. Первым пришел в себя Мерлин.

– Я возьму деньги, когда ты уедешь в аэропорт.

– Дельная мысль, – согласилась Диана. – Ты должен улететь из Вегаса. Так, Калли?

Калли их мнения не разделял. Он не видел ничего плохого в том, чтобы взять деньги сейчас, а потом посадить Джордана на самолет. Игра-то все равно закончилась. Но Калли мучила совесть, поэтому свои мысли он оставил при себе. Он знал, что это последний романтический поступок в его жизни. Демонстрирующий истинную дружбу. Неужели Мерлин и Диана не видели, что Джордан безумен? Что он может ускользнуть от них и просадить все, до последнего цента?

– Послушайте, мы должны держать его подальше от столов. Охранять, пока завтра самолет не унесет его в Лос-Анджелес.

Джордан покачал головой.

– В Лос-Анджелес не полечу. Если уж лететь, то куда-нибудь подальше. На край света, – улыбнулся он. – Я никогда не бывал за пределами Соединенных Штатов.

– Нам нужна карта, – улыбнулась Диана. – Я позвоню на регистрационную стойку. Там наверняка есть карта мира. – Она сняла трубку с телефонного аппарата, стоявшего у кабинки, набрала номер. И действительно, карту пообещали принести минут через десять.

Стол тем временем заполнился тарелками с едой. Яичница, ветчина, рогалики, маленькие утренние стейки. Калли заказывал как принц.

– Ты пошлешь чеки детям? – за едой спросил Джордана Мерлин, не поднимая на него глаз.

Джордан пожал плечами – об этом он как-то не задумывался. И по какой-то причине разозлился на Мерлина за то, что тот задал этот вопрос, да еще в такой момент.

– Почему он должен посылать деньги детям? – спросил Калли. – Он и так делал для них все, что мог. Ты еще скажи, что он должен послать чек жене. – И рассмеялся, показывая тем самым, что такое просто невозможно.

Джордану это тоже не понравилось. Выходит, у них сложилось негативное впечатление о его жене. А она – хорошая женщина.

Диана закурила. Она пила только кофе, и на ее губах играла задумчивая улыбка. На мгновение ее рука коснулась руки Джордана, как бы показывая, что она его хорошо понимает. Принесли карту. Джордан сунул коридорному сотенную. Тот убежал, прежде чем возмущенный Калли успел произнести хоть слово. Диана начала разворачивать карту.

Мерлин-Мальш пристально смотрел на Джордана.

– И какие у тебя ощущения?

– Потрясающие, – с улыбкой ответил Джордан.

– Если ты подойдешь к столу для игры в кости, мы просто оттащим тебя от него, – предупредил Калли. – Я серьезно, – и стукнул кулаком по столу.

Карту Диана положила прямо на тарелки с недоеденным завтраком. Все, кроме Джордана, склонились над ней. Мерлин предложил какой-то город в Африке. Джордан спокойно ответил, что в Африку он не полетит.

Мерлин откинулся на спинку стула. Теперь он изучал не карту, а Джордана. Вот тут Калли удивил всех.

– Я знаю в Португалии один городок, Мерседаш. – А удивились они потому, что пребывали в полной уверенности, что Калли никогда в жизни не покидал Вегас. Теперь выяснилось, что он бывал в Португалии. – Да, Мерседаш. Там красиво и тепло. Прекрасный пляж. Есть и казино с максимальной ставкой в пятьдесят долларов. Работает каждый вечер, по шесть часов. Ты сможешь играть, сколько захочешь, без особого урона для своих финансов. Что скажешь, Джордан? Как тебе Мерседаш?

– Годится.

Диана начала прикидывать маршрут.

– Из Лос-Анджелеса через Северный полюс в Лондон. Оттуда самолетом в Лиссабон. И на автомобиле в Мерседаш.

– Нет, – покачал головой Калли. – Самолеты летают в какой-то большой город неподалеку от Мерседаша. Я только забыл, в какой именно. И постарайся, чтобы в Лондоне он не задерживался. В тамошних клубах убийственные ставки.

– Я должен поспать, – подал голос Джордан.

Калли посмотрел на него.

– Господи, конечно, ты ужасно выглядишь. Поднимайся в свой номер и приляг. Мы все сделаем. И разбудим тебя перед вылетом. Не пытайся вернуться в казино. Мы с Малышом будем настороже.

– Джордан, ты должен дать мне деньги на билеты, – обратилась к нему Диана.

Джордан вытащил из кармана толстенную пачку сотенных, положил на стол. Диана отсчитала тридцать штук.

– Не могут билеты первого класса стоить дороже трех тысяч? – спросила она Калли.

Тот покачал головой.

– Максимум две тысячи. Забронируй и отели. – Он взял оставшиеся на столе деньги, сунул Джордану в карман.

Джордан встал, предпринял последнюю попытку:

– Позвольте мне прямо сейчас подарить вам эти деньги.

– Нет, – быстро ответил Мерлин. – Только перед отъездом в аэропорт. – Джордан прочитал на лице Мерлина любовь и печаль. – Попытайся уснуть. Мы тебя разбудим и поможем собрать вещи.

– Хорошо. – Джордан направился к коридору, в котором находился его номер. Он знал, что Мерлин и Калли последуют за ним, чтобы убедиться, что он не завернет в игровой зал. Он смутно помнил, что Диана поцеловала его на прощание, а Калли тепло обнял. Откуда Калли мог знать про Португалию?

Войдя в номер, Джордан закрыл дверь на замок, на засов и на цепочку. Теперь он был в абсолютной безопасности. Он сел на краешек кровати. И внезапно его охватила дикая злоба. Разболелась голова, тело затрясло.

Как они посмели испытывать к нему любовь? Как посмели выказывать ему сочувствие? У них не было на то причины... не было! Он ни на что не жаловался. Он не искал их любви. Не просил о сочувствии. Не хотел он ничего этого. У него проявление их теплых чувств вызывало отвращение.

Он привалился к подушкам, так устал, что не смог даже раздеться. Но пиджак все-таки пришлось снять и бросить на пол: на карманах, набитых фишками, особо не полежишь.

Он закрыл глаза и уже подумал, что мгновенно заснет, но вновь таинственный ужас пробил тело, словно электрический разряд, заставив его сесть. Он не мог контролировать руки и ноги: их трясло.

Темноту комнаты начали пробивать первые проблески зари. Джордан подумал о том, чтобы позвонить жене и рассказать ей о выигрыше. Но знал, что не сможет сказать. Ни ей, ни детям. Ни прежним друзьям. Не было в мире человека, с которым ему хотелось бы поделиться вестью о своей удаче. Не было в мире человека, который мог бы разделить с ним радость.

Он поднялся с кровати, чтобы собрать вещи. Он разбогател и должен лететь в Мерседаш. Внезапно заплакал: печаль и ярость сокрушили все остальные чувства. Увидел в чемодане револьвер – и в голове у него помутилось. Последние шестнадцать часов вихрем пронеслись в памяти: кости с выигрывающими числами, выигранные партии в блэкджек, длинный овальный стол для игры в баккара, бледные лица игроков, битые карты, крупье в смокинге и ослепительно-белой рубашке, поднятая рука, напевный голос: «Карту для Игрока».

Пальцы правой руки Джордана сжались на рукоятке револьвера. Мозг работал четко. Он поднял правую руку, дуло вдавилось в висок, указательный палец нажал на спусковой крючок. И тут же переполнявший его ужас исчез. В последнее мгновение Джордан успел подумать о том, что никогда не побывает в Мерседаше.

Глава 3

Мерлин-Малыш вышел из стеклянных дверей казино. Нравилось ему смотреть на восходящее солнце – еще холодный желтый диск, чувствовать на лице прохладный ветерок, дующий с гор, окружающих город в пустыне. Только в это время дня он покидал кондиционированную атмосферу казино. Они часто планировали устроить пикник в этих горах. Диана как-то принесла корзинку для ленча. Но Калли и Джордан не пожелали уходить из казино.

Он закурил, с наслаждением, медленно и глубоко вдыхал табачный дым. Курил он, надо отметить, редко. Солнце начало краснеть – круглая горелка, подключенная к сети бесконечной галактики. Мерлин повернулся, чтобы войти в казино, и заметил Калли в пиджаке «Чемпион Вегаса», который спешил через секцию для игры в кости – должно быть, разыскивал его. Они встретились у секции баккара. На смуглом лице Калли отражались ненависть, испуг, шок.

– Этот сукин сын Джордан, – выдохнул Калли. – Нагрел каждого из нас на двадцать штук. – Он рассмеялся. – Вышиб себе мозги. Выиграл четыреста двадцать тысяч и вышиб себе мозги.

Мерлин, похоже, не удивился. Разве что сигарета выскользнула у него из пальцев.

– Черт! Он действительно не выглядел счастливым.

– Давай подождем здесь и перехватим Диану, когда она вернется из аэропорта. Тогда мы сможем разделить деньги, которые получим за возврат билетов.

Во взгляде Мерлина затеплилось любопытство. Неужели Калли такой бесчувственный? Вроде бы нет, его губы кривила печальная улыбка. В том, что Калли потрясен и расстроен, сомнений быть не могло. Мерлин присел к закрытому столу для баккара. От усталости и недосыпа у него чуть шумело в голове. Как и Калли, его переполняла ярость, но совсем по другой причине. Он внимательно изучал Джордана, следил за каждым его движением. Всякими способами вытягивал из Джордана историю его жизни. Чувствовал, что у него нет ни малейшего желания покидать Вегас. Что он немного не в себе. Но он ни разу не упомянул о револьвере. И всегда реагировал адекватно, когда видел, что Мерлин наблюдает за ним. Однако он их провел. Голова у Мерлина шла кругом именно потому, что он правильно просчитывал поступки Джордана за все три недели их знакомства. Он мог бы сообразить, что к чему, но недостаток воображения не позволил ему составить из отдельных частей точную и ясную картину. Потому что теперь, когда Джордана не стало, Мерлин знал, что по-другому просто и быть не могло. С самого начала Джордан собирался умереть в Лас-Вегасе.

* * *

Только Гронвелт ничему не удивился. Высоко в пентхаусе, ночь за ночью, из года в год, он размышлял о зле, таящемся в сердце человека. Внизу, в кассе казино, лежал миллион долларов, украсть который мечтал весь мир, и Гронвелт стремился разрушить эти планы. И, вроде бы всесторонне изучив зло, иной раз он размышлял о других таинствах и все больше боялся добра, которое в любой человеческой душе соседствовало со злом. Добро это представляло собой куда большую угрозу и для мира Гронвелта, и для него самого.

Когда служба безопасности сообщила о самоубийстве, Гронвелт незамедлительно поставил в известность управление шерифа и разрешил взломать дверь в номер. Разумеется, без лишнего шума и свидетелей. Для проведения инвентаризации. Они нашли два чека казино на триста сорок тысяч долларов. И почти восемьдесят тысяч наличными и фишками, рассованными по карманам нелепого пиджака, в котором ходил Джордан. «Молнии» на всех карманах не позволяли фишкам высыпаться на пол или на кровать.

Гронвелт выглянул из окон пентхауса на краснеющее солнце, поднявшееся над горами. Вздохнул. Джордан не сможет спустить свой выигрыш. Казино не удастся возместить потери. Да, только таким способом заядлый игрок мог уберечь свой выигрыш. Единственным способом.

Но предстояло браться за дело. Газеты не должны сообщить о самоубийстве. Трудно представить себе худшую рекламу для казино: человек пускает себе пулю в лоб, выиграв четыреста двадцать тысяч долларов. И он не хотел, чтобы пошли слухи о том, что Джордана убили, с тем чтобы казино смогло компенсировать свои потери. Для этого требовалось принимать меры. Он позвонил кому следовало. Бывшего сенатора Соединенных Штатов, человека с безупречной репутацией, попросили сообщить печальную весть новоиспеченной вдове. И сказать ей, что ее покойный супруг выиграл целое состояние, которое она может забрать вместе с телом. Все делалось по-тихому, честно, справедливо. С тем чтобы о Джордане осталась только легенда, которую будут рассказывать друг другу проигравшиеся игроки в кафетериях казино, выстроившихся вдоль Стрип. Но для самого Гронвелта эта история интереса не представляла. Он давно уже отказался от попыток понять душу игрока.

* * *

Похороны прошли скромно, на протестантском кладбище, окруженном золотой пустыней. Вдова прилетела в Лас-Вегас и все организовала. Гронвелт и его подчиненные сообщили ей о выигрышах Джордана. Чеки переписали на ее имя, ей выдали всю наличность, найденную на трупе. Информацию о самоубийстве замяли. При содействии властей и газет. Никому не хотелось пятнать репутацию Лас-Вегаса сообщением о том, что человек, выигравший четыреста двадцать тысяч долларов, найден мертвым в своем наглухо закрытом номере. Вдова оставила расписку в получении чеков и наличных. Гронвелт и ее попросил никому ни о чем не говорить, но понимал, что на этот счет он может не волноваться. Если эта миловидная дама хоронит мужа в Лас-Вегасе, а не везет тело домой и не разрешает детям присутствовать на похоронах, значит, ей есть что скрывать.

Гронвелт, экс-сенатор и адвокаты проводили вдову до лимузина (естественно, предоставленного «Ксанаду»). Малыш, который ее ждал, заступил им дорогу.

– Меня зовут Мерлин, – представился он миловидной вдове. – Мы с вашим мужем были друзьями. Мне очень жаль.

Вдова видела, что он пристально смотрит на нее, изучает. Она сразу поняла, что у него нет никаких тайных мотивов, что говорит он от души. Но что-то его очень интересовало. Она видела его на похоронах с молодой женщиной, лицо которой опухло от слез. Почему он не подошел к ней тогда? Может, это была девушка Джордана?

– Я рада, что у него здесь был друг, – ответила она. Ее забавлял откровенный взгляд этого молодого человека. Она знала, что привлекает мужчин. Не столько красотой, сколько умом, проглядывающим сквозь красоту, подсказывающим мужчинам, что такое сочетание встречается крайне редко. Она поменяла многих любовников, прежде чем нашла того единственного мужчину, с которым решила связать судьбу, уйдя от Джордана. Она задалась вопросом, знает ли этот молодой человек, Мерлин, о ней и Джордане, о том, что произошло в их последнюю ночь? Но ее это особо не волновало, вины она за собой не чувствовала. Она лучше других знала, что решение умереть Джордан принял сам. Этим он пытался показать, что зол на нее.

Ей даже льстил откровенный восхищенный взгляд этого молодого человека. Она не могла знать, что он видит не только белоснежную кожу, идеальные черты, алый чувственный рот. Это он тоже видел, но воспринимал ее лицо как маску ангела смерти.

Глава 4

Когда я сказал вдове Джордана, что меня зовут Мерлин, она ответила дружелюбным взглядом, в котором не читалось ни вины, ни горя. Я признал в ней женщину, которая полностью контролирует свою жизнь, руководствуясь при этом не самовлюбленностью, а умом. Я понял, почему Джордан ни разу не сказал о ней плохого слова. Передо мной стояла необычная женщина, из тех, какую готовы полюбить многие мужчины. Но я не хотел иметь с ней никаких дел. Потому что взял сторону Джордана. Хотя я чувствовал его холодность и неприятие нас всех, несмотря на вежливость и дружелюбие.

* * *

Уже при встрече с Джорданом я понял, что с ним что-то не так. Случилось это на второй день моего пребывания в Вегасе, когда мне здорово повезло в блэкджеке и от радости я перепрыгнул за стол для баккара. Баккара – игра, в которой можно надеяться исключительно на удачу. Минимальная ставка в каждом розыгрыше – двадцать долларов. Игрок здесь полностью в руках судьбы, а для меня это хуже пытки. Мне всегда хотелось, чтобы право выбора оставалось за мной.

Сев за длинный стол для баккара, я сразу обратил внимание на Джордана, сидевшего у другого конца. Не мог не обратить: очень интересный мужчина лет сорока, может, даже сорока пяти, с густыми белоснежными, но не поседевшими от возраста волосами. С такими он родился – альбинос. Между нами сидел еще один игрок, плюс трое зазывал создавали видимость активной игры. Одной из зазывал была Диана, она сидела через два стула от Джордана. Ее наряд ясно говорил о том, что она не только играет в баккара, но и оказывает желающим известные услуги. Меня, однако, больше заинтересовал Джордан.

В тот день он показался мне великолепным игроком. Не выказывал радости при выигрыше и разочарования при проигрыше. Сдавал карты легко и непринужденно белыми как снег руками. Наблюдая, как он манипулирует сотенными, я вдруг понял, что в действительности ему все равно, выиграет он или проиграет.

Третьим игроком за столом был так называемый паровоз, плохой игрок, постоянно ставящий на проигравшего. Невысокого росточка, худой, начесывающий черные волосы на лысину. Тело этого недомерка буквально вибрировало от распирающей его энергии. Резкость, порывистость чувствовались в каждом движении. В том, как он бросал деньги на поле Игрока или Банкомета, в том, как забирал выигрыш, в том, как пересчитывал оставшиеся купюры в случае проигрыша. Когда «башмак» попадал к нему в руки, карты он метал крайне небрежно, и зачастую они переворачивались или проскакивали мимо протянутой руки крупье. Но крупье оставался бесстрастным, подчеркнуто вежливым. Карта Игрока поплыла по воздуху, сильно накренилась. Недомерок попытался добавить черную фишку к своей ставке. Крупье остановил его:

– Извините, мистер А., вы не можете этого сделать.

Злой рот мистера А. стал еще злее.

– Какого хрена, я сдал только одну карту. Кто говорит, что не могу?

Крупье посмотрел на инспектора, сидящего на высоком стуле неподалеку от Джордана. Инспектор чуть заметно кивнул.

– Мистер А., делайте ставку, – вежливо ответил недомерку крупье.

Первой картой была четверка, плохая карта для Игрока. Но, когда карты вскрыли, мистер А. все равно проиграл Игроку. «Башмак» переключался к Диане.

Мистер А. ставил на Игрока, против Дианы-Банкомета. Я посмотрел на Джордана. Он наклонил голову, не обращая никакого внимания на мистера А. А вот я обратил. Мистер А. поставил пять сотен на Игрока. Диана механически сдавала карты. Мистер А. получил карты Игрока. Мельком взглянул на них, рывком вскрыл. Две фигуры. Ничего. Две карты Дианы в сумме выдали пятерку. «Карту Игроку». Диана сдала мистеру А. еще одну карту. Фигура. Ничего. «Выигрыш Банкомета», – объявил крупье.

Джордан ставил на Банкомета. Я собирался поставить на Игрока, но мистер А. меня бесил, поэтому я поставил на Банкомета. Теперь я увидел, что мистер А. поставил на Игрока тысячу долларов. Джордан и я отдали предпочтение Банкомету.

Второй розыгрыш она выиграла девяткой против семи очков у мистера А. Тот злобно глянул на Диану, словно хотел вспугнуть ее выигрыши. Лицо девушки оставалось бесстрастным.

И действительно, никакого интереса в игре у нее не было, она лишь выполняла порученное ей дело. Мистер А. снова поставил тысячу долларов на Игрока, а Диана опять выбросила девятку. Мистер А. стукнул кулаком по столу, процедил: «Гребаная сучка!» – и с ненавистью глянул на нее. Крупье, ведущий игру, поднялся, но на его лице не дрогнул ни один мускул. Инспектор чуть наклонился вперед, как Иегова, высунувший голову из облаков. Атмосфера над столом начала накаляться.

Я наблюдал за Дианой. Она чуть помрачнела. Джордан как ни в чем не бывало забрал свой выигрыш. Мистер А. поднялся и отошел к питбоссу. Что-то прошептал. Питбосс кивнул. Сидевшие за столом поднялись, чтобы размять ноги, пока готовился следующий «башмак». Я увидел, как мистер А. прошествовал к коридорам, ведущим к номерам. Я увидел, как питбосс подошел к Диане и что-то сказал ей, после чего она тоже покинула секцию игры в баккара. Сообразить, что к чему, труда не составило. Мистер А. решил перепихнуться с Дианой и тем самым перехватить ее удачу.

Крупье понадобилось чуть больше пяти минут, чтобы собрать новый «башмак». Я использовал это время, чтобы сделать несколько ставок в рулетку. Когда вернулся, игра уже началась. Джордан занимал то же место, за столом сидели двое мужчин-зазывал.

«Башмак» трижды обошел стол, прежде чем вернулась Диана. Выглядела она ужасно, уголки рта опустились, по выражению лица чувствовалось, что она едва сдерживает слезы, хотя она и накрутила. Она села между мною и одним из крупье, выдающим выигрыши и собирающим проигрыши. От него тоже не укрылось состояние Дианы. Улучив момент, он наклонился к ней и прошептал: «Ты в порядке, Диана?» Так я узнал, как ее зовут.

Она кивнула. Я передал ей «башмак». Ее руки, когда она сдавала карты, дрожали. Она сидела, наклонив голову, чтобы скрыть поблескивающие на глазах слезы. Она словно сгорала от стыда. Уж не знаю, что делал с ней мистер А. в своем номере, но уж точно наказал за то, что она обыграла его. Крупье дал знак питбоссу. Тот подошел и похлопал Диану по руке. Она встала, ее место занял зазывала-мужчина. А Диана села на один из стульев, стоящих у ограждения, рядом с другой девушкой-зазывалой.

«Башмак» попеременно одаривал выигрышами то Игрока, то Банкомета. Я пытался вовремя менять ставки и поймать этот рваный ритм. Мистер А. вернулся к столу, уселся на прежнее место, где оставил деньги, сигареты и зажигалку.

Выглядел он совсем другим человеком. Принял душ, заново причесался. Даже побрился. Злости в его облике заметно поубавилось. Он надел новые рубашку и брюки и, похоже, лишился заметной части яростной энергии, которая совсем недавно распирала его. Нет, полностью он не расслабился, но уже не напоминал ввинчивающийся в небо смерч, каким его рисуют в комиксах.

Усаживаясь, он заметил Диану, которая сидела у ограждения, и его глаза блеснули. Он зловеще усмехнулся. Диана отвернулась.

В номер он сходил не зря: изменилось не только его настроение, но и удача. Он ставил на Игрока и постоянно выигрывал. В то время как хорошие парни, я и Джордан, несли ощутимые потери. Меня это злило, опять же, я жалел Диану, а потому начал сознательно портить кровь мистеру А.

Есть люди, с которыми играть в казино – одно удовольствие, а есть и такие, с которыми противно находиться рядом. За столом для игры в баккара таким вот говнюком может быть как Банкомет, так и Игрок, когда он берет две свои карты и долго-долго, всю положенную минуту, смотрит на них, прежде чем вскрыть, заставляя остальных нетерпеливо ждать своей судьбы.

Вот это я и начал проделывать с мистером А. Он сидел на стуле номер два, я – на номере пять. То есть мы были на одной половине стола и могли переглядываться. Я превосходил мистера А. и ростом, на целую голову, и шириной плеч. Выглядел на двадцать один год. Никто не мог догадаться, что мне – тридцать, а в Нью-Йорке у меня трое детей и жена, от которой я и сбежал в Вегас. Поэтому внешне в сравнении с мистером А. я казался сосунком. Да, преимущество в силе было на моей стороне, но в Вегасе он пользовался немалым влиянием, и за ним определенно установилась репутация плохиша. Во мне, естественно, видели новичка, жаждущего перейти в категорию заядлых игроков.

Как Джордан, играя в баккара, я практически всегда ставил на Банкомета. Но когда «башмак» перешел к мистеру А., я начал играть против него, ставя на Игрока. Получив две свои карты, я долго смотрел на них, прежде чем выложить на стол. Мистер А. аж подпрыгивал на стуле. Он выиграл, но не смог сдержаться, и на следующей сдаче у него вырвалось: «Давай, сучонок, не тяни резину».

Не беря карты со стола, я спокойно посмотрел на него. Краем глаза взглянул на Джордана. Он ставил на Банкомета, как и мистер А., но улыбался. Я очень медленно поднял карты.

– Мистер Эм., вы задерживаете игру, – подал голос крупье. – Стол не даст прибыли, – и дружелюбно мне улыбнулся: – Сколько бы вы ни держали карты в руках, они от этого не изменятся.

– Конечно, – кивнул я и бросил карты на стол с отвращением на лице, как поступают проигравшие. Мистер А. улыбнулся, предвкушая очередную победу. А потом, когда он увидел мои карты, остолбенел. Девятка.

– Хер моржовый! – прорычал он.

– Я достаточно быстро открыл карты? – вежливо осведомился я.

Он бросил на меня убийственный взгляд и зашуршал лежащими перед ним купюрами. Он еще не понял, чего я добиваюсь. Я взглянул на другой конец стола. Джордан улыбался во весь рот, хотя и проиграл вместе с мистером А. Следующий час я тем же способом донимал мистера А.

Я видел, что в казино мистера А. считают важным клиентом. Инспектор закрывал глаза на его не совсем корректные действия. Крупье обращались к нему предельно вежливо. Он всякий раз ставил по пятьсот или тысяче долларов. Я по большей части двадцатки. Поэтому в случае конфликта из-за стола вышли бы меня.

Но я все делал правильно. Этот парень обозвал меня сучонком, а я не набросился на него с кулаками. Когда крупье предложил мне быстрее расставаться с картами, я так и поступил. А если мистер А. начал «разводить пары» и допускать все больше ошибок, так я не нес ответственности за его проигрыши. Казино потеряло бы лицо, если б встало на его сторону. Они не могли позволить мистеру А. выйти сухим из воды, если бы он выкинул какой-нибудь фортель, потому что этим он унизил бы не только меня, но и казино. Как мирный, никого не трогающий игрок, я был гостем казино, а следовательно, имел полное право на защиту.

Я увидел, как инспектор, сидевший неподалеку от меня, потянулся к телефону, установленному около его высокого стула, и сделал два звонка. Наблюдая за ним, я пропустил одну раздачу: «башмак» находился у мистера А. На какое-то время я вышел из игры и расслабился.

Стулья для баккара это позволяли. Обитые бархатом, очень удобные. Некоторые проводили в них за игрой по двенадцать часов.

Напряжение заметно ослабло, когда я перестал делать ставки, едва «башмак» перешел к мистеру А. Они решили, что я струсил. По-прежнему Игрок и Банкомет выигрывали попеременно. Я заметил двух здоровяков в костюмах и при галстуках, прошедших через воротца секции. Они подошли к питбоссу, который, должно быть, сказал им, что кризис миновал и они могут вздохнуть спокойно. Что они и сделали: я слышал, как они смеялись и шутили.

Когда «башмак» вновь добрался до мистера А., я поставил двадцать долларов на Игрока. К моему изумлению, крупье передал все карты, полученные от Банкомета, не мне, а на другой конец стола, где сидел Джордан. Так я впервые увидел Калли. Худощавого, смуглолицего, что-то в нем было от индейца, но, похоже, дружелюбного. Получив карты, он улыбнулся мне и мистеру А. Я заметил, что он поставил на Игрока сорок баксов. Его ставка превысила мою, поэтому он и получил право вскрыть карты Игрока, которое Калли и реализовал без малейшего промедления. Карты он вскрыл плохие, мистер А. остался в выигрыше. Мистер А. заметил Калли и широко ему улыбнулся.

– Эй, Калли, что ты делаешь за столом для баккара? Тебе же надо считать карты в блэджеке.

Калли улыбнулся.

– Решил немного отдохнуть.

– Ставь, как я, недоумок. Этот «башмак» собран для Банкомета.

Калли рассмеялся. Но я заметил, что он поглядывает на меня. Я поставил двадцатку на Игрока. Калли – сорок долларов, чтобы получить карты. Опять он вскрыл их незамедлительно, и опять выигрыш остался за мистером А.

– Так держать, Калли! – воскликнул мистер А. – Ты мой счастливый талисман. Ставь и дальше против меня.

Крупье, ведавший деньгами, заплатил всем, кто ставил на Банкомета, и уважительно сказал:

– Мистер А., вы можете делать предельные ставки.

– Отлично, – ответил тот после короткой паузы.

Я понимал, что должен соблюдать осторожность. Лицо мое превратилось в бесстрастную маску. Крупье, ведущий игру, поднял руку, показывая, что сделаны еще не все ставки и сдавать карты нельзя. Он вопросительно посмотрел на меня. Я не шевельнулся. Крупье перевел взгляд на другой конец стола. Джордан поставил на Банкомета, составив компанию мистеру А. Калли – сотенную на Игрока, не сводя с меня глаз.

Крупье опустил руку, но, прежде чем мистер А. успел достать карту из «башмака», я бросил лежащие передо мной деньги на поле Игрока. За моей спиной смолкли голоса питбосса и двух вышибал. Инспектор, сидевший напротив меня, высунулся из облаков.

– Деньги играют, – сказал я. Это означало, что поставленную мною сумму крупье будет подсчитывать после розыгрыша. А карты, сданные Игроку, должен получить я.

Мистер А. сдал их крупье. Тот, по зеленому сукну, рубашками вверх, переадресовал их мне. Я быстро взглянул на них и отбросил. Лишь мистер А. увидел мою гримасу отвращения, которую могли вызвать только плохие карты. Но открыл я девять очков. Крупье сосчитал мои деньги. Я поставил тысячу двести долларов и выиграл.

Мистер А. откинулся на спинку стула, закурил. Он действительно раскошегарился, как набравший ход паровоз. Я ему улыбнулся. Сказал: «Извините», – как и полагалось молодому парню, случайно ухватившему удачу за хвост. Он бросил на меня злобный взгляд.

На другом конце стола Калли поднялся и направился к нам. Занял один из свободных стульев между мной и мистером А., чтобы стать следующим Банкометом. Шлепнул ладонью правой руки по «башмаку» и воскликнул:

– Эй, Чич, ставь на меня, эта рука настроена на выигрыш!

Значит, мистера А. звали Чич. В имени слышалось что-то зловещее. Но Калли Чичу определенно нравился, а Калли возвел умение нравиться в ранг науки, которую успешно осваивал. Потому что, как только Чич поставил на Банкомета, он повернулся ко мне:

– Давай, Малыш, зададим перца этому гребаному казино. Ставь на меня.

– Ты и впрямь чувствуешь, что тебе повезет? – спросил я, чуть округлив от удивления глаза.

– Скорее всего, я буду сдавать, пока не закончатся карты в «башмаке», – ответил Калли. – Я не могу это гарантировать, но, по-моему, так и будет.

– Давай попробуем. – Я поставил двадцатку на Банкомета. Мы все оказались в одной лодке. Я, Калли, мистер А. и Джордан с другого конца стола. Одному из зазывал пришлось поставить на Игрока и открыть шестерку. Калли открыл две фигуры, получил еще одну карту, тоже фигуру. Ноль – худший результат для баккара. Чич проиграл тысячу долларов. Джордан – пятьсот. Я – жалкую двадцатку. Но упрекнул Калли только я. Печально покачал головой: «Ну вот, плакали мои двадцать долларов». Калли усмехнулся и передал мне «башмак». Искоса глянув мимо него, я увидел, что лицо Чича почернело от ярости. Говнюк проиграл какие-то двадцать долларов и еще плачется. Я читал его мысли как открытую книгу.

Я поставил двадцатку на Банкомета, ожидая команды сдавать карты. Игру вел молодой симпатичный крупье, который спрашивал Диану, все ли у нее в порядке. На его поднятой вверх руке поблескивал бриллиантовый перстень. Джордан поставил на Банкомета. Калли поставил на Банкомета. Повернулся к Чичу:

– Составь нам компанию. Этот Малыш, похоже, из породы везунчиков.

– А мне кажется, что он все еще гоняет шкурку, – ответил Чич. Я видел, что все крупье наблюдают за мной. Инспекторы застыли на высоких стульях. Выглядел я большим и сильным. Вроде бы они немного разочаровались во мне.

Чич поставил три сотни на Игрока. Я сдал карты и выиграл. И продолжал выигрывать, а Чич постоянно ставил против меня. Ему пришлось одалживать деньги у питбосса. Карт в «башмаке» оставалось немного, и я вел себя как идеальный игрок: быстро вскрывал свои карты, не издавал радостных воплей при очередном выигрыше. Крупье собрали карты для нового «башмака». Все заплатили комиссию. Джордан поднялся, чтобы размять ноги. Его примеру последовали и Чич, и Калли. Я рассовывал выигрыш по карманам. Питбосс принес Чичу маркер, чтобы тот расписался за взятые в долг деньги. В секции царил миротворенность. Лучшего момента я выбрать не мог.

– Эй, Чич, так я, по-твоему, могу только гонять шкурку?

Я рассмеялся. И, огибая стол, двинулся к выходу из секции. Мимо Чича. Естественно, он не мог не замахнуться на меня. И я тут же уложил его на пол. Вернее, подумал, что уложил. Но Калли и двое вышибал мгновенно оказались между нами. Один поймал своей огромной лапищей кулак Чича. А Калли толкнул меня в плечо, так что мой кулак лишь рассек воздух.

– Сукин сын! – кричал Чич на вышибалу. – Ты знаешь, кто я? Ты знаешь, кто я?

К моему изумлению, вышибала отпустил руку Чича и отступил на шаг. От него требовалось лишь предотвратить драку, а не наказывать зачинщика. Про меня забыли. Все прогнулись под напором неистовой ярости Чича, все, кроме молодого крупье с бриллиантовым перстнем. Тихим голосом он сказал:

– Мистер А., вы ведете себя недостойно.

Чич озверел и со всей силы двинул молодому крупье в нос. Крупье с трудом устоял на ногах. Кровь хлынула на белоснежную рубашку и растворилась в сине-черном смокинге. Я проскочил мимо Калли и двоих вышибал и врезал Чичу в висок. Он свалился на пол, но тут же вскочил, изумив меня. Похоже, дело принимало серьезный оборот. Энергии в этом парне было как у атомного реактора.

И тут инспектор спустился с высокого стула, и под яркими лампами, освещавшими стол для баккара, я ясно разглядел его лицо. Пергаментно-белое, словно за годы работы в кондиционированной атмосфере казино все красные тельца в его крови обесцветились. Он поднял прозрачную руку и произнес только одно слово: «Хватит».

Все застыли. Инспектор наставил костлявый палец на грудь Чича.

– Чич, не двигайся. Тебе не избежать серьезных неприятностей. Поверь мне. – В его глуховатом голосе не слышалось никаких эмоций.

Калли уже подталкивал меня к воротцам в ограждении. Я не сопротивлялся. Но реакция некоторых действующих лиц меня озадачила. Молодому крупье разбили нос. Да, хлынула кровь, но он вполне мог дать сдачи. Я же видел, что он не испугался, да и травма была не такой уж тяжелой. Однако он даже не поднял руку на Чича. И другие крупье не пришли к нему на помощь. Они лишь в ужасе смотрели на Чича, причем в этих взглядах читался не страх, а жалость.

Калли тянул меня за собой сквозь толпу, заполнявшую игорный зал. Сотни игроков роились вокруг рулеточного колеса и столов для блэкджека. Наконец мы оказались в относительно тишине большого кафетерия.

Мне нравился здешний кафетерий, с зелеными и желтыми столами и стульями. Нравились и молоденькие симпатичные официантки в золотистой униформе с короткими юбочками. Сквозь стеклянную стену открывался прекрасный вид на зеленый газон, бассейн с голубой водой и высокие пальмы. Калли усадил меня в одну из специальных больших кабинок на шестерых, оборудованную телефонами. Похоже, он имел на это право.

Мы уже пили кофе, когда мимо прошел Джордан. Калли мгновенно вскочил и схватил его за руку:

– Эй, приятель, выпей кофе со своими коллегами по баккара.

Джордан покачал головой, потом увидел, что я сижу в кабинке, как-то странно мне улыбнулся и передумал. Сел рядом.

Вот так мы и встретились: Джордан, Калли и я. В тот день, когда я впервые увидел Джордана, выглядел он очень даже неплохо, несмотря на белые волосы. Его словно ограждала стена отстраненности, пугавшая меня, но Калли ее не замечал. Калли принадлежал к тем людям, которые могли схватить за рукав папу римского, чтобы пригласить его на чашечку кофе.

Я все играл наивного простака.

– А чего Чич так завелся? – спросил я. – Господи, я думал, что мы все отлично проводим время.

Джордан вскинул голову, впервые он обратил внимание на происходящее вокруг. И улыбнулся, как бы соглашаясь со мной. А вот Калли, похоже, придерживался другого мнения.

– Послушай, Малыш, инспектор оказался рядом с тобой через две секунды. Для чего, по-твоему, он сидит так высоко? Чтобы ковырять в носу? Или тарашиться на фланирующих телок?

– Да, согласен, – кивнул я. – Но никто не может сказать, что вина моя. Чич вел себя некорректно. Я – как джентльмен. Ты тоже должен это признать. Ни у отеля, ни у казино нет повода пожаловаться на меня.

Вот тут Калли заулыбался.

– Да, ты все сделал как надо. Видать, парень ты умный. Чич ничего не понял и угодил в ловушку. Но одного ты не учел: Чич – опасный человек. Поэтому я хочу, чтобы ты собрал вещи и улетел из Вегаса первым же рейсом. И что это у тебя за имя, Мерлин?

Я ему не ответил. Задрал подол рубашки спортивного покроя, чтобы показать голые грудь и живот. Их пересекал длинный, отвратительного вида лиловый шрам. Я улыбнулся Калли, прежде чем спросить:

– Ты знаешь, что это такое?

Он весь подобрался, насупился. Я ему все объяснил:

– Я был на войне. Меня прошило автоматной очередью, и то, что осталось, собирали по частям. Неужели ты думаешь, что я испугаюсь какого-то Чича?

Ни мои слова, ни шрам не произвели на Калли должного впечатления. Джордан по-прежнему улыбался. Я говорил правду, пусть и не всю. Я был на войне, участвовал в боевых действиях, но меня ни разу не зацепило. А шрам остался после операции по удалению желчного пузыря. Врачи пробовали на мне новый разрез, который и оставил столь внушительный шрам.

Калли вздохнул.

– Малыш, ты, возможно, крутой парень, хотя по тебе этого не видно, но все равно недостаточно крут, чтобы иметь дело с Чичем.

Я вспомнил, с какой быстротой вскочил Чич после моего удара, и встревожился. У меня даже возникло желание последовать совету Калли и улететь первым же рейсом. Но я покачал головой.

– Послушай, я только стараюсь помочь, – гнул свое Калли. – После того что произошло, Чич будет искать тебя, а ты не в его лиге, можешь мне поверить.

– Это почему? – спросил Джордан.

Калли бросил на него короткий взгляд.

– Потому что Малыш – человек, а Чич – нет.

Дружба у мужчин завязывается по-всякому. В тот момент мы еще не знали, что станем близкими вегасскими друзьями. Более того, где-то мы даже злились друг на друга.

– Я отвезу тебя в аэропорт, – предложил Калли.

– Спасибо тебе большое, – ответил я. – Ты мне очень нравишься. Мы неплохо сыграли в баккара. Но если ты еще раз скажешь, что отвезешь меня в аэропорт, то очнешься в больнице. Калли загоготал.

– Да перестань. Ты без помех врезал Чичу, а он тут же вскочил на ноги. Так что удар у тебя не поставлен. Признавайся.

Тут и мне пришлось рассмеяться, потому что он не грешил против истины. Махать кулаками я не любил.

– Ты показал мне шрамы от пуль, но такие шрамы не делают человека крутым. Они говорят о том, что ты стал жертвой крутого парня. Вот если ты покажешь мне человека, в которого всадил автоматную очередь, этим ты произведешь на меня большее впечатление. И если бы Чич после твоего удара не вскочил, как отлетевший от пола мяч, это тоже произвело бы на меня впечатление. Слушай, я хочу оказать тебе услугу. Без всяких шуток.

Я, собственно, в этом и не сомневался. Но его намерения, добрые или злые, не имели ровно никакого значения. Не хотел я возвращаться домой к жене, детям, неудачной жизни. Вегас меня вполне устраивал. Казино устраивало. Азартные игры устраивали. Устраивала возможность побыть одному, не чувствуя одиночества. И всегда вокруг происходило что-то интересное. Я действительно не был крутым парнем, но Калли упустил одно важное обстоятельство: в тот конкретный период времени я практически ничего не боялся, потому что мне было без разницы, куда вывезет меня кривая, именуемая жизненным путем.

– Да, ты прав, – ответил я Калли. – Но в ближайшие несколько дней я не могу уехать.

Вот тут он пристально всмотрелся в меня. Пожал плечами. Взял чек, подписал, поднялся из-за стола.

– До встречи, – и оставил меня вдвоем с Джорданом.

Мы оба чувствовали себя неловко. Ни одному из нас не хотелось оставаться в компании другого. Мы каким-то шестым чувством поняли, что приехали в Вегас с одной целью – спрятаться от реального мира. Но и грубить никому не хотелось. Джордана вообще отличала мягкость и интеллигентность. Обычно мне не составляло труда уйти от человека, но тут меня

что-то удерживало. Джордан как-то сразу мне понравился, и не хотелось обижать его, оставив одного.

– И как пишется ваше имя? – спросил Джордан.

Я произнес его по буквам. Увидел, что он спросил для проформы, улыбнулся.

– Так же, как у моего очень древнего однофамильца.

Улыбнулся и он.

– Ваши родители рассчитывали, что вы вырастаете магом? У стола для баккара вы демонстрировали свои таланты?

– Нет, – покачал я головой. – Мерлин – моя фамилия. Я ее изменил. Мне не хотелось быть королем Артуром и не хотелось быть Ланселотом.

– У Мерлина были свои проблемы.

– Да, – кивнул я. – Но он не умирал.

Вот так я и Джордан стали друзьями, во всяком случае, с этого началась наша скоротечная дружба.

* * *

Следующим утром я написал ежедневное письмо жене, в котором сообщал, что задержусь еще на несколько дней. Потом спустился в казино и увидел Джордана за столом для игры в кости. Усталого и осунувшегося. Я коснулся его руки, он повернулся, и его лицо осветила искренняя улыбка, которая так мне нравилась. Возможно, потому, что только мне он так легко улыбался.

– Давай позавтракаем, – предложил я. Мне хотелось, чтобы он хоть немного отвлекся и отдохнул. В том, что он играл всю ночь, сомнений у меня не было. Джордан тут же собрал фишки и последовал за мной в кафетерий. Письмо я еще держал в руке. Он взглянул на него, и я пояснил: – Я каждый день пишу жене.

Джордан кивнул, заказал завтрак. Плотный, как принято в Вегасе. Дыня, яичница с беконом, гренки, кофе. Но съел совсем ничего, сразу перешел к кофе. Я остановил свой выбор на стейке с кровью. По утрам его подавали только в Вегасе.

Пока мы ели, подошел Калли с пригоршней красных пятидолларовых фишек.

– На сегодня окупил все расходы. – Голос его переполняла самоуверенность. – Просчитал «башмак» и вовремя поставил сотню. – Он подсел к нам, заказал дыню и кофе. – Мерлин, у меня хорошие новости. Тебе не надо покидать город. Вчера вечером Чич допустил серьезную ошибку.

Откровенно говоря, я разозлился. Опять он за свое. Прямо как моя жена, которая не уставала твердить, что я должен перестраиваться. А мне хотелось оставить все как есть. Но я не мешал ему говорить. Джордан по своему обыкновению молчал, разве что несколько мгновений пристально смотрел на меня. Я чувствовал, что он читает мои мысли.

Калли ел и говорил одновременно. Его, как и Чича, распирала энергия. Только энергия добрая, направленная на то, чтобы улучшить мир, в котором мы все живем.

– Помните крупье, которому Чич разбил нос? Кровь на рубашке и все такое. Так вот, этот крупье – любимый племянник начальника полиции Лас-Вегаса.

Надо отметить, я его не понял. Чич был действительно крутым парнем, киллером, азартным игроком, возможно, принадлежал к мафии, которая правила Вегасом. И плевать он хотел на племянника начальника полиции. Вместе с его разбитым носом. Я так и сказал Калли. А он обрадовался возможности просветить меня.

– Ты должен понимать, что начальник полиции Лас-Вегаса – все равно что феодальный барон. Здоровенный такой толстяк в стетсоне с револьвером сорок пятого калибра в кобуре. Его семья приехала в Неваду в числе первых поселенцев. Народ переизбирает его из года в

год. Его слово – закон. Ему платят все отели города. Каждое казино слезно молит его о том, чтобы один из его племянников устроился к ним на работу, ставит крупье за стол для игры в баккара и платит по высшей таксе. Племянник получает как инспектор. И ты должен понимать, что наш начальник полиции воспринимает Конституцию Соединенных Штатов и Билль о правах как выдумки молокососов с Восточного побережья. К примеру, любой человек с криминальным прошлым по приезду в город должен зарегистрироваться в полицейском участке. И, поверь мне, ему от этого только лучше. Наш шеф также не любит хиппи. Ты заметил, что в городе нет волосатиков? От черных он тоже не в восторге. Как и от бродяг и нищих. Вегас, возможно, единственный город в Соединенных Штатах, где нет нищих. Он любит шлюх, они способствуют бизнесу, но не сутенеров. Если кто-то живет на деньги, которые зарабатывает его девушка, он возражать не станет. Но если какой-нибудь умник заведет гарем – берегись. Проститутки всегда вешаются в своих камерах или режут вены. Проигравшиеся игроки кончают с собой в тюрьме. Так же, как приговоренные убийцы и растратчики. Но вы когда-нибудь слышали о сутенере, покончившем с собой? Так вот, в Вегасе это не редкость. Три сутенера сами свели счеты с жизнью в тюрьме нашего шефа полиции. Смекаете почему?

– Так что случилось с Чичем? – спросил я. – Он в тюрьме?

Калли улыбнулся.

– Он туда не попал. Попытался позвать на помощь Гронвелта.

– «Ксанаду-первый», – пробормотал Джордан.

Калли удивленно вытаращился на него.

Джордан улыбнулся.

– Я прислушивался к переговорам сотрудников казино, когда не играл.

Какое-то время Калли переваривал его слова, потом продолжил:

– Чич попросил Гронвелта прикрыть его и вывезти из города.

– Кто такой Гронвелт? – спросил я.

– Владелец отеля. И позволь тебе сказать, он оказался в щекотливом положении. Чич – не одиночка, знаешь ли.

Я смотрел на него, ожидая продолжения.

– У Чича хорошие связи, – со значением добавил Калли. – Однако Гронвелту пришлось выдать его полиции. И сейчас Чич в муниципальной больнице. У него проломлен череп, повреждены внутренние органы, и ему потребуется пластическая операция.

– Господи! – выдохнул я.

– Сопротивление полиции. Так уж у нас заведено. А когда Чич поправится, ему запретят появляться в Вегасе. Это еще не все. Уволен менеджер секции баккара. Он отвечал за безопасность племянника. Так что шеф возлагает вину за случившееся на него. И теперь ему работу в Вегасе не найти. Ему придется отправляться на острова Карибского моря.

– Никто не возьмет его на работу? – любопытствовал я.

– Не в этом дело. Шеф сказал, что не хочет видеть его в городе.

– И все?

– И все, – кивнул Калли. – Однажды такой вот питбосс вернулся в город и нашел работу в другом казино. Так начальник полиции пришел туда и вытащил его на улицу. Избил до полусмерти. Все поняли.

– Но почему ему все сходит с рук? – возмутился я.

– Потому что он должным образом избранный представитель народа, – ответил Калли.

Вот тут Джордан первый раз рассмеялся. Отличный у него был смех. От холодности и отстраненности не осталось и следа.

...Вечером, когда мы с Джорданом сидели в баре, решив немного передохнуть, Калли подвел к нашему столику Диану. Она уже оправилась от общения с Чичем. Как я понял, Калли

она хорошо знала. И не возникало сомнений в том, что Калли предлагает ее как мне, так и Джордану. Она улеглась бы в постель с любым из нас по первому требованию.

Калли шутил насчет ее груди, ног, рта, говорил, что ее черные волосы можно использовать вместо хлыста. Шуточки сопровождалась пусть и грубыми, но комплиментами: «Она из тех немногих в этом городе девушек, которая вас не обманет», «Она не выходит на свободную охоту», «Она очень хороший человек, таких в городе раз-два и обчелся». И, чтобы показать свое расположение к ней, подставлял руку, чтобы она могла сбросить в нее пепел с сигареты и не тянуться к пепельнице. В Вегасе такая примитивная галантность расценивалась как поцелуй руки герцогини.

Диана держалась очень скромно, и меня немного задела ее увлеченность Джорданом. В конце концов, разве не я отомстил за ее поруганную честь? Разве не я унизил ужасного Чича? Но перед тем, как вернуться к столу для баккара, она наклонилась и поцеловала меня в щеку.

– Я рада, что ты в порядке. – Она улыбнулась с грустинкой. – Я тревожилась за тебя. Нельзя вести себя так глупо, – и ушла.

* * *

В последующие дни мы многое узнали и друг о друге, и о прошлой жизни каждого из нас. После полудня мы пропускали стаканчик-другой, это действие превратилось у нас в ритуал, и часто обедали вместе в час ночи, после того как услуги зазывал у стола для игры в баккара больше не требовались. Но обед в большей степени зависел от наших успехов в игре. Если у кого-то она шла, мы забывали про еду, пока удача от него не отворачивалась. Чаще всего игра шла у Джордана.

А вот долгими послеполуденными часами мы, случалось, сидели у бассейна и болтали под ярким солнцем пустыни. Иногда ночами гуляли по ярко освещенной Стрип, сверкающие отели которой напоминали миражи в пустыне. Вот тогда мы и рассказывали друг другу о своей жизни.

* * *

История Джордана представлялась мне наиболее простой и банальной, да и он сам казался самым ординарным из нас всех. Все складывалось у него счастливо и предсказуемо. Блестящий менеджер, к тридцати пяти годам он возглавлял собственную фирму, которая покупала и продавала сталь. Роль посредника обеспечивала ему высокий уровень жизни. Добавьте к этому жену-красавицу, троих детей, большой дом. У него было все: друзья, деньги, карьера, взаимная любовь. Так продолжалось двадцать лет. А потом, как сказал Джордан, жена его переросла. Он отдавал все силы на то, чтобы оградить семью от всякого рода неприятностей. Бизнес высасывал его досуха. Жена была хорошей хозяйкой и матерью. Но наступил момент, когда она решила, что этого недостаточно. Остроумная, интеллигентная, начитанная женщина, она проглатывала все новые романы, ходила на все премьеры, часто бывала в музеях, щедро делилась всем, что видела, с Джорданом. Он все больше любил ее. До того дня, когда она сказала, что хочет развестись. Тут он перестал любить и ее, и детей, и семью, и работу. Он делал для своих близких все, что мог. Он построил для них неприступную крепость. Но произошло то, чего он не мог себе и представить: ворота открылись изнутри.

Говорил он, конечно, другое, но слышал я именно это. Он же просто сказал, что в культурном развитии не смог «угнаться за женой». Что слишком много времени уделял бизнесу и забыл про семью. Что не винил жену за ее решение развестись с ним и выйти замуж за одного из его друзей. Потому что с этим другом у нее было много общего: вкусы, шутки, стремление насладиться жизнью.

Поэтому он, Джордан, согласился на все требования жены. Продал фирму и оставил ей все деньги. Адвокат убеждал его, что он излишне щедр, что он об этом еще пожалеет. Но Джордан ответил, что дело не в щедрости: просто он сможет заработать такие деньги, а его жена и ее новый муж – нет. «Возможно, вы мне не поверите, видя меня за карточным столом, но я считаюсь одним из лучших специалистов в своем деле. Меня засыпали предложениями о работе. Если бы мой самолет не приземлился в Лас-Вегасе, я бы уже зарабатывал первый миллион в Лос-Анджелесе».

История получилась хорошая, но я чувствовал в ней некую фальшь. Слишком хорошим он выглядел человеком. Слишком цивилизованным.

А настораживало меня следующее: он не спал ночами. Каждое утро я приходил в казино, чтобы перед завтраком нагулять аппетит игрой в кости. И обычно находил Джордана за столом для игры в кости. Иногда он сидел за рулеткой или столиком для блэкджека. С каждым днем он выглядел все хуже и хуже. Терял вес, глаза наливались краснотой. Но оставался таким же мягким и спокойным. И ни разу не сказал плохого слова о жене.

Когда мы с Калли оказывались в баре вдвоем, он не раз и не два спрашивал:

– Ты веришь этому гребаному Джордану? Ты можешь поверить, что человек может позволить какой-то суке обобрать его как липку? Ты ему веришь, когда он превозносит ее до небес?

– Она не сука, – уточнял я. – Она много лет была ему женой. Родила троих детей. Он на нее молился. Понятно, что вину он ищет в себе.

* * *

Меня разговорил именно Джордан. Как-то он сказал:

– Ты задаешь много вопросов, но сам ничего о себе не рассказываешь. – Он помолчал, словно раздумывая, а так ли интересен ему вопрос, который он собирался задать, но продолжил: – Почему ты так долго торчишь в Вегасе?

– Я писатель, – ответил я, и пошло-поехало. На них произвели впечатление мои слова о том, что я опубликовал роман. Подобная реакция всегда меня забавляла. Но еще больше они удивились, узнав, что мне тридцать один год и у меня трое детей.

– Я думал, тебе максимум двадцать пять, – признался Калли. – И ты не носишь кольца.

– Я никогда не носил кольца, – ответил я.

– И напрасно, – улыбнулся Джордан. – Без кольца у тебя виноватый вид.

По какой-то причине я не мог представить себе, чтобы он так шутил до развода, живя в Огайо. Тогда он считал бы эту шутку грубой. Но я, конечно, не стал на него обижаться. Рассказал о своей женитьбе, о том, что шрам я получил не на войне, а на операционном столе, когда мне вырезали желчный пузырь. В тот момент Калли рассмеялся и воскликнул: «А ты, однако, обманщик!»

Я пожал плечами, улыбнулся и продолжил.

Глава 5

У меня нет прошлого. Я не помню родителей. У меня нет дядьев, кузенов, родного города или деревни. Есть только брат двумя годами старше меня. В три года – моему брату Арти было пять – я вместе с ним оказался в приюте неподалеку от Нью-Йорка, куда сдала нас мать. Я совершенно ее не помню.

Об этом я не рассказал ни Калли, ни Джордану, ни Диане. Об этом я не говорил никогда. Даже с моим братом Арти, который мне ближе любого другого человека.

Я не говорю об этом, потому что рассказ о первых годах моей жизни получается очень уж жалостливым, хотя на самом деле все было не так. В приюте к детям относились со всей душой, давали хорошее образование, управлял приютом умный, интеллигентный человек. Я видел там только добро, пока мы с Арти не распрощались с ним. В восемнадцать лет он нашел работу и квартиру. Я убежал к нему. А через несколько месяцев расстался и с ним, солгал насчет своего возраста и ушел на Вторую мировую войну. Шестнадцать лет спустя, в Вегасе, я рассказал Джордану, Калли и Диане о войне и моей последующей жизни.

* * *

После войны я прежде всего записался на писательские курсы в Новой школе социальных исследований. Все тогда хотели стать писателями, как двадцать лет спустя – киношниками.

В армии мне с трудом удавалось сходитьсь с людьми. В школе процесс пошел. Там я и встретил свою будущую жену. Поскольку семьи у меня не было, за исключением старшего брата, я проводил в школе много времени, предпочитая болтаться в кафетерии, а не возвращаться в пустую квартиру на Гроув-стрит. В школе мне нравилось. Мне частенько удавалось уговорить кого-нибудь из соучениц пожить со мной несколько недель. Все мои новые друзья служили в армии и получили возможность учиться в соответствии с принятым Конгрессом законом,² так что говорили мы на одном языке. Проблема заключалась в том, что их интересовала литературная тусовка, а меня – нет. Я хотел стать писателем, потому что в моей голове роились всякие истории. Фантастические приключения, которые изолировали меня от реального мира.

Я понял, что прочитал больше, чем кто-либо еще, даже те, кто собирался защищать диплом по английской литературе. Других занятий у меня не было, разве что я всегда играл. Нашел букмекера в Ист-Сайде, неподалеку от Десятой улицы, и каждый день делал ставки на футбольные, баскетбольные, бейсбольные матчи. Я написал несколько рассказов и начал роман о войне. Свою жену я встретил на одном из семинаров по композиции рассказа.

Эта миниатюрная девушка с ирландско-шотландскими корнями, внушительным бюстом и большими синими глазами ко всему относилась очень серьезно, рассказы других участников семинара критиковала осторожно, вежливо, но предельно жестко. Оценить мое творчество она не могла, потому что я еще не представил на семинар свою нетленку. Она прочитала свой рассказ. И приятно удивила меня, потому что рассказ был очень хорошим и веселым. Речь в нем шла о ее ирландских дядях, сплошь больших любителей выпить.

Не успела она произнести последней фразы, как весь класс набросился на нее, упрекая в том, что она поддерживает стереотип ирландца-пьяницы. На ее милом личике отразилась обида. Наконец ей дали возможность ответить.

² Билль о солдатских правах – закон, принятый в 1944 г., предусматривал финансирование медицинского обслуживания и образования ветеранов.

– Я выросла среди ирландцев, – отчеканила она. – Все они – пьяницы. Разве это не правда? – и посмотрела на преподавателя, тоже, кстати, ирландца по фамилии Малоней, хорошего моего друга. В тот момент он был крепко выпимши, хотя этого и не показывал.

Малоней откинулся на спинку стула и с важным видом ответил: «Не могу знать, сам я – скандинав». Все рассмеялись, а Валери опустила голову, окончательно сбита с толку. Я вступился за нее по одной причине: хотя рассказ и был хорош, я знал, что писательницей ей не стать. Никого из участников семинара талантом природа не обидела, но лишь у немногих доставало желания и энергии пройти этот долгий путь, отдать жизнь писательству. Я был из их числа. Она, по моему разумению, нет. Ларчик открывался просто: в жизни я хотел только одного – писать.

К концу семестра я вынес свой рассказ на суд семинара. Всем он понравился. После занятий Валери подошла ко мне.

– Почему я – такая серьезная, а все, что я пишу, получается забавным? – спросила она. – А ты всегда шутишь и ведешь себя как клоун, но твой рассказ заставляет меня плакать?

Говорила она на полном серьезе. Как всегда. И я пригласил ее выпить кофе. Звали ее Валери О’Грейди. Фамилию свою она ненавидела, потому что от нее за сто миль несло Ирландией. И заставила меня называть ее Вэлли. К моему изумлению, мне потребовалось две недели, чтобы затащить ее в постель. Она не исповедовала свободных нравов, господствующих в Виллидже, и хотела, чтобы я знал об этом. Так что нам пришлось устроить целое представление: вроде бы я напоил ее, чтобы потом она смогла обвинить меня в том, что я сыграл на ее национальной слабости. Но зато в постели она вновь изумила меня.

Признаюсь, до того я не был от нее без ума. А в постели она меня потрясла. Полагаю, есть люди, которые идеально подходят друг другу сексуально, реагируют друг на друга на каком-то первичном сексуальном уровне. О нас обоих я могу сказать следующее: застенчивость, погруженность в себя не позволяли нам полностью расслабляться с другими сексуальными партнерами. А встретившись, наши застенчивости наложились друг на друга и дали неожиданный результат, сработали в унисон, вызвав резонанс. Короче, после того первого вечера, проведенного в постели, мы уже не разлучались. По окончании занятий шли в один из маленьких кино-театров Виллиджа, смотрели какой-нибудь иностранный фильм, ели в китайском или итальянском ресторанчике, отправлялись в мою комнату и занимались любовью. Около полуночи я провожал ее до подземки, и она ехала домой, в Куинз. Остаться на ночь она не решалась. Но в какой-то уик-энд не смогла устоять перед искушением приготовить мне в воскресенье завтрак, а потом почитать утреннюю газету, лежа со мной в кровати. Как обычно, солгала родителям, что проведет ночь у подруги, и осталась. Это был потрясающий уик-энд. Но, вернувшись домой, она угодила под паровой каток. Вся семья набросилась на нее. Так что в понедельник я нашел ее всю в слезах.

– Черт! – воскликнул я. – Давай поженимся.

– Но я же не беременна, – удивленно ответила она. И еще больше удивилась моему смеху. Чувство юмора присутствовало у нее лишь в рассказах.

Наконец я убедил ее, что это не пустые слова. Что я действительно хочу на ней жениться. Тут она покраснела и заплакала.

В итоге в следующий уик-энд я прибыл в ее дом в Куинз на воскресный обед. Семья была большая: отец, мать, три брата и три сестры, среди которых Вэлли – самая старшая. Отец ее с давних пор работал в Таммани-холле.³ Присутствовали три дяди Вэлли, и все они напились. Но выпивка лишь прибавляла им хорошего настроения. Точно так же, как другим людям прибавляет настроения вкусный обед. Я обычно не пью, но тут пропустил несколько стаканчиков.

³ Таммани-холл – прозвище штаб-квартиры демократической партии штата Нью-Йорк в конце XIX – первой половине XX века. Связано с названием благотворительного зала общества Таммани, в котором с 1789 года проходили собрания партии.

Я отметил танцующие карие глаза матери. Должно быть, сексуальность Вэлли унаследовала от нее, а вот недостаток юмора – от отца. Я видел, что отец и дядя пристально наблюдают за мной сквозь пелену алкоголя, пытаюсь понять, а не прощелыга ли я, трахающий их любимую Валери под прикрытием обещаний жениться.

Наконец мистер О'Грейди добрался до главного. «Когда вы двое собираетесь пожениться?» – спросил он. Я понял, что неверный ответ приведет к тому, что он и дядя тут же отмутузят меня. Я видел, что отец ненавидел меня за то, что я переспал с его маленькой девочкой до свадьбы. Но я понимал его чувства. Опять же, я никого не собирался обманывать. Поэтому рассмеялся и ответил: «Завтра».

Рассмеялся, потому что знал, что мой ответ убедит их в серьезности моих намерений и не устроит. Не устроит, поскольку у всех их друзей сложится впечатление, что Валери беременна. Мы сошлись на двух месяцах, чтобы успеть сделать все необходимые объявления и подготовить настоящую семейную свадьбу. Мне это подходило. Я не знал, влюблен ли я, но в том, что счастлив, не было никаких сомнений. Я покончил с одиночеством, обрел семью, жену, детей, семья жены становилась моей семьей. Я мог поселиться в некой части города, которая стала бы мне маленькой родиной. Я более не существовал в полном отрыве от остального мира. Мог отмечать праздники и дни рождения. Впервые в жизни – армия не в счет – я становился «нормальным», таким же, как все. И следующие десять лет я «встраивал» себя в общество.

Я мог пригласить на свадьбу только Арти да нескольких парней из Новой школы. Возникла еще одна проблема. Мне пришлось объяснять Вэлли, что моя настоящая фамилия – не Мерлин. После войны я сменил ее официально. Сказал судье, что я писатель и хочу писать под фамилией Мерлин. В качестве примера привел Марка Твена. Судья покивал, словно знал сотню писателей, которые прошли тем же путем.

По правде говоря, в то время я видел в писательстве что-то мистическое. Хотел, чтобы мои произведения были чистые, незапятнанные. Боялся, что кто-то увидит в них мое прошлое, все то, что мне пришлось пережить. Я хотел писать о вечном (в моей первой книге символизма хватало с лихвой). Я хотел полностью разделить Мерлина-писателя и Мерлина-человека.

Благодаря политическим связям мистера О'Грейди я получил работу в Федеральной гражданской службе. После рождения детей семейная жизнь стала скучной, но по-прежнему счастливой. Вэлли и я нигде не бывали. По праздникам обедали с ее семьей или с моим братом Арти. Когда я работал в вечернюю смену, она ходила в гости к своим подругам по многоквартирному дому, в котором мы жили. Подруг у нее было множество. На уик-энды она часто уходила к ним, а я оставался с детьми и работал над книгой. Сам я никуда не ходил. Когда приходила ее очередь принимать гостей, я злился и, похоже, недостаточно хорошо скрывал свои чувства. Вэлли, конечно, это не нравилось. Помнится, однажды я ушел в спальню, чтобы провести детей, и остался там, зачитавшись рукописью. Вэлли отправилась меня искать. Мне не забыть обиды, отразившейся на ее лице, когда она увидела, что я читаю и совершенно не горю желанием вернуться к ней и гостям.

Именно после одной из таких вечеринок меня первый раз прихватило. Я проснулся в два часа ночи от дикой боли в животе и спине.

Врача я позволить себе не мог, поэтому на следующий день поехал в госпиталь для ветеранов. Целую неделю они меня обследовали, сделали рентген, взяли все анализы. Ничего не могли найти, но случился новый приступ, и по симптомам у меня диагностировали камни в желчном пузыре.

Неделей позже я вновь оказался в госпитале с третьим приступом, и меня накачали морфием. Два дня я не ходил на работу. А за неделю до Рождества, когда я заканчивал вечернюю работу (не упомянул, что по вечерам работал в банке, чтобы купить детям подарки к Рождеству), желчный пузырь снова дал о себе знать. Да еще как. Боль буквально валила с ног, но я решил, что смогу добраться до госпиталя для ветеранов на Двадцать третьей улице. Взял такси,

которое высадило меня за полквартила от центрального входа. Время только-только перевалило за полночь. Едва такси отъехало, боль ударила меня с новой силой. Да так, что я упал на колени, а через мгновение распластался на холодном асфальте. На темной улице не было ни души, никто не мог мне помочь. Вход в госпиталь находился в сотне футов. Боль парализовала меня, я не мог шевельнуться. Больше всего мне хотелось умереть, положить конец этой жуткой боли. Жена, дети, брат – все отошло на второй план. Я хотел избавления от боли любой ценой. На ум пришел легендарный Мерлин. Что ж, я не этот гребанный маг, подумалось мне. Помнится, я перекатился с живота на спину в надежде, что боль хоть немного отпустит меня, и оказался в ливневой канаве. Край мостовой стал мне подушкой.

Теперь я видел рождественскую гирлянду в витрине ближайшего магазина. Боль чуть поутихла. Я лежал, кляня свое незавидное положение. А ведь я – писатель, у меня опубликован роман, один критик назвал меня гением, надеждой американской литературы, и теперь гений, как дворовый пес, умирал в канаве. И моей вины в этом не было. Умирал потому, что на моем банковском счету не было денег. Потому что, по большому счету, всем было наплевать, жив я или мертв. Жалость к себе подействовала не хуже морфия.

Не знаю, сколько времени потребовалось мне, чтобы выбраться из канавы. Не знаю, как долго я полз до входа в госпиталь, но в конце концов оказался в кругу света. Меня положили на каталку, отвезли в приемный покой, я отвечал на вопросы, а потом, как по мановению волшебной палочки, очутился в теплой, белой постели. Боль прошла, сменившись сонливостью, и я знал, что мне сделали укол морфия.

Когда я проснулся, молодой врач считал мне пульс. Я уже имел с ним дело и знал, что его фамилия – Коэн. Заметив, что я открыл глаза, он улыбнулся.

– Вашей жене уже позвонили. Она приедет, как только отведет детей в школу.

Я кивнул.

– Надеюсь, что смогу обойтись без операции до Рождества.

Доктор Коэн на несколько мгновений задумался, а потом радостно воскликнул:

– Мне представляется, что одна неделя погоды не сделает. Я назначил операцию на двадцать седьмое. Вы можете прийти на следующий день после Рождества, и мы подготовим вас к операции.

– Хорошо, – ответил я. Я ему доверял. Он убедил администрацию госпиталя до операции лечить меня амбулаторно. Только он понял меня, когда я сказал, что не буду оперироваться до Рождества. Я запомнил его слова: «Я не очень понимаю, зачем вам это нужно, но я на вашей стороне». Я не мог объяснить, что до Рождества должен работать в двух местах, чтобы мои дети получили игрушки и по-прежнему верили в Санта-Клауса. Тогда я нес полную ответственность за членов моей семьи и их счастье. Кроме жены и детей, у меня никого не было.

Я всегда буду помнить этого молодого врача. Выглядел он как киношные доктора, только держался куда как более просто. Он отправил меня домой, накачав морфием. Но у него были на то свои причины. «Послушай, ты слишком молод, чтобы иметь камни в желчном пузыре, и анализы ничего не показали. Мы исходили исключительно из симптомов. И только операция даст однозначный ответ. Но я хочу, чтобы ты знал: других причин для болей нет. Я все внимательно посмотрел. Когда вернешься домой, ни о чем не беспокойся».

В тот момент я понятия не имел, что означали его слова. И лишь где-то через год до меня дошло, что он опасался найти у меня в животе раковую опухоль. Поэтому и не хотел оперировать меня за неделю до Рождества.

Глава 6

Я рассказал Джордану, Калли и Диане, как мой брат Арти и моя жена Вэлли приезжали ко мне каждый день. Как Арти брил меня и отвозил Вэлли домой. А в это время его жена приглядывала за моими детьми. Я заметил ухмылку Калли.

– Так что этот шрам – результат операции, а не автоматной очереди. Будь у тебя хоть капля ума, ты бы понял, что с такими ранами не живут.

Калли продолжал ухмыляться.

– Тебе не приходило в голову, что твой брат и жена после отъезда из госпиталя где-нибудь трахались, а уж потом отправлялись домой? Может, поэтому ты ее и оставил?

Я смеялся до слез и понял, что должен рассказать им об Арти.

– Он очень красивый парень. Мы похожи, но он старше. – По правде говоря, я лишь отдаленно напоминал Арти. Слишком толстые губы. Слишком запавшие глаза. Слишком большой нос. Я выглядел слишком уж здоровым. Я сказал им, что женился на Вэлли потому, что из всех моих подружек только она не влюбилась в Арти.

* * *

Мой брат Арти невероятно красив. Глаза как у греческих статуй. Я помню, как девушки, когда мы оба были холостяками, влюблялись в него, плакали, угрожали покончить с собой, если он уйдет. Он из-за всего этого очень переживал. Потому что не понимал, в чем, собственно, дело. Он не видел своей красоты. Даже комплексовал из-за того, что роста он небольшого, а руки и ноги миниатюрные. «Как у ребенка», – с обожанием прошептала однажды его пассия.

Арти пугала его власть над женщинами. Он даже стал ее ненавидеть. Я бы от такой власти не отказался, но девушки никогда не влюблялись в меня так, как в него. Очень мне не доставало тогда этой влюбленности, не требующей никаких усилий, не вызванной добротой, характером, остроумием, интеллигентностью, обаянием. Короче, мне хотелось, чтобы меня просто любили, чтобы мне не приходилось завоевывать любовь или работать ради нее. Я любил эту влюбленность так же, как любил деньги, которые выигрывал, если мне везло.

Но Арти принялся носить одежду, которая ему не шла. Покупал исключительно строгие, консервативные костюмы. Всячески старался скрыть свое обаяние. Расслаблялся и становился самым собой только в компании дорогих ему людей, которым он полностью доверял. Во всех остальных случаях держался серым мышонком, никого не подпуская к себе. Но иной раз и это не срабатывало. Поэтому он женился молодым и стал, возможно, единственным верным мужем во всем Нью-Йорке.

Работал он химиком-исследователем в Федеральной администрации по контролю за продуктами питания и лекарствами.⁴ Естественно, в него влюбились все его коллеги женского пола и лаборантки. Лучшая подруга его жены и ее муж завоевали-таки его доверие, и в течение пяти лет эти две пары практически не разлучались. Арти потерял бдительность. Он им уже полностью доверял. И показал себя во всей красе. Лучшая подруга жены влюбилась в него, развелась с мужем и во всеуслышание объявила о том, кто ее новый избранник, доставив Арти немало хлопот и вызвав подозрения жены. Впервые я увидел, что он зол на жену. И злость его разила наповал. Она обвинила его в том, что он поощрял влюбленность подруги. На что он

⁴ Администрация по контролю за продуктами питания и лекарствами – подразделение в структуре Министерства здравоохранения и социальных служб, в задачи которого входит контроль за чистотой и безопасностью продуктов питания, лекарственных препаратов и косметических средств, поступающих на рынок, и за соблюдением законодательства и стандартов в этой области. Известно строгостью контроля: принимает жесткие меры наказания за продажу некачественной и вредной для здоровья продукции. Создано в 1906 году.

ответил леденящим душу голосом: «Если ты так думаешь, убирайся из моей жизни». Ответ этот настолько с ним не вязался, что у жены от угрызений совести едва не произошел нервный срыв. Я думаю, она рассчитывала, что он признает свою вину и у нее появится возможность хоть в чем-то прищучить его. Потому что он обладал над ней безграничной властью.

Она знала его тайну, как знал ее я и еще несколько человек. Он терпеть не мог причинять боль. Кому угодно, душевную или физическую. Он не мог никого ни в чем упрекнуть. Вот почему он так ненавидел женщин, которые влюблялись в него. Я думаю, мужчиной он был чувственным, который мог бы любить женщин и наслаждаться их любовью, но он не выносил конфликтов. Кстати, и его жена говорила, что в семейной жизни ей не доставало одной-двух хороших ссор. Не то чтобы она не ссорилась с Арти. Такого просто быть не могло. Но она говорила, что все эти ссоры заканчивались одинаково. Она давила, давила, давила, а потом он срезал ее одной короткой фразой. Она начинала рыдать, и ссора сходилась на нет.

Со мной он вел себя по-другому, относился ко мне как к младшему брату. Прекрасно меня знал, понимал даже лучше, чем жена. И никогда не сердился на меня.

* * *

Прошло две недели после операции, прежде чем я достаточно окреп, чтобы вернуться домой. В последний день пребывания в госпитале я попрощался с доктором Коэном, и он пожелал мне удачи.

Медицинская сестра принесла мою одежду и сказала, что перед уходом я должен подписать какие-то бумаги. Она проводила меня в административную часть. Чувствовал я себя ужасно, прежде всего потому, что никто за мной не приехал. Ни мои друзья, ни жена, ни Арти. Конечно, они не знали, что мне придется добираться до дома в одиночку. Мне казалось, что я – маленький мальчик, которого никто не любит. Неужели после серьезной операции я должен возвращаться домой один, подземкой? А если мне станет плохо? Если я упаду в обморок? Господи, я пребывал в отвратительном настроении. И вдруг рассмеялся. Кого я мог винить в этом, кроме себя?

Когда Арти спросил, кто заберет меня из госпиталя, я сказал, что Валери. Валери пообещала, что заедет за мной, но я сказал ей, что не надо, я возьму такси, если Арти вдруг не сможет забрать меня. Естественно, она решила, что я обо всем договорился с Арти. Мои друзья, конечно же, предположили, что обо мне позаботятся родственники. Наверное, мне хотелось получить повод упрекнуть всех и каждого.

Только едва ли кто узнал бы об этом. Я всегда гордился своей самодостаточностью. Не хотел, чтобы кто-то заботился обо мне. Считал, что могу жить в полном одиночестве, в своем внутреннем мире. Но вот на этот раз мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь взял меня под крылышко.

Поэтому я чуть не расплакался, когда, вернувшись в палату, увидел Арти с моим чемоданом в руке. Настроение у меня сразу улучшилось, я обнял его, что случалось крайне редко.

– Как ты узнал, что меня сегодня выписывают?

Арти грустно улыбнулся.

– Позвонил Валери, засранец. Она думала, что я заберу тебя. Так ты ей, во всяком случае, сказал.

– Я ей этого не говорил, – возразил я.

– Да перестань. – Арти взял меня за руку и увлек к двери. – Знаю я твою манеру. Нельзя так вести себя с людьми, которым ты дорог. По отношению к ним это несправедливо.

Я ничего не ответил, пока мы не вышли из госпиталя и не сели в его машину.

– Я сказал Вэлли, что ты, возможно, заберешь меня. Я не хотел, чтобы она волновалась.

Арти уже ехал в плотном транспортном потоке, поэтому не мог повернуться ко мне.

– Нельзя так вести себя с Вэлли. Со мной – пожалуйста. Но не с Вэлли.

Он знал меня, как никто другой. Мне не было нужды объяснять ему, что я чувствую себя гребаным неудачником. Мои творческие неудачи давили на меня, стыд за то, что я не смог обеспечить жене и детям достойную жизнь, давил на меня. Я не мог никого ни о чем попросить. У меня буквально язык не поворачивался попросить кого-то забрать меня из госпиталя. Даже жену.

Когда мы приехали домой, Вэлли ждала меня. Поцеловала, на ее лице отражались недоумение и испуг. Втроем мы выпили на кухне кофе. Вэлли сидела рядом со мной, то и дело прикасалась ко мне.

– Я не понимаю, почему ты не мог мне сказать?

– Потому что он хотел сыграть героя, – ответил Арти, чтобы сбить ее с верного пути. Он понимал: я не хочу, чтобы она знала о моей душевной опустошенности. Наверное, он чувствовал, что знать ей об этом не следует. А кроме того, он верил в меня. Не сомневался, что я оклемаюсь. Что все у меня будет тип-топ. Все иногда дают слабинку. Так чего акцентировать на этом внимание? Даже герои устают.

Выпив кофе, Арти отбыл. Я поблагодарил его, он саркастически улыбнулся, и по этой улыбке я понял, что и он тревожится из-за меня. Я уловил напряженность в его лице. Видать, и он начал уставать от жизненной гонки. Как только за ним закрылась дверь, Вэлли уложила меня в постель. Помогла раздеться, разделась сама, легла рядом.

Я мгновенно заснул. В мире и покое. Прикосновение ее теплого тела, ее рук, которым я полностью доверял, ее нелгущие рот и глаза действовали куда эффективнее самых современных снотворных. Проснулся я в одиночестве, а из кухни доносились голоса – ее и вернувшихся из школы детей. Ради этого стоило жить.

В женщинах я видел святилище, пусть и для индивидуального пользования, само существование которого позволяло вынести все что угодно. Как я или любой другой мужчина мог выдержать тяготы повседневной жизни без такого вот святилища? Я приходил домой, ненавидя день, который пришлось положить на безразличную мне работу, волнуясь из-за денег, потеряв последнюю надежду на то, что я стану знаменитым писателем. Но душевная боль исчезала, потому что я ужинал с семьей, рассказывал на ночь сказки детям, а потом занимался любовью с верящей в меня женой. Происходило чудо. Не только для меня и Валери, но и для бесчисленных миллионов мужчин и их жен и детей. На протяжении тысяч лет. Что еще могло удерживать человечество от самоуничтожения? Только любовь и, возможно, чуть-чуть ненависти.

* * *

В Вегасе я рассказывал все это кусками, иногда за выпивкой в баре, иногда за послепо-луночным ужином в кафетерии. А когда закончил, Калли заметил:

– Мы все еще не знаем, почему ты бросил жену.

Во взгляде Джордана, брошенном на него, читалась жалость. Он-то уже давно все понял.

– Я не бросал жену и детей, – отчеканил я. – Решил немного отдохнуть. Я пишу им каждый день. Придет утро, когда я почувствую, что пора возвращаться, и сяду в самолет.

– Почувствуешь и сядешь? – переспросил Джордан. Без всякого сарказма. Ему очень хотелось услышать ответ.

Диана редко подавала голос. Но тут похлопала меня по колену и сказала:

– Я тебе верю.

– Когда ты перестанешь верить тому, что говорят мужчины? – спросил ее Калли.

Диана улыбнулась.

– Большинство мужчин – дерьмо. Но Мерлин – нет. Во всяком случае, пока.

– Спасибо, – поблагодарил я ее.

– Но ты им станешь, – холодно добавила Диана.

Я не мог удержаться, чтобы не спросить:

– А как насчет Джордана?

Я знал, что она влюблена в Джордана. Как и Калли. Джордан не знал, потому что не хотел знать, и ему было на все наплевать. Но тут он повернулся к Диане, словно его интересовало ее мнение. В ту ночь он выглядел хуже некуда. На лице сквозь кожу начали проступать кости.

– Нет, ты – нет, – сказала она ему. Джордан отвернулся. Он не хотел слышать о себе добрых слов.

Калли, такой дружелюбный, так легко сходящийся со всеми, свою историю рассказал последним и, как и все мы, оставил за кадром самую важную часть, которую я узнал многими годами позже. Но в целом представил довольно-таки ясную картину своего характера, так, по крайней мере, мне показалось. Мы знали о его таинственных связях с отелем и его владельцем, Гронвелтом. Но при этом он был заядлым игроком, и с деньгами у него было негусто. Джордана Калли не забавлял, а вот меня, признаюсь, да. Собственно, меня автоматически интересовало все выходящее за рамки ординарного. Я никого не судил. Считал себя выше этого. Я просто смотрел и слушал.

* * *

А уж на Калли стоило посмотреть. Не так уж часто встречаешь людей со столь развитым инстинктом выживания. Жаждой жизни, базирующейся на аморальности и не признающей никаких этических норм. И в то же время его нельзя было не любить. Он мог быть таким забавным. Интересовался решительно всем. А его лишенный сантиментов, реалистический подход к женщинам очень даже им нравился.

Несмотря на постоянную нехватку денег, он только романтической болтовней мог завлечь в постель любую из артисток, выступающих в шоу. Если девушка не поддавалась, в ход шел трюк с шубой.

Калли владел им блестяще. Он приводил девушку в меховой салон на Стрип. Владелец был его приятелем, но девушка этого не знала. По просьбе Калли владелец показывал девушке все свои закрома. Буквально устилал пол дорогими шубами, чтобы девушка могла выбрать лучшую модель. После того как девушка указывала пальчиком на одну из них, меховщик обмерял девушку и говорил, что шуба будет готова через две недели. Потом Калли выписывал чек на тысячу долларов – задаток и просил владельца магазина прислать ему счет. Расписку за задаток он отдавал девушке.

Тем же вечером Калли приглашал девушку на обед, позволял ей поставить несколько долларов на рулетке и уводил в свой номер. По словам Калли, она не могла не пойти, потому что расписка за задаток лежала в ее записной книжке. Да и как она могла не пойти, видя безумную влюбленность Калли? Одна шуба могла бы и не сработать. Только влюбленность – не произвести впечатления. Но в сочетании они разили наповал. Как говорил Калли, беспроигрышный вариант.

Разумеется, шуба девушке не доставалась. По ходу двух недель Калли провоцировал ссору, и они расставались. И Калли клятвенно уверял нас, что не было случая, чтобы девушка отдала ему расписку. Всякий раз она бежала в меховой салон и пыталась получить деньги или даже шубу. Но, разумеется, владелец салона объяснял ей, что Калли уже забрал задаток и отменил заказ. Некоторых из отвергнутых Калли красоток меховщику удавалось уложить в свою постель. То есть он не оставался внакладе.

К девушкам из кордебалета у Калли был другой подход. Он выпивал с ними несколько вечеров подряд, внимательно выслушивал их жалобы, всячески выражал сочувствие и симпатию. Никким образом не намекал, что, по его разумению, они те же шлюхи, разве что подра-

батывающие на стороне. Где-то на третий вечер на глазах у девушки он доставал из кармана сотенную, клал ее в конверт, который убирал во внутренний карман пиджака. Потом говорил: «Послушай, я обычно этого не делаю, но ты уж очень мне понравилась. Давай отдохнем в моем номере, а потом я дам тебе этот конверт, чтобы ты могла оплатить такси».

Девушка для вида немного упиралась. С одной стороны, сотенная ей бы не помешала. С другой – не хотелось, чтобы ее держали за проститутку. Тут Калли пускал в ход обаяние. «Послушай, уйдешь ты поздно. Почему ты должна сама оплачивать такси? Это самая малость из того, что я могу для тебя сделать. И ты мне действительно нравишься. Так кому будет хуже?» Вынимал из кармана конверт и отдавал девушке, чтобы она положила его в сумочку. А потом тут же препровождал ее в номер и трахал не один час, прежде чем позволял уйти. Вот тут, говорил он, начиналось самое забавное. Девушка еще в лифте вскрывала конверт и вместо сотенной обнаруживала десятку. Потому что во внутреннем кармане пиджака Калли лежали два конверта.

Очень часто девушка разворачивала лифт и начинала ломиться в дверь номера Калли. Но он уходил в ванную, включал душ и неспешно брился, дожидаясь, пока ей надоест молотить кулаками. Более скромные или менее опытные звонили ему из холла и говорили, что, возможно, он допустил ошибку, поскольку в конверте оказалась не сотенная, а десятка.

В этих случаях Калли не медлил с ответом:

– Все правильно. Сколько стоит такси до твоего дома? Доллар, может, два, максимум три. Вот я и дал тебе десятку, с запасом.

– Я видела, что ты положил в конверт сотенную, – упорствовала девушка.

Тут Калли изображал негодование:

– Сто баксов на такси? Или ты проститутка? Я никогда не платил проституткам. Слушай, я думал, ты хорошая, милая девушка. А теперь из тебя так и прет дерьмо. Больше мне не звони.

Если же он думал, что сможет обвести девчущку вокруг пальца, то говорил:

– Милая, не понимаю, как так вышло. Конечно же, это ошибка. – И использовал девушку повторно. Некоторые действительно верили, что он ошибся. А другие соглашались на второе свидание, чтобы доказать, что они легли с ним в постель не ради ста долларов.

Но Калли проделывал все это не для того, чтобы сэкономить деньги. С деньгами он расставался легко, но только в казино. Ему нравилось ощущение власти, он гордился умением задурить голову любой красотке. И прилагал особые усилия, если сталкивался с девушкой, которая славилась тем, что дурила головы мужчинам.

Если девушка действительно не спала с мужчинами за деньги, Калли и тут находил к ней подход. Он осыпал ее комплиментами, жаловался на то, что у него встает только в тех случаях, когда девушка близка ему по духу, когда у него возникает потребность как можно лучше узнать ее. Он посылал ей подарки, давал двадцатки на такси. И все же некоторым из них хватало ума не пускать его на порог. Тогда он начинал говорить о своем приятеле, очень богатом и достойном во всех отношениях человеке, который заботится о девушках из чувства дружбы, им даже не приходится ложиться к нему в постель. Этот приятель подсаживался за их столик в баре, действительно богатый, владелец автомобильного салона в Чикаго или швейной фабрики в Нью-Йорке. Калли уговаривал девушку пообедать с приятелем, который получал от Калли подробные инструкции. Девушка ничего не теряла. Бесплатный обед с приятным, богатым мужчиной.

Они обедали. Мужчина дарил ей пару сотен долларов или посылал на следующий день дорогой подарок. Мужчина вел себя обходительно, ни на чем не настаивал. А в перспективе виделись норковые манто, автомобили, бриллианты. Так что девушка укладывалась в постель к приятелю. А когда приятель бросал ее, ей ничего не оставалось, как искать утешения в постели Калли. Стоило это ему те же десять долларов – на оплату такси.

Угрызений совести Калли не испытывал. Во всех незамужних женщинах он видел охотниц, стремящихся любым путем, включая и истинную любовь, подцепить мужчину на крючок, а потому считал себя вправе платить им той же монетой. Жалость он мог выказать только к тем девушкам, которые не барабанили в его дверь и не звонили из вестибюля. Он знал, что это нормальные девушки, униженные тем, что их провели. Иногда он даже сам разыскивал их и, если им требовались деньги, чтобы заплатить за квартиру или дотянуть до конца месяца, говорил, что пошутил, и давал сотню или две.

Для Калли это действительно была шутка, которую он потом рассказывал своим приятелям, среди которых хватало темных личностей. Они смеялись и поздравляли Калли с тем, что его не обворовали. Эти ребята прекрасно понимали, что женщина – враг, но враг, без которого мужчины не могли существовать. И их возмущало, что они должны платить этому врагу дань – деньгами, временем, привязанностью. Они не могли обойтись без женщин. И они тратили тысячи долларов на авиабилеты и везли женщин из Вегаса в Лондон только для того, чтобы они были рядом. Об этих деньгах они не жалели. В конце концов, девушке пришлось собирать вещи, лететь через океан. Она эти деньги зарабатывала. От нее требовалось лишь одно: быть рядом в тот момент, когда мужчине захотелось перепихнуться. До ленча, после обеда, неважно, где и как, без всякой преамбулы или ухаживаний. И никаких жалоб. Прежде всего – никаких жалоб. Вот член. Обслужи. Никаких вопросов о любви. Никаких «давай сначала поедим». Никаких достопримечательностей, которые хочется осмотреть. Никаких потом, чуть позже, вечером, на следующей неделе, после Рождества. Немедленно. Тут же, на месте, и по высшему разряду.

Мне казалось, что штучки Калли должны вызывать у женщин неприязнь, но они любили его куда больше многих мужчин. Вроде бы они понимали его, видели все его трюки насквозь, но их радовало, что ради них он идет на такие ухищрения. Некоторые девушки, которых он обвел вокруг пальца, становились верными подругами, всегда готовыми лечь под него, если вдруг его замучает одиночество. Господи, однажды он заболел, так целый батальон ночных бабочек пропорхал через его номер. Они кормили его, мыли, укрывали, даже делали на ночь минет, чтобы он хорошенько выспался. Злился Калли на девушку крайне редко и тогда говорил ей с особым, бьющим в самое сердце презрением: «Пойди прогуляйся». Может, эффект был таким разительным потому, что мгновением раньше он еще пытался очаровать ее и прибегал к грубости, лишь понимая, что все его усилия напрасны.

* * *

И при всем этом смерть Джордана потрясла его. Он ужасно разозлился на Джордана. Его самоубийство Калли воспринял как личное оскорбление. Конечно, он злился из-за того, что не получил двадцать штук, но я чувствовал, что истинная причина в другом. Несколькими днями позже, придя в казино, я увидел его сдающим карты за столиком для блэкджека. Он поступил на работу, перестал играть. Я не мог поверить, что это серьезно. Но пришлось. Он словно принял сан, перейдя из мирян в священнослужители.

Глава 7

Через неделю после смерти Джордана я покинул Лас-Вегас, как мне тогда казалось, навсегда, и вылетел в Нью-Йорк.

Калли проводил меня в аэропорт, и мы выпили кофе, пока я ждал приглашения на посадку. Мой отъезд произвел на Калли впечатление. Этим он меня удивил.

– Ты вернешься, – твердо заявил он. – Все возвращаются в Вегас. И найдешь меня здесь. Мы отлично проведем время.

– Бедный Джордан, – вырвалось у меня.

– Да, – вздохнул Калли. – Я и представить себе не мог, что все так закончится. Почему он это сделал? Какого черта он это сделал?

– Он не выглядел везунчиком, – заметил я.

Мы пожали друг другу руки, когда объявили мой рейс.

– Если дома у тебя возникнут неприятности, позвони, – сказал Калли. – Мы – друзья. Я тебе помогу. – Он даже обнял меня. – Ты парень решительный. Без дела сидеть не будешь. Поэтому всегда можешь попасть в беду. Позвони.

Я не верил, что он говорит искренне. Но четыре года спустя, когда он уже многого добился, я действительно попал в беду: Большое жури вызвало меня на свое заседание, и многое указывало на то, что меня признают виновным. Я позвонил Калли, и он прилетел в Нью-Йорк, чтобы помочь мне.

Глава 8

Из яркого западного дня гигантский реактивный самолет проскользнул в ночь восточных часовых поясов. Я страшился того момента, когда самолет приземлится и мне придется встретиться с Арти, который обещал отвезти меня в жилищный комплекс Бронкса, где меня ждали жена и дети. Конечно же, я приготовил им подарки: детям – миниатюрные игральные автоматы, Валери – кольцо с жемчужиной, обошедшееся мне в двести баксов. Девушка в ювелирном магазине отеля «Ксанаду» хотела получить за него пятьсот, но Калли договорился о специальной скидке.

Но мне не хотелось даже думать о том, как я открою дверь своей квартиры и увижу лица жены и троих детей. Меня переполняло чувство вины. Я боялся той сцены, которую могла устроить мне Валери. Поэтому я думал о том, что произошло со мной в Вегасе.

Я думал о Джордане. Его смерть не опечалила меня. Во всяком случае, я не печалился о нем, сидя в самолете. В конце концов, наше знакомство длилось три недели, и я не мог сказать, что по-настоящему узнал его. Но что трогательного было в его горе? Горе, которого я не испытывал и надеялся, что и в будущем бог убережет меня от него. Я с самого начала подозревал его, изучал, словно шахматную задачу. Он прожил обычную счастливую жизнь. Началась она со счастливого детства. Он иногда говорил, каким счастливым он рос ребенком. Потом счастливая женитьба. Хорошая жизнь. Все складывалось для него как нельзя лучше до последнего года. Так почему он не оправился от удара? Измениться или умереть, как-то раз вырвалось у него. В этом смысл жизни. Он просто не смог измениться. Так что вина за случившееся лежала на нем.

За эти три недели лицо его медленно, но верно превращалось в обтянутые кожей кости. Он сильно похудел. Но в остальном ничто не выдавало его намерения покончить с собой. Возвращаясь к тем дням, я видел, что все его поступки и слова говорили об обратном. Я отказался от вознаграждения, которое он предложил мне, Калли и Диане, лишь с тем, чтобы показать, что действительно люблю его. Я думал, ему это поможет. Но он потерял способность, как писала Остин, «ценить блаженство любви».

Я думаю, он стыдился своего отчаяния. Считал, что добропорядочному американцу негоже даже думать о том, что жизнь потеряла всякий смысл.

Его убила жена. Слишком простой ответ. Его детство, мать, отец, дети? Даже если раны детства заживают, ранимость никогда не проходит. Возраст не служит защитой от душевной травмы.

Как и Джордан, я отправился в Лас-Вегас, считая, что меня предали. Моя жена не говорила ни слова, пока я пять лет писал свой роман, никогда и ни на что не жаловалась. Ей многое не нравилось, но, в конце концов, ночи я проводил дома. А вот когда мой первый роман завернули и я не находил себе места от тоски, она с горечью заявила: «Я знала, что тебе не удастся его продать».

Меня как громом поразили ее слова. Неужели она не понимала, что в тот момент творилось у меня на душе? То был один из самых ужасных дней в моей жизни, а ведь я любил ее больше всех на свете. Я попытался объяснить. Роман хороший, но с трагическим концом. Издатель требовал хеппи-энда, а я отказался. Как я тогда гордился своим отказом! И оказался прав. Насчет моих книг лучшего эксперта, чем я, не найти, будьте уверены. Я думал, моя жена тоже будет гордиться мною. До чего же тупые эти писатели! Она же пришла в ярость. Мы живем в бедности, я задолжал кучу денег, и где их теперь взять, за кого я себя принимаю? Она так разозлилась, что забрала детей и вернулась только к ужину. А ведь она тоже когда-то хотела стать писательницей.

С деньгами нам помог тесть. Но однажды он наткнулся на меня, когда я выходил из букинистического магазина со стопкой только что купленных книг, и сорвался. Случилось это в прекрасный весенний день, под ярким солнцем. Он возвращался с работы и выглядел очень уставшим и чем-то подавленным. А тут иду я, с улыбкой до ушей от предвкушения удовольствия, которое доставят мне только что купленные печатные сокровища.

– Господи, я думал, ты пишешь книгу, – прорычал он. – А ты тратишь попусту время и деньги.

Через пару лет мой роман опубликовали, каким я его написал. Он получил отличные отзывы, но лишь несколько тысяч долларов. Мой тесть, вместо того чтобы поздравить меня, сказал: «Что ж, прибыли он не принес. Пять лет псу под хвост. Теперь пора подумать о том, как содержать семью».

За карточными столами в Вегасе я все понял. Почему они должны мне сочувствовать? Почему должны потакать моей эксцентричности? Почему должны верить, что писать книги – мое призвание? И правда была на их стороне. Но мое отношение к ним изменилось.

Понимал меня только мой брат Арти, но даже он – я это чувствовал – где-то разочаровался во мне, хотя и не показывал вида. А ведь ближе его у меня никого не было. До того момента, как он женился.

Вновь я стал гнать от себя мысли о доме, вновь подумал о Вегасе. Калли ничего не рассказал о себе, хотя я и задавал ему вопросы. О настоящем он говорил, о прошлом, до Вегаса, практически нет. И что самое странное, любопытство проявлял только я. Джордан и Калли редко задавали вопросы. Иначе я рассказал бы им гораздо больше.

* * *

Хотя Арти и я выросли сиротами, в приюте, он был ничуть не хуже, а может, и гораздо лучше военных училищ и модных частных школ, куда богачи отправляют своих детей, чтобы они не мешались под ногами. Арти был моим старшим братом, но в росте и силе преимущество было на моей стороне. Чем он превосходил меня, так это упрямством и честностью. Его зачаровывала наука, меня увлекали воображаемые миры. Он читал книги по химии и математике, решал шахматные задачи. Он и меня научил играть в шахматы, но у меня не хватало терпения: я предпочитал азартные игры. А читал романы. Дюма, Диккенса, Сабатини, Хемингуэя, Фицджералда, позже Джойса, Кафку, Достоевского.

Я готов поклясться, что сиротство никак не отразилось на моем характере. Я ничем не отличался от любого другого ребенка. Во взрослой жизни никто не догадывался о том, что я рос без отца и матери. Единственное отличие состояло в том, что мы с Арти заменяли друг другу и отца, и мать. Потом Арти влюбился, и я стал третьим лишним. Ушел на большую войну, а когда вернулся пять лет спустя, мы с Арти снова стали братьями. Он был отцом семейства, я – ветераном войны. И лишь один раз я подумал о том, что мы выросли сиротами. Случилось это в доме Арти, когда я засиделся допоздна. Его жена устала и решила пойти спать. А перед тем, как покинуть нас, поцеловала Арти. В приюте нас никто не целовал перед сном.

* * *

В действительности мы никогда и не жили в приюте. Мы оба убежали из него в книги. Моей любимой была история о короле Артуре и его Круглом столе. Я прочитал все версии, все трактовки, естественно, и оригинальную версию Мэлори. Само собой, королем Артуром я представлял своего брата. Во-первых, тезки, во-вторых, я находил много общего в их характерах. Но я никогда не отождествлял себя с одним из его храбрых рыцарей вроде Ланселота.

По какой-то причине я находил их очень уж тупыми. Даже ребенком я не испытывал никакого интереса к Святому Граалю. И не хотел быть Галахадом.

В кого я влюбился, так это в Мерлина, его удивительную магию, его превращения в сокола и других животных. Его появления и исчезновения. Его долгие отлучки. Более всего мне нравился тот эпизод, когда он сказал королю Артуру, что больше не может быть его правой рукой. И назвал причину. Он, Мерлин, влюбится в девушку и обучит ее своей магии. А она предаст его и обернет магические заклинания, которым он ее научил, против него самого. И ему придется провести в пещере тысячу лет, прежде чем заклинание потеряет силу. Только тогда он сможет вновь вернуться в этот мир. То есть переживет их всех. Даже ребенком я пытался быть Мерлином по отношению к моему брату. А покинув приют, мы поменяли фамилию на Мерлин. И больше никогда не говорили о нашем сиротстве. Ни между собой, ни с чужими людьми.

* * *

Самолет шел на посадку. Вегас стал для меня Камелотом, великий Мерлин без труда бы это объяснил. Теперь я возвращался в реальный мир. Мне предстояло оправдываться перед братом и женой. Когда самолет подруливал к зданию аэропорта, я еще раз посмотрел, на месте ли подарки.

Глава 9

Как выяснилось, волновался я напрасно. Арти не спросил меня, почему я убежал от Валери и детей в Вегас. Он купил новый автомобиль, большой семейный «универсал», и сказал, что его жена вновь беременна. Четвертым ребенком. Я его поздравил. Подумал о том, что через несколько дней надо послать его жене букет цветов. Тут же понял, что делать этого не следует. Не посылают цветы жене человека, которому ты должен многие тысячи долларов. И у которого ты намерен занимать и дальше. Арти не придал бы этому никакого значения, но его жена могла и рассердиться.

По пути в Бронкс я задал волнующий меня вопрос:

– И что думает обо мне Вэлли?

– Она понимает, – ответил Арти. – Не злится. Будет рада видеть тебя. Послушай, понять тебя не так уж и сложно. И ты писал каждый день. Пару раз звонил. Тебе требовался отдых, – говорил он ровно, спокойно. Но я видел, что он встревожен. Все-таки отсутствовал я целый месяц. Взял и сорвался с места. Его это пугало.

А мы уже въехали в жилищный комплекс, который всегда вгонял меня в депрессию. Этот микрорайон высоченных домов государство построило для бедняков. Я получил пятикомнатную квартиру, за которую платил пятьдесят долларов в месяц, включая коммунальные услуги. Первые несколько лет все было отлично. Дома строились на деньги налогоплательщиков, поэтому к жильцам предъявлялись жесткие требования. Первыми поселенцами стали трудолюбивые, законопослушные бедняки. Но благодаря своим достоинствам они поднимались по социальной лестнице и перебирались в отдельные дома. А их место занимали другие, которые честным путем не заработали и доллара. Наркоманы, алкоголики, неполные семьи, живущие на пособие. В большинстве своем – черные, и Валери чувствовала, что не может жаловаться на них, потому что ее обвинят в расизме. Но я знал, что мы должны как можно быстрее выметаться отсюда, переселяться в белый район. Я не хотел вновь очутиться в приюте. И плевать я хотел, если кто-то полагал мои взгляды расистскими. Я знал, что вокруг все больше людей, которым не нравится цвет моей кожи и которые не слишком боятся правосудия, потому что терять им все равно нечего. Здравый смысл подсказывал, что ситуация опасная, а дальше будет только хуже. Я не очень-то любил белых, так с чего мне было питать особые чувства к черным? И, разумеется, отец и мать Валери дали бы нам денег на первый взнос за дом. Но я не хотел одалживаться у них. Я мог брать деньги только у моего брата Арти. Счастливчика Арти.

– Зайди, – предложил я. – Выпьем кофе.

– Мне пора домой, – ответил Арти. – А кроме того, не хочу присутствовать при вашей встрече. Прими все удары судьбы как мужчина.

Я перегнулся через спинку, чтобы взять с заднего сиденья чемодан.

– Как скажешь. Спасибо, что подвез. Я забегу к тебе через пару дней.

– Хорошо. Тебе действительно не нужны деньги?

– Я же сказал тебе, что вернулся в выигрыше.

– Мерлин-маг, – прокомментировал он мои слова, и мы оба рассмеялись.

Я зашагал по бетонной дорожке, которая вела к подъезду моего многоквартирного дома. Пока я не скрылся за дверью, мотор его автомобиля так и не заурчал: он ждал, пока я войду в дом. Я ни разу не оглянулся. Ключ у меня был, но я постучал. Уж не знаю почему. Возможно, не чувствовал за собой права воспользоваться ключом. Вэлли открыла дверь, подождала, пока я переступлю порог и занесу чемодан на кухню, и лишь потом обняла меня. Очень спокойная, очень бледная, очень подавленная. Мы поцеловались без особых эмоций, словно ничего особенного и не произошло, словно мы и не расставались впервые за десять лет.

– Дети хотели тебя дождаться, но уже очень поздно, – сказала она. – Они смогут увидеться с тобой утром, перед школой.

– Хорошо, – кивнул я. Мне хотелось заглянуть в их спальни, но я боялся, что они проснутся и уже не захотят ложиться, доставив Вэлли новые хлопоты. А она и так выглядела очень утомленной.

Я отнес чемодан в нашу спальню, она последовала за мной. Начала разбирать вещи, а я сел на кровать, наблюдая за ней. Здорово у нее все получалось. Коробочки с подарками она сразу поставила на комод. Грязное разложила в две стопки – для стирки и химчистки. То, что для стирки, отнесла в ванную, чтобы бросить в корзину для грязного белья. Не вернувшись, поэтому я пошел следом. Она стояла у стены и плакала.

– Ты меня бросил, – вырвалось у нее.

Я рассмеялся. Во-первых, она говорила неправду, во-вторых, я ждал от нее совсем других слов. Могла же она придумать что-нибудь изящное, трогательное, умное, а она взяла да и просто озвучила свои чувства, ничего не приукрашивая. Точно так же она писала свои рассказы в Новой школе. И я рассмеялся, потому что она оказалась такой честной. А еще потому, что понял, как мне себя вести в этой ситуации. Мое остроумие и нежность могли все поправить. Я мог показать ей, что мое бегство в Лас-Вегас ничего не значит.

– Я писал тебе каждый день. И звонил четыре или пять раз, – напомнил я.

Она уткнулась мне в грудь.

– Я знаю. Просто у меня не было уверенности, что ты вернешься. Я же люблю тебя. И хочу, чтобы ты всегда был со мной.

– Я тоже, – без запинки ответил я.

Она хотела меня покормить, но я отказался. Быстренько встал под душ. Она ждала меня в постели. Она всегда надевала ночную рубашку, даже когда мы собирались заняться любовью, и мне приходилось ее снимать. Сказывалось католическое воспитание. Мне это нравилось. Наши утехи под одеялом приобретали некую церемониальность. Глядя на нее, лежащую в постели, ожидающую меня, я порадовался тому, что хранил ей верность. За мной числилось много грехов, но хоть в одном я был перед ней чист. И воздержание того стоило. Не знаю, как она, а я получил все по максимуму.

Погасив свет, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить детей, мы занялись любовью, как занимались ею десять лет. Ее тело, ее грудь естественным образом реагировали на ласку, страсть в ней так и кипела. Мы практически всегда удовлетворяли друг друга, и эта ночь не стала исключением. А потом она заснула, держа меня за руку, и отпустила, лишь повернувшись на бок.

Но я или вмонтированные в мое тело часы были настроены на другое время. И теперь, в уютной семейной кровати, рядом с женой, с детьми, я уже не мог понять, а чего я от всего этого сбежал? Почему почти месяц торчал в Вегасе, один, отрезанный от семьи? Я испытывал расслабление животного, укрывшегося от погони в безопасной норе. И ощущал себя абсолютно счастливым в бедности, связанный семейными узами, обремененный детьми. Зачем мне какой-то успех, если я мог лежать в постели с женой, которая любила и во всем поддерживала меня? И тут я подумал: наверное, Джордан чувствовал то же самое, когда жена сообщила ему дурную весть. Но я – не Джордан, я – Мерлин-маг, у меня все получится как надо.

Требовалось-то для этого совсем ничего – помнить все хорошее, все радостные моменты. Большую часть этих десяти лет мы прожили счастливо. Собственно, и сбежал я, пожалуй, из-за того, что был слишком счастлив, учитывая мои финансы, положение и честолюбие. Я подумал о казино, которое сверкало огнями в пустыне, о Диане, которая выполняла роль зазывалы, играла без всякой надежды выиграть или проиграть. О Калли, стоящем в зеленом фартуке за столиком для блэкджека, сдающем карты за казино. И о мертвом Джордане.

* * *

Лежа в постели, в кругу моей семьи, я испытывал невероятный подъем. Я знал, что смогу обеспечить им безбедную жизнь, защитить от мира и даже от себя самого.

Я не сомневался, что напишу еще одну книгу и разбогатею. Я не сомневался, что мы с Вэлли будем счастливы до скончания нашего века, что непонятная нейтральная зона, вдруг разделившая нас, уничтожена навсегда. Я никогда не предам ее, не воспользуюсь своей магией для того, чтобы погрузиться в тысячелетний сон. Я не стану еще одним Джорданом.

Глава 10

В расположенном в пентхаусе люксе Гронвелта Калли стоял у огромного окна. Красно-зеленый неоновый питон Стрип уползал к далеким горам. Калли не думал о Мерлине, Джордане или Диане. Он нервничал, ожидая появления Гронвелта из спальни, готовя ответы на всевозможные вопросы, понимая, что на кону стоит его будущее.

Люкс поражал размерами: встроенный бар в просторной гостиной, большая кухня, которая могла служить и столовой. Из всех окон открывался прекрасный вид на пустыню и горы, кольцом окружавшие Вегас. Калли как раз перебрался к другому окну, когда из спальни вышел Гронвелт.

Одетый с иголочки, чисто выбритый, хотя время перевалило за полночь. Он направился к бару, спросил Калли: «Что будешь пить?» Восточный акцент выдавал в Гронвелте уроженца Нью-Йорка, Бостона или Филадельфии. Вдоль стен гостиной выстроились стеллажи с книгами. «Неужели Гронвелт их прочитал?» – подумал Калли. Газетные репортеры, которые писали о Гронвелте, такого себе и представить не могли.

Калли подошел к бару. Гронвелт знаком показал, что тот может не стесняться. Калли плеснул в стакан немного виски. Заметил, что Гронвелт пьет минералку.

– Ты хорошо поработал, – начал Гронвелт. – Но ты помогал Джордану за столом баккара. Ты пошел против меня. Ты играл против меня на мои деньги.

– Он был моим другом, – оправдывался Калли. – И я выиграл не так уж много. Я знал, что в случае выигрыша он поделится со мной.

– Он дал тебе что-нибудь до того, как вышиб себе мозги?

– Он собирался дать нам всем по двадцать штук: мне, Малышу, который болтался с нами, и Диане, блондинке-зазывале со стола баккара.

Калли видел, что эта история интересует Гронвелта и он особо не злится на него, пусть Калли и играл против казино.

Гронвелт переместился к окну, взглянул на залитые лунным светом горы.

– Но деньги ты не получил.

– Я дал маху. Малыш сказал, что он подождет, пока Джордан не сядет в самолет, вот и мы с Дианой тоже решили подождать. Второй раз я такой ошибки не допущу.

– Все ошибаются, – спокойно ответил Гронвелт. – Главное, чтобы ошибка не стала фатальной. – Он допил минералку. – Ты знаешь, почему Джордан застрелился?

Калли пожал плечами:

– Его бросила жена. Полагаю, обобрала до нитки. А может, дело в здоровье. Может, у него рак. В последние дни он ужасно выглядел.

Гронвелт кивнул.

– Эта зазывала в баккара, она хорошо трахается?

Вновь Калли пожал плечами:

– Нормально.

Вот тут его ждал сюрприз: из спальни в гостиную вышла молодая девушка. Одета, тщательно накрашенная. С сумкой через плечо. Калли узнал в ней стриптизерку, занятую в шоу. Он помнил, какая у нее роскошная грудь.

Девушка поцеловала Гронвелта в губы. На Калли даже не посмотрела. Гронвелт ее не представил. Проводил девушку до двери люкса, сунул ей сотенную. Закрыв за ней дверь, вернулся в гостиную, сел на диван. Знаком предложил Калли занять кресло напротив.

– Я все о тебе знаю. Ты можешь считать карты. Умеешь манипулировать с колодой. Умен, если судить по твоей работе на меня. И я проверил твое прошлое и связи.

Калли кивнул, ожидая продолжения.

– Ты – игрок, но не заядлый игрок. Более того, ты идешь впереди игры. Но ты знаешь, что скоро всех таких «счетчиков» выставят из казино. Питбоссы давно хотели избавиться от тебя. Я их остановил. Ты в курсе.

Калли ждал.

Гронвелт встретился с ним взглядом.

– Я знаю о тебе все, кроме одного. Твоих отношений с Джорданом и другим парнем. Насчет девушки мне все понятно: тебе на нее наплевать. Поэтому, прежде чем мы двинемся дальше, расскажи мне, что к чему.

Калли выдержал паузу, понимая, что многое зависит от его ответа.

– Вы понимаете, я в принципе мошенник. Джордан определенно был со странностями. Я полагал, что смогу с него кое-что поиметь. А Малыш и девушка просто оказались рядом.

– Кто он, этот Малыш? – спросил Гронвелт. – С Чичем он мог нарваться на серьезные неприятности.

Калли опять пожал плечами.

– Хороший парень.

– Тебе он понравился, – голосом доброго дядюшки сказал Гронвелт. – Тебе действительно понравились и он, и Джордан, иначе ты никогда не пошел бы против меня.

И внезапно Калли осенило. Он смотрел на сотни книг, заполнявших стеллажи.

– Да, они мне понравились. Малыш написал книгу, которая не принесла много денег. Нельзя пройти по жизни, чтобы тебе кто-нибудь не понравился. Они оба – отличные ребята. Ни в одном не было ни йоты от мошенника. Им можно было доверять. Они бы никогда не попытались обвести тебя вокруг пальца. Я понял, что для меня это будет внове.

Гронвелт рассмеялся. Он оценил юмор. И его по-прежнему интересовали отношения этой странной троицы. Мало кто знал, что Гронвелт действительно много читал. Эту свою слабость он полагал грехом.

– Как зовут Малыша? – будничным голосом, не выдавая своего интереса, спросил он. – И как называлась книга?

– Джон Мерлин, – ответил Калли. – Названия книги не знаю.

– Никогда о нем не слышал. Забавная фамилия. – Гронвелт задумался. – Настоящая?

– Да, – ответил Калли.

Последовала долгая пауза. Гронвелт о чем-то думал, потом вздохнул, посмотрел на Калли.

– Я собираюсь дать тебе шанс. Если ты будешь выполнять мои поручения и держать язык за зубами, ты заработаешь много денег и высоко поднимешься в иерархии этого отеля. Ты мне нравишься, и я готов поставить на тебя. Но помни: если ты меня подведешь, тебя будут ждать серьезные неприятности. Очень серьезные. Ты представляешь себе, о чем я толкую?

– Да, – кивнул Калли. – Меня это не пугает. Вы знаете, что я мошенник. Но я достаточно умен, чтобы знать, когда надо играть честно.

Гронвелт кивнул.

– Самое главное – держать рот на замке. – Произнося эти слова, он подумал о стриптизерке, с которой провел первую половину вечера. Теперь только ее рот ему и помогал. Силы то убывали, в последний год он чувствовал это особенно остро. Но он знал прекрасный способ восстановления энергии: спуститься вниз и пройти по игорному залу казино. Словно мифический гигант, который вновь обретал силу, прикоснувшись к матери-земле, он подзаряжался энергией от людей, которые работали на него, от людей, которых он знал, от богатых и знаменитых, которые оставляли свои деньги за столами его казино. Но пауза слишком затянулась, и он видел, что Калли изучающе смотрит на него. Поэтому продолжил инструктаж своего нового сотрудника. – Рот на замке, – повторил Гронвелт. – Ты должен оставить все свои дешевые шуточки, особенно с девицами. Что из того, что они хотят получать подарки? Снимают с тебя

сотню баксов, а то и тысячу? Они эти деньги отрабатывают. И ты не остаешься у них в долгу. Нельзя быть в долгу у женщины. Ни в чем и никогда. С ними всегда необходимо расплачиваться. Если, конечно, ты не сутенер и не говнюк. Помни об этом. Не забывай дать им «пчелку».

– Сотню баксов? – переспросил Калли. – А почему не пятьдесят? Я – не хозяин казино.

Гронвелт улыбнулся.

– Решать тебе. Но, если она что-то да умеет, пусть будет «пчелка».

Калли кивнул, ожидая продолжения. Пока разговор шел о пустяках. Но, похоже, Гронвелт подбирался к главному. Так и вышло.

– Сейчас моя главная проблема – налоги, – продолжил он. – Ты знаешь, что богатым можно стать, лишь не показывая своих доходов. Некоторые из владельцев казино химичат с бухгалтерскими книгами. Идиоты. Рано или поздно феды⁵ их накроют. Кто-нибудь проговорится, и контролирующие органы набросятся на них, как стая волков. Мне это совершенно ни к чему. Но настоящую прибыль можно получить, лишь укрывая доходы. И здесь ты сможешь мне помочь.

– Я буду работать в отделе учета денег? – спросил Калли.

Гронвелт нетерпеливо покачал головой.

– Ты будешь работать за столом для блэкджека. Какое-то время. А если все у тебя получится, получишь должность моего личного помощника. Это я тебе обещаю. При условии, что ты проявишь себя. Докажешь свою полезность. Ты понимаешь?

– Конечно. А в чем риск?

– Об этом спроси себя. – Продолжение Калли прочитал во взгляде Гронвелта, в изменившемся выражении его лица: если он не проявит себя, если не оправдает возлагавшихся на него надежд, скорее всего, его похоронят в пустыне. Он видел, что такой исход печалит Гронвелта, и почувствовал, что новые узы связали его с этим далеко не простым человеком. Ему захотелось ободрить Гронвелта.

– Не волнуйтесь, мистер Гронвелт, я вас не подведу. Я очень благодарен вам за оказанное мне доверие. Вы во мне не разочаруетесь.

Гронвелт медленно кивнул. Повернулся спиной к Калли, к окну, из которого открывалась широкая панорама пустыни и гор.

– Слова ничего не значат. Я рассчитываю на твой ум. Приходи завтра в полдень, и я тебе все расскажу. И еще...

Калли обратился в слух.

– Сними этот гребаный пиджак, который носили ты и твои дружки. Это же надо, «Чемпион Вегаса». Ты и представить себе не можешь, как он меня раздражает. Вот тебе первое поручение. Скажи хозяину этого гребаного магазина, чтобы он больше не заказывал эти пиджаки.

– Хорошо, – кивнул Калли.

– Давай выпьем еще по стаканчику, и ты можешь идти. Я хочу пройтись по казино, посмотреть, все ли в порядке.

Они выпили, и Калли изумился тому, что Гронвелт чокнулся с ним, чтобы закрепить их дружбу. Калли так расхрабрился, что позволил себе спросить, что случилось с Чичем.

Гронвелт печально покачал головой.

– Такой уж у нас город. Ты знаешь, что Чич в больнице. Официальная причина – попал под автомобиль. Он поправится, но в Вегасе ты увидишь его лишь после того, как у нас появится новый начальник полиции.

– Я думал, у Чича хорошие связи. – Слушал Калли очень внимательно. Ему хотелось знать, как устроен мир на уровне Гронвелта.

⁵ Феды – прозвище сотрудников ФБР.

– Очень хорошие, но на Востоке. Друзья Чича попросили меня помочь ему выбраться из Вегаса. Я ответил, что ничего не могу для него сделать.

– Не понимаю, – насупился Калли. – Вы более влиятельный человек, чем шериф.

Гронвелт откинулся на спинку дивана, пригубил минералку. Старому и мудрому, ему нравилось учить жизни молодых. Но при этом он знал, что Калли льстил ему, потому что и сам, скорее всего, знал все ответы.

– Послушай, все проблемы с государством мы можем решить с помощью наших адвокатов и судов. На нас работают судьи, на нас работают политики. Так или иначе, но мы улаживаем конфликты с государственными ведомствами или комиссиями по азартным играм. Управление шерифа поддерживает в городе нужный нам порядок. Я могу снять телефонную трубку, и по моему указанию из города выставят практически любого человека. Мы создаем Вегасу имидж абсолютно безопасного города. Мы не можем этого сделать без начальника полиции. Чтобы обеспечить порядок, он должен иметь власть, и мы ему эту власть даем. Мы гладим его по шерстке. И он должен быть очень крутым парнем. Он не может позволить такому бандиту, как Чич, разбить нос его племяннику и уехать безнаказанным. Он просто обязан переломать ему ноги. И нам приходится ему в этом уступить. Чичу приходится ему в этом уступить. Друзьям Чича в Нью-Йорке приходится ему в этом уступить. Невелика цена.

– Начальник полиции обладает такой властью? – спросил Калли.

– Должен обладать, – ответил Гронвелт. – Только так мы можем поддерживать в городе железный порядок. И он умный парень, хороший политик. Он проходит в начальниках полиции еще десять лет.

– Почему только десять? – спросил Калли.

Гронвелт улыбнулся.

– Станет слишком богатым для того, чтобы работать. А должность эта собачья.

* * *

После ухода Калли Гронвелт собрался спуститься в казино. Время близилось к двум часам ночи. Он позвонил в инженерную службу и попросил добавить в систему кондиционирования чистого кислорода, чтобы подбодрить игроков. Потом решил переменить рубашку. Почему-то во время разговора с Калли она стала влажной. А переодевшись, вновь сосредоточился на Калли.

Он думал, что понимает мотивацию этого человека. Калли полагал, что инцидент с Джорданом Гронвелт записал ему в минус. На самом деле Гронвелт обрадовался тому, что Калли поддержал Джордана за столом баккара. Это доказывало, что мошенничество для Калли – суть жизни, что так уж он устроен, просто не может вести себя по-другому.

Гронвелт и сам всю жизнь был таким вот истинным мошенником. Настоящий мошенник может одним и тем же приемом провести тебя два, три, четыре, пять, шесть раз и все равно остаться твоим другом. Гронвелт знал, что в настоящем мошеннике должна тлеть искорка человеколюбия, жалости и сострадания. Настоящий мошенник должен искренне любить свою жертву. Настоящий мошенник должен всегда спешить на помощь и быть хорошим другом. Никакого противоречия тут не было. Все эти добродетели жизненно важны для настоящего мошенника. Они убеждают в его полной благонадежности. Только так он может избавить верного друга от сокровищ, которые нужны ему самому. Иногда речь идет не о деньгах. Иногда мошенник перетягивает на себя власть, принадлежащую другому человеку. Разумеется, мошеннику необходимы хитрость и безжалостность, но он – ничто, его видно насквозь, он – спринтер, если только у него нет сердца. У Калли сердце было. Он это доказал, когда стоял плечом к плечу с Джорданом у стола для баккара и играл против Гронвелта.

Гронвелт пытался ответить на один вопрос: действовал Калли искренне или хитрил? Он чувствовал, что Калли очень умен. Так умен, что Гронвелт даже не собирался присматривать за ним в первое время. Он знал, что в ближайшие три года Калли будет ему абсолютно предан. Если что-то и будет позволять себе, то в мелочах, зная, что это награда за хорошую работу. Но не более того. Да, эти три года Калли будет его правой рукой, думал Гронвелт. А вот потом за ним придется внимательно присматривать, как бы Калли ни пытался доказать верность, преданность и даже любовь к своему хозяину. Ловушка могла ждать именно там. Как истинный мошенник, Калли обязательно попытается предать его, выбрав самый удобный момент.

Книга III

Глава 11

Усилиями отца Валери я даже не потерял работу. Мои прогулы списали на отпуск и дни, положенные мне по болезни, так что я даже получил деньги за месяц, проведенный в Вегасе. Правда, мой босс, армейский майор, выразил недовольство. Но меня это особо не волновало. Если ты работаешь в Федеральной гражданской службе, не лелеешь честолюбивых замыслов, согласен иной раз терпеть унижения, босс над тобой никакой власти не имеет.

Я работал в Управлении армейского резерва. Подразделения резервистов собирались раз в неделю на тренировочные занятия. Я вел административную работу трех приписанных ко мне подразделений. Дел хватало. Я нес ответственность за шестьсот человек, их жалование, размножение инструкций и все прочее, связанное с занятиями, лежало на мне. Я проверял все бумаги, подготовленные персоналом, работавшим непосредственно с резервистами. Рапорты о проведенных занятиях, планы следующих занятий. Впрочем, при должной организации труда свободного времени у меня оставалось не так уж и мало. За исключением двух летних недель, когда мои подопечные отправлялись в летние лагеря. Вот тогда я вертелся как белка в колесе.

Обстановка в отделе была дружелюбная. В комнате компанию мне составлял еще один штатский, Фрэнк Элоре, постарше меня, который состоял в одном из подразделений резерва. Фрэнк, с его железной логикой, и убедил меня стать преступником. Я, работая с ним, и понятия не имел, что он берет взятки. Узнал об этом лишь после возвращения из Вегаса.

Армейский резерв Соединенных Штатов был сытной кормушкой. Двухчасовое занятие раз в неделю оплачивалось как полный рабочий день. Офицер мог получить больше двадцати баксов. Сержантский состав – порядка десяти. Плюс пенсионные права. А эти два часа уходили на чтение инструкций или на сладкий сон во время фильма.

Большинство гражданских администраторов записались в Армейский резерв. Кроме меня. Моя интуиция мага воспротивилась. Существовал один шанс из тысячи, что вновь начнется война, и тогда резервисты первыми бы загремели в регулярную армию.

Все полагали меня чокнутым. Фрэнк Элоре буквально умолял меня подать заявление. Во время Второй мировой войны я три года прослужил рядовым, но он сказал мне, что я получу чин старшего сержанта с учетом моего административного опыта. Что я буду не только выполнять патриотический долг, но и получать двойное жалование. Но мне претила мысль о том, что придется снова подчиняться приказам, пусть только два часа в неделю и две недели летом. На гражданке я выполнял указания моего босса. Между приказом и указанием – большая разница.

Всякий раз, когда я читал статьи и рапорты о блестящей подготовке наших резервистов, мне хотелось смеяться. Более миллиона мужчин валялись дураками. Я задавался вопросом: а почему правительство не прикроет эту лавочку? Но экономика большинства маленьких городков зависела от жалования резервистов. А многие политики, как в законодательных комиссиях штатов, так и в Конгрессе, занимали в резерве высокие должности и получали неплохие деньги.

А потом произошло событие, круто изменившее мою жизнь. Изменившее на короткое время, но к лучшему, как финансово, так и психологически. Я нарушил закон. Особая заслуга в этом принадлежала военному ведомству США.

Вскоре после моего возвращения из Вегаса многие молодые люди Америки сообразили, что новая принятая Конгрессом шестимесячная программа активной службы резервистов приносит им восемнадцать месяцев свободы. Молодой человек, подлежащий призыву в армию,

записывался в программу Армейского резерва и служил шесть месяцев на территории Соединенных Штатов. После этого еще пять с половиной лет посещал занятия в Армейском резерве два часа в неделю плюс две недели летом. Альтернативой были два года службы в армии с большой вероятностью марш-броска в Корею.

Но Армейский резерв мог принять на службу только определенное число желающих. На каждое место претендовала сотня кандидатов, и Вашингтон ввел систему квот. Каждый месяц я мог записать тридцать человек. Как говорится, кто не успел, тот опоздал.

Вскоре в моем списке значилась чуть ли не тысяча фамилий. Я не манипулировал с ними. Те, что стояли наверху, каждый месяц вставляли в строй резервистов. И право вносить какие-либо изменения принадлежало моим боссам, армейскому майору, занимавшему должность советника, и подполковнику резерва, который командовал моими подразделениями. Иной раз они протаскивали кого-то на самый верх. Когда они давали такое указание, я не протестовал. Зачем? Я лишь отбывал на работе время. Только для того, чтобы получить чек.

Напряжение, однако, нарастало. В армию призывали все больше народу. Куба и Вьетнам уже маячили на горизонте. Примерно в это время я заметил, что дело нечисто. Наверное, все зашло очень далеко, раз уж я обратил на это внимание, поскольку ни работа, ни что-либо связанное с ней меня не интересовали.

Фрэнк Элкоре, старше меня по возрасту, женатый, с двумя детьми, имел тот же чиновничий разряд государственной службы, что и я. Мы работали параллельно и автономно. У него были свои подразделения, у меня – свои. Однако он приезжал на работу на новом «Бьюике», который ставил на стоянку, выкладывая в день по три доллара. С другой стороны, он служил в Армейском резерве сержантом и зарабатывал еще сотню долларов в год. Он делал ставки на все игры: футбол, бейсбол, баскетбол, и я знал, в какие суммы обходится это увлечение. Поэтому задавался вопросом: а откуда у него такая прорва денег? Когда пытался выяснить у него, он отшучивался и говорил, что обдирает своего букмекера как липку. Но в этом я как раз разбирался, а потому понимал, что он вешает мне лапшу на уши. И пришел день, когда он пригласил меня на ленч в хороший итальянский ресторан на Девятой авеню и выложил карты на стол.

– Мерлин, – спросил он за кофе, – сколько человек ты записываешь в месяц в свои подразделения? Какую квоту ты получаешь из Вашингтона?

– В прошлый месяц оформил тридцать человек, – ответил я. – Квота меняется от двадцати пяти до сорока, в зависимости от того, скольких увольняют из резерва.

– Места в резерве стоят денег, – заметил Фрэнк. – Ты мог бы неплохо на этом зарабатывать.

Я ничего не ответил, и он продолжил:

– Позволь мне использовать пять твоих вакансий в месяц. Я буду давать тебе по сотне баксов за каждую.

Меня его предложение не заинтересовало. Да, мой месячный доход возрос бы в пять раз, но я покачал головой. За всю свою взрослую жизнь я не совершил ни одного нечестного поступка. А уж брать взятки считал ниже своего достоинства. В конце концов, я был творцом. Великим писателем, стоящим в шаге от всемирного признания. Совершая нечестный поступок, я становился злодеем. Разве я мог замарать свой девственно чистый образ? Пусть моя жена и дети жили на грани нищеты. Пусть мне приходилось работать по вечерам, чтобы свести концы с концами. Честность я ставил превыше всего. Хотя мысль о том, что есть люди, готовые платить деньги за то, чтобы служить в армии, меня позабавила.

Фрэнк не сдавался.

– Никакого риска нет. Эти листы с легкостью можно менять. Общего-то списка не ведется. Тебе даже не придется брать у парней деньги или договариваться с ними. Я все сделаю сам. Ты будешь их оформлять после того, как я дам «добро». А потом получать от меня деньги.

Я сделал нехитрый расчет. Раз он соглашался дать сотню мне, значит, вторую он клал в карман. Он имел свою квоту – пятнадцать позиций. Помноженные на две сотни, они давали три тысячи в месяц. Я понимал, что он не может использовать все пятнадцать позиций. У командиров его подразделений тоже были знакомые, которым хотелось помочь. Политические боссы, конгрессмены, сенаторы не хотели, чтобы их дети служили по два года. Они лишали Фрэнка куса масла, и он, естественно, злился. Ему оставалось лишь пять позиций в месяц. Однако и тысяча баксов в месяц, с которой не надо платить налоги, не такой уж плохой навар. Но я все равно отказался.

Но есть много доводов, которыми ты оправдываешься перед собой, когда все-таки преступаешь закон. Я создал себе некий образ честного человека, который никогда не лжет и не обманывает своих сограждан. Который ради денег не сделает ничего противозаконного. Я видел себя таким же, как мой брат Арти. Но Арти был честен до мозга костей. Он ни при каких обстоятельствах не мог стать преступником. Арти рассказывал мне, какому нажиму он подвергался на работе. Химик-исследователь Федеральной администрации по контролю за продуктами питания и лекарствами, он занимал достаточно высокое положение. Деньги ему платили весьма приличные. Проверки он проводил абсолютно беспристрастно и зачастую выдавал отрицательные заключения на лекарства, допущенные к выходу на рынок его коллегами. К нему не раз обращались представители крупнейших фармакологических компаний, предлагая работу, за которую он мог получать гораздо больше. При условии, что он проявит больше гибкости. Арти не шел ни на какие компромиссы. Наконец один из препаратов, которые он забраковал, получил разрешение на продажу. Фармакологическая компания добилась этого, действуя через голову Арти. А годом позже препарат изъяли из продажи из-за токсических эффектов, приведших к смерти нескольких пациентов. Вся эта история попала в газеты. Какое-то время Арти ходил в героях. Даже получил высший разряд государственной гражданской службы. Но ему дали понять, что дальше пути не будет. Что он никогда не станет начальником управления, потому что не понимает политических аспектов деятельности администрации. Его это нисколько не волновало, а я только гордился своим братом.

Я хотел прожить честную жизнь, но был реалистом и понимал, что не могу требовать от себя совершенства. Поэтому, если совершал некий недостойный поступок, обычно старался не повторить его в будущем. Но я часто разочаровывался в себе, потому что возможность совершения недостойного поступка подстерегает человека за каждым углом и всегда возникает неожиданно, не оставляя ему времени на раздумья.

Теперь мне предстояло уговорить себя стать преступником. Я хотел быть честным, потому что говорить правду нравилось мне больше, чем лгать. С невиновностью мне жилось легче, чем с чувством вины. Я все обдумал. Исходя из прагматичных соображений. Если бы ложь и воровство не давили мне на совесть, я бы, конечно, начал и лгать, и воровать. Поэтому, собственно, я не осуждал тех, кто не брезговал ни первым, ни вторым. Это, думал я, их *metier*,⁶ моральный выбор тут ни при чем. Я заявлял, что мораль не имеет к этому никакого отношения. Но в действительности в это не верил. Зато верил в добро и зло.

И, по правде говоря, я всегда стремился конкурировать с другими людьми. Хотел быть лучше, чем они. Осознание того, что я не так жаден до денег, вызывало у меня чувство удовлетворения. Я жаждал славы, я хотел быть честным с женщинами, хотел не чувствовать за собой никакой вины. Мне доставляло удовольствие не искать в действиях кого-либо тайные мотивы, во всем доверять людям. По правде говоря, себе я не доверял никогда. Одно дело – быть честным, другое – любить ненужный риск.

Короче, я предпочитал, чтобы обманывали меня, а не я. Я соглашался оставаться жертвой мошенника при условии, что мне самому не придется переквалифицироваться в мошен-

⁶ *Metier* – ремесло (фр.).

ника. Я соглашался верить лжи, но не лгать самому. Я понимал, что это броня, которой я хочу отгородиться от мира. Я полагал, что мир не сможет причинить мне вреда, если я не буду чувствовать за собой никакой вины. Если я о себе хорошего мнения, какая разница, что думают обо мне другие? Разумеется, не все получалось, как мне того хотелось. В броне обнаруживались трещины. И я сам иной раз давал слабину.

И при этом... при этом... я чувствовал, упиваясь своими самодовольными мыслями, что все мои аргументы – та же хитрость. Что мои высоконравственные принципы базируются на холодном расчете. И все дело в том, что в моей жизни я ничего не возжелал до такой степени, чтобы ради утоления этого желания пойти на преступление. А хотел только одного – написать великий роман. И не ради славы, денег или власти. Так я, во всяком случае, думал. Хотел просто послужить человечеству. И все. В юности, сокрушаемый чувством вины и ощущением собственной никчемности, осознавая свое бессилие что-либо изменить в этом мире, я наткнулся на роман Достоевского «Братья Карамазовы». Эта книга изменила мою жизнь. Придала мне сил. Заставила увидеть внутреннюю, такую ранимую красоту, присущую всем людям, независимо от их внешности. Я навсегда запомнил день, когда мне пришлось расстаться с этой книгой, вернуть ее в библиотеку приюта, запомнил ощущения, которые испытывал, шагая под осенним солнцем. На меня словно снизошла благодать.

И с того самого дня я хотел написать книгу, которая вызывала бы у людей такие же чувства. В этом я видел смысл жизни. И когда опубликовали мой первый роман, на который я положил пять лет жизни, из-за которого не шел ни на какие уступки издателям, в первой же рецензии, которую я прочитал, книгу называли грязной и убогой, которую не следовало писать, а написанную не следовало публиковать.

Роман не принес мне денег. Но я получил несколько лестных рецензий настоящих профессионалов. Они соглашались в том, что я создал произведение искусства, и это льстило моему самолюбию. Я получал письма, которые сам мог бы написать Достоевскому. Но утешение, которое я находил в этих письмах, не компенсировало горечи от осознания того, что коммерческого успеха моя книга не имеет.

У меня созрел замысел истинно великого романа, моего «Преступления и наказания». Но мой издатель отказался дать мне аванс. Как и другие издатели. Я перестал писать. Накапливались долги. Моя семья жила в бедности. Моя жена не могла позволить себе воспользоваться материальными благами, которые предлагала ей человеческая цивилизация. Я уезжал в Вегас. Я не мог писать. Постепенно туман рассеивался. Чтобы стать творцом и хорошим человеком, к чему я стремился, я должен какое-то время брать взятки. Себя можно уговорить делать что угодно.

Однако Фрэнку Элкору понадобилось шесть месяцев, чтобы дожать меня, да и то ему помог случай. Страсть Фрэнка к азартным играм зачаровывала меня. В подарок жене он покупал лишь то, что мог заложить в ломбарде, если вдруг возникала потребность в наличных. И мне очень нравился его способ использования чековой книжки.

По субботам Фрэнк отправлялся за покупками. Все владельцы расположенных по соседству магазинов прекрасно его знали и брали его чеки. У мясника он покупал лучшие вырезку и отбивные на добрые сорок долларов, но чек выписывал на сто, получая на сдачу шестьдесят. То же самое происходило в овощном и бакалейном магазинах. К полудню у него в кармане лежали две сотни наличными, которые он мог поставить на бейсбольные матчи. При этом на банковском счету у Фрэнка не было ни цента. Если он проигрывал в субботу, то брал кредит у букмекера, чтобы сделать ставки на воскресные игры. Если выигрывал, в понедельник утром мчался в банк, чтобы обеспечить выписанные им чеки. Если проигрывал, банк отказывался оплатить чеки. За неделю набирались взятки от тех, кто рвался на шестимесячную службу, Фрэнк вносил деньги на свой счет, и владельцы магазинов наконец-то получали то, что им причиталось.

Фрэнк водил меня на вечерние игры и платил за все, включая хот-доги. Он был щедрым парнем, а когда я тянулся к бумажнику, отводил мою руку со словами: «Честный человек не может позволить себе ходить на спортивные зрелища». Мне нравилась его компания даже на работе. После ленча мы иной раз играли в джин, и я обычно выигрывал у него несколько долларов. Не потому, что у меня были лучшие карты, просто он все время думал о тех матчах, на которые ставил деньги.

У каждого находится предлог для того, чтобы поступиться своей добродетелью. И ломают тебя, только когда ты сам готов сломаться.

Как-то утром я пришел на работу и увидел, что холл перед моим кабинетом забит людьми, желающими записаться на шестимесячную программу. Более того, молодые люди толпились на всех восьми этажах, где велась запись. А ведь места в здании старого арсенала всегда хватало с лихвой.

Первым в мой кабинет вошел невысокий старичок. Он привел с собой молодого человека. Тому исполнился двадцать один год, и старичок хотел, чтобы мальчик служил по линии Армейского резерва. Я нашел его фамилию чуть ли не в конце списка.

– Извините, – ответил я, – но его очередь подойдет как минимум через шесть месяцев.

Яркие синие глаза старичка светились уверенностью.

– А вы проконсультируйтесь с вашим начальством.

В тот самый момент я увидел, как мой босс, армейский майор, машет мне за стеклянной перегородкой. Я прошел к нему в кабинет. Майор воевал в Корее, участвовал во Второй мировой войне, и его грудь украшали орденские ленты. Но он потел и нервничал.

– Послушай, этот старикан сказал, что я должен с тобой поговорить. Он хочет пропихнуть этого парня мимо всех. Я ответил, что не могу этого сделать.

– Помоги ему, – сердито бросил майор. – Этот старикан – конгрессмен.

– А как же список?

– К черту список.

Я вернулся в кабинет, где сидели конгрессмен и его протеже. Теперь я узнал фамилию парня. Со временем ему предстояло унаследовать состояние в сотни миллионов долларов. Его семья реализовала «американскую мечту». И он сидел в моем кабинете, чтобы записаться в программу, позволяющую служить шесть месяцев вместо двух лет.

Конгрессмен вел себя идеально. Не показывал себя хозяином, не подчеркивал, что именно его могущество заставило меня прогнуться. Говорил тихим голосом, дружелюбно, где-то даже участливо. Я не мог им не восхититься. Он обставлял все так, будто я оказывал ему услугу, и упомянул, что всегда готов вернуть должок, для этого мне достаточно позвонить в его офис. Парень молчал в тряпочку, открывал рот, лишь когда я задавал ему вопросы, заполняя многочисленные бланки.

Но я злился. Не знаю почему. Принцип «сила солону ломит» не вызывал у меня сопротивления. Возможно, мне не нравилось, что меня размазывали по стенке, а я ничего не мог с этим поделать. А может, я считал, что этот парень мог и отдать родине должок. Все-таки именно Америка позволила его семье сказочно разбогатеть.

Поэтому я подложил им маленькую свинью. Я дал ему «горячую» ВУС, то есть военно-учетную специальность, по которой армия могла использовать его с наибольшей пользой. Я рекомендовал его в специалисты по электронному оборудованию. То есть позаботился о том, чтобы в случае чрезвычайных обстоятельств в регулярную армию он попал одним из первых. Конечно, вероятность такого развития событий была невелика, но мне хотелось хоть в чем-то насолить этой парочке.

Вошел майор, привел молодого человека к присяге, заставил повторить, что он не принадлежит ни к коммунистической партии, ни к одному из движений, которые служили комму-

нистам ширмой. Потом все пожали друг другу руки. Молодой человек сдерживался, пока он и конгрессмен не двинулись к двери. Вот тут молодой человек улыбнулся конгрессмену.

Такая улыбка обычно освещает лицо ребенка, когда тому удастся обвести вокруг пальца кого-то из взрослых, включая и своих родителей. Я понимал, что, хотя из-за этой улыбки и нельзя причислить его к плохишам, она избавила меня от чувства вины, которое мучило меня за то, что я определил ему «горячую» ВУС.

Фрэнк Элкор е наблюдал за всем этим из-за своего стола. И не стал терять времени.

– Сколько еще ты будешь идиотничать? – набросился он на меня. – Этот конгрессмен вытащил из твоего кармана сотню баксов. Одному богу известно, сколько он в действительно-сти получил. Тысячи. Если бы парень пришел к нам, я бы снял с него не меньше пятисот! – Его распирало искреннее негодование. Я рассмеялся. – Ничего смешного тут нет, – буркнул Фрэнк. – Ты мог бы прилично зарабатывать и решить многие из своих проблем, если бы послу-шал меня.

– Мне это не подходит.

– Ладно, ладно, – покивал Фрэнк. – Но я прошу тебя оказать мне услугу. Мне очень нужна одна вакансия. Видишь рыжеволосого парня за моим столом? Он готов выложить пять сотен, потому что ждет повестки со дня на день. Как только он получит повестку, мы не сможем записать его на шестимесячную программу. Таковы инструкции. Так что я должен записать его сегодня. А у меня нет ни одного свободного места. Я хочу, чтобы ты записал его, а деньги мы поделим пополам. Только один раз.

Голос его переполняло отчаяние, поэтому я и ответил:

– Ладно, пошли его ко мне. А деньги оставь себе. Мне они не нужны.

Фрэнк кивнул.

– Спасибо. Твою долю я придержу. На случай, если ты передумаешь.

Вечером, когда я пришел домой, Вэлли накормила меня ужином, и я поиграл с детьми, прежде чем они отправились спать. Потом Вэлли сказала мне, что ей нужно сто долларов, чтобы купить детям одежду и обувь к Пасхе. Она ничего не сказала про одежду для себя, но для нее, как и для всех католиков, покупка нового наряда к Пасхе давно уже превратилась в ритуал.

Наутро я подошел к Фрэнку:

– Послушай, я передумал. Я возьму свою половину.

Фрэнк похлопал меня по плечу.

– Молодец, – похвалил он меня. И в уединении мужского туалета вытащил из кармана пять купюр по пятьдесят долларов и протянул мне. – До конца недели я поставлю тебе еще одного клиента.

Я ему не ответил.

То был первый раз в моей жизни, когда я совершил действительно нечестный поступок. Но отвращения к себе я не испытывал. Наоборот, пребывал в распрекрасном настроении. Меня просто распирало от радости, и по пути домой я купил Вэлли и детям подарки. А дома, дав Вэлли сто долларов на детскую одежду, я увидел облегчение в ее глазах: наконец-то не придется обращаться за деньгами к отцу. В ту ночь я спал крепче, чем всегда.

В дело я вошел один, без Фрэнка. Начал изменяться буквально на глазах. Как выясни-лось, быть преступником не так уж и плохо. Мне вот это пошло на пользу. Я перестал ходить к букмекеру и писать. Просто потерял всякий интерес к моему новому роману. Впервые в жизни уделял все внимание работе. Начал изучать толстые тома армейских инструкций, выискивать юридические лазейки, позволяющие призывникам избежать армейской службы. Прежде всего я уяснил, что медицинские стандарты могут варьироваться в достаточно широких пределах. Сегодня медицинская комиссия могла отсеять призывника, а шестью месяцами позже при-знать его годным к строевой. Все зависело от квот на призыв, спущенных Вашингтоном. От бюджетных ассигнований на нужды армии. При некоторых условиях даже те, кто подвергался

шоковой терапии по поводу психического заболевания, признавались физически здоровыми. Точно так же решался вопрос с гомосексуалистами. Опять же, если призывник представлял собой немалую ценность для частного бизнеса, он мог рассчитывать на отсрочку.

Потом я принялся за изучение своих клиентов. Возрастная вилка составляла семь лет – от восемнадцати до двадцати пяти, но более всего увильнуть от армии стремились двадцатидвух-двадцатитрехлетние парни, обычно выпускники колледжа, которые ужасно не хотели терять два года в армии Соединенных Штатов. Вот им и не терпелось записаться в программу Армейского резерва и отбарабанить всего шесть месяцев срочной службы.

У этих парней были деньги, или они родились в богатых семьях. Они долго учились, чтобы наконец начать осваивать избранную профессию. Со временем им предстояло влиться в верхушку среднего класса, стать маяками во многих сферах американской жизни. В военное время они бы боролись за право поступления в офицерскую школу. Теперь рвались в пекари, портные и механики. Один из них в двадцать пять лет был брокером нью-йоркской биржи, другой – ведущим специалистом по ценным бумагам. В то время новые акции, утром появившиеся на Уолл-стрит, к вечеру дорожали на десять пунктов, и эти мальчишки богатели на глазах. Деньги текли рекой. Они платили мне, а я расплачивался с Арти, моим братом, которому задолжал не одну тысячу долларов. Он удивлялся, даже любопытствовал, а откуда, собственно, деньги. Я сказал, что выиграл в карты и рулетку. Не мог заставить себя сказать правду. Это был один из тех редких случаев, когда я лгал своему брату.

Фрэнк стал моим консультантом.

– С этими ребятами держись настороже, – наставлял меня он. – Они настоящие мошенники. Чем выше ты назначишь им цену, тем больше они будут тебя уважать.

Я пожимал плечами.

– Они просто плаксы, – говорил Фрэнк. – Почему они не могут отслужить два года в армии, защищая свою страну, вместо того чтобы рваться на эти гребаные шестимесячные курсы? Мы с тобой участвовали в войне, и у нас нет ни цента. Мы бедняки. Наша страна позаботилась об этих ребятах. Все они из богатых семей. У них прекрасная работа, радужные перспективы. А они не хотят служить, вернуть стране числящийся за ними должок.

Я удивлялся его злости, парень-то он был добродушный, никого не поминал плохим словом. И я знал, что его патриотизм истинный. Как сержант Армейского резерва, он был ревностным патриотом, а преступником становился в своей другой ипостаси – сотрудника Гражданской службы.

В последующие месяцы я без труда набрал клиентуру. Я вел два списка. Один, официальный, для доски объявлений, второй, взяточников, для личного пользования. Я не жадничал. Десять вакансий уходили взяточникам, еще десять – тем, кто занимал верхние строчки официального списка. И каждый месяц я становился богаче на тысячу долларов. Более того, мои клиенты начали повышать ставки, и скоро цена вакансии достигла трехсот долларов. Я чувствовал себя виноватым, когда в мой кабинет заходил бедняк, и я заранее знал, что в армию его заберут до того, как он поднимется на самый верх официального списка. Меня это так нервировало, что в конце концов я отказался от официального списка. Десять парней мне платили, десять счастливиц получали место в Армейском резерве бесплатно. Короче, я решал, кто пойдет в армию, а кто – в резерв, хотя думал, что такого не будет никогда. Мне нравилось.

Тогда я об этом не подозревал, но в подразделениях у меня появлялись друзья, которые потом помогли спасти мою шкуру. Опять же, я установил еще одно правило. Любой человек творческого труда – художник, писатель, артист, суетливый театральный режиссер – зачислялся в резерв бесплатно. Я принял такое решение, потому что сам больше не писал, не горел желанием писать и из-за этого тоже испытывал чувство вины. В общем, вина накапливалась, совсем как деньги. И я избавлялся от этого чувства в классической американской манере, творя добрые дела.

Фрэнк упрекал меня в отсутствии деловой хватки. Я слишком хороший парень, мне надо становиться круче, а не то из меня будут вить веревки. Но он ошибался. Я давно уже не был тем хорошим парнем, каким, по его разумению, виделся другим людям.

А кроме того, я заглядывал чуть вперед. Большого ума для этого не требовалось. Я понимал, что эта лафа должна закончиться. Слишком много людей знало об этом. Сотни гражданских, занимавших такие же должности, что и я, брали взятки. Тысячи резервистов зачислялись на шестимесячную программу за деньги. Меня это по-прежнему забавляло: люди платили деньги, чтобы попасть на армейскую службу.

Однажды ко мне пришел мужчина лет пятидесяти со своим сыном. Сам – богатый бизнесмен, сын – начинающий адвокат. Отец протянул мне целую пачку писем от политиков с просьбой посодействовать в положительном разрешении вопроса. Он поговорил с армейским майором. Пришел на занятие подразделения и поговорил с подполковником. Они приняли его очень вежливо, посетовали на жесткую систему квот. Вот отец и появился у моего стола, чтобы фамилия его сына, Хиллер, переместилась в первые строки официального списка. Звали сына Джереми.

Мистер Хиллер торговал «Кадиллаками». Сын заполнил анкету, мы поболтали.

То есть болтали я и мистер Хиллер, а сын молчал в тряпочку, очень смущенный.

– И сколько ему придется ждать, прежде чем вы зачислите его в резерв? – спросил мистер Хиллер.

Я откинулся на спинку стула, ответил стандартно:

– Шесть месяцев.

– Его призовут раньше. Я был бы вам очень признателен, если бы вы могли что-нибудь для него сделать.

Вновь последовал обычный ответ:

– Я всего лишь клерк. Вам могут помочь только офицеры, с которыми вы уже говорили. Или обратитесь к вашему конгрессмену.

Он пристально посмотрел на меня, достал визитку.

– Если вы захотите купить автомобиль, обратитесь ко мне. Я дам вам минимальную цену.

Я взглянул на визитку, рассмеялся.

– В тот день, когда я смогу купить «Кадиллак», мистер Хиллер, я уже не буду здесь работать.

Мистер Хиллер дружелюбно улыбнулся.

– Пожалуй, вы правы. Но, если вы сможете мне помочь, я в долгу не останусь.

На следующий день он мне позвонил. В голосе слышалось обаяние опытного коммивояжера. Он осведомился о моем здоровье, отметил, какой хороший выдался денек. Сказал, что моя вежливость и отзывчивость произвели на него неизгладимое впечатление, раньше, мол, имея дело с чиновниками, он сталкивался только с безразличием и грубостью. Чувство благодарности настолько переполняло его, что он, случайно узнав о продаже «Доджа» прошлого года выпуска, купил его и готов продать мне по себестоимости. Не смогу ли я встретиться с ним за ленчем и обсудить сей предмет?

Я ответил мистеру Хиллеру, что за ленчем встретиться с ним не смогу, но готов подъехать в его салон после работы, по пути домой. Находился салон в Рослине, на Лонг-Айленде, в полчаса езды от моего жилищного комплекса в Бронксе. Приехал я до того, как стемнело. Припарковал машину и побрел среди «Кадиллаков», обуреваемый внезапно проснувшейся жадностью. Огромные, прекрасные, сверкающие автомобили, золотистые, кремовые, темно-синие, ярко-красные. Заглянув в кабину, я увидел мягкие коврики на полу, роскошную обивку сидений. Я никогда не был фанатом автомобилей, но тут просто вспылал любовью к «Кадиллкам».

По пути к длинному кирпичному зданию я миновал светло-синий «Додж». Очень милый автомобильчик, который я полюбил бы с первого взгляда, если б не эта прогулка среди гребанных «Кадиллаков». Я заглянул в кабину. Обивка хорошая, но в сравнении с «Кадиллаками» полное дерьмо.

Короче, я полностью вжился в образ вора-нувориша. За последние месяцы во мне произошли забавные перемены. Я очень печалился, когда брал первую взятку. Я думал, что до конца своих дней буду корить себя за это, я же всегда гордился своей честностью. Так почему же теперь мне так полюбилась роль взяточника и мошенника?

По правде сказать, я стал таким счастливым, потому что предавал общество. Мне нравилось брать деньги за то, что я нарушал свой долг. Доставляло удовольствие водить за нос молодых людей, которые приходили ко мне. Я врал и обманывал, испытывая чувство глубокого удовлетворения. Ночами, лежа без сна, я придумывал новые схемы обмана и гадал, что же такое со мной происходит? Напрашивался вывод, что я мстил обществу за то, что оно отвергло меня, не разглядело во мне великого писателя. Что я компенсировался за несчастное детство в приюте, за отсутствие успеха в жизни, ощущение ненужности в заведенном порядке вещей. И вот наконец-то я нашел себе дело, с которым мог справиться. Наконец-то я мог обеспечить детей и жену не только куском хлеба. Кстати, я преуспел и в роли мужа и отца. Я помогал детям с домашними занятиями. Теперь я не писал по вечерам, а потому уделял больше времени Вэлли. Мы ходили в кино, я мог позволить себе заплатить сиделке и за билеты. Я покупал подарки. Мне заказали пару материалов для журнала, и я сделал их с легкостью. Вэлли я сказал, что повышение нашего благосостояния обусловлено как раз журнальными гонорарами.

Взяточничество превратило меня в счастливого человека, но в глубине души я чувствовал, что придет час расплаты. Поэтому я выбросил из головы все мысли о «Кадиллаке» и смирился с покупкой светло-синего «Доджа».

На столе в просторном кабинете мистера Хиллера стояли фотографии его жены и детей. Секретаря не было. Я понял, что мистер Хиллер отослал ее, чтобы она не видела меня, и мне это понравилось. Приятно, знаете ли, иметь дело с умными людьми. Глупых я просто боялся.

Мистер Хиллер усадил меня, взял сигару. Вновь справился о моем здоровье. Потом перешел к делу:

– Вы видели этот синий «Додж»? Хороший автомобиль. В идеальном состоянии. Я могу уступить его вам за реальную цену. На чем вы сейчас ездите?

– У меня «Форд» модели пятидесятого года.

– Я возьму вашу машину в счет оплаты. Добавьте пятьсот долларов, и «Додж» ваш.

С каменным лицом я достал из бумажника пять сотенных.

– Договорились.

Во взгляде мистера Хиллера читалось изумление.

– Но вы должны найти возможность помочь моему сыну, вы понимаете?

Он действительно волновался: а вдруг я не врубился в ситуацию?

И вновь я подивился тому, как нравились мне эти «борзые щеночки». Я знал, что могу надуть его. Взять «Додж», оставив ему «Форд». И наварить на этом примерно тысячу баксов. Но я придерживался мнения, что негоже, обманывая государство, еще и обманывать клиента. Все-таки во мне жил Робин Гуд. Я все еще считал себя человеком, который, беря деньги с богатых, обязательно выполняет свои обещания. Но мне нравилось волнение, которое читалось на лице мистера Хиллера. Ему очень хотелось знать, понял ли я, что речь идет о взятке. Ответил я спокойно, по-деловому, без тени улыбки:

– В течение недели ваш сын будет зачислен на шестимесячную программу Армейского резерва.

Тут волнение сменилось облегчением и уважением.

– Все документы мы подпишем сегодня, и я позабочусь о номерных знаках. Тут проблем не будет. – Он наклонился через стол, чтобы пожать мне руку. – О вас говорят только хорошее. Вы пользуетесь безупречной репутацией.

Его слова меня порадовали. Разумеется, я понял, что он хотел мне сказать. Меня считали честным взяточником. Что ж, сие я мог расценивать как достижение.

Пока сотрудники мистера Хиллера готовили документы на автомобиль, он пытался меня разговорить. Ему хотелось знать, действую я в одиночку или майор и подполковник тоже в доле. Мне нравилось его ненавязчивое, но достаточно уверенное движение к цели. Сказывалась выучка бизнесмена. Поначалу он отметил мой ум, похвалил за то, что я схватываю все на лету. Потом перешел к своим тревогам. Мол, он волнуется, как бы оба офицера не запомнили его сына. Разве не они должны принимать у него присягу? Я подтвердил, что они.

– Но ведь они могут спросить, почему он так быстро продвинулся в списке?

Логика в его вопросе была, но я полагал, что он лезет не в свое дело.

– Я задавал вам какие-нибудь вопросы насчет «Доджа»? – спросил я.

Мистер Хиллер тепло мне улыбнулся.

– Разумеется. Вы знаете свое дело. Но речь идет о моем сыне. Я не хочу стать причиной его неприятностей.

Мыслями я был уже совсем в другом месте. Думал о том, как обрадуется Вэлли, увидев синий «Додж». Она ненавидела наш старенький «Форд», а ее любимым цветом был синий.

Но я заставил себя сосредоточиться на вопросе мистера Хиллера. Вспомнил длинные волосы Джереми, его отменно сшитый костюм-тройку, галстук.

– Скажите Джереми, чтобы он коротко подстригся и надел куртку спортивного покроя, когда я вызову его к себе. Тогда его никто не вспомнит.

Мистер Хиллер встревожился:

– Джереми это не понравится.

– Тогда пусть не стрижется. Не люблю заставлять людей делать то, что им не по душе. Я обо всем позабочусь, – в моем голосе проскользнули нотки нетерпения.

– Хорошо, – кивнул мистер Хиллер. – Оставляю все на ваше усмотрение.

Когда я приехал на новом автомобиле, Вэлли так обрадовалась, что я решил прокатить ее и детей. Мотор «Доджа» мурлыкал, как котенок, и мы слушали радио. В старом «Форде» радио не было. Мы остановились у пиццерии, съели пиццу, запили газировкой. Раньше, когда приходилось считать каждый цент, мы не могли позволить себе такой роскоши. Потом заглянули в кондитерский магазин и съели по мороженому. Я купил дочери куклу, а сыновьям – солдатиков. Вэлли получила коробку шоколадных конфет. Я тратил деньги, как арабский шейх. По пути домой мы пели песни, а после того, как дети легли спать, Вэлли ублажила меня так, словно я был Ага-Ханом и только что подарил ей бриллиант никак не меньше «Рица».

Я помнил не столь уж далекие времена, когда мне приходилось закладывать в ломбард мою пишущую машинку, чтобы дотянуть до конца недели. Но это было до того, как я слетал в Вегас. После той поездки удача повернулась ко мне лицом. Никакой второй работы. В папках со старыми рукописями, которые лежали на полу встроенного шкафа в прихожей, хранились двадцать «штук». Мой «бизнес» процветал. Теперь я прекрасно понимал крупных промышленников и генералов, постоянно твердивших об угрозе национальной безопасности. Если она сходила на нет, я вновь оказывался за чертой бедности. Не то чтобы я хотел новой войны, но меня разбирал смех при мысли о том, что от моего так называемого либерального отношения к международным проблемам не осталось камня на камне. Мне уже не хотелось сближения России и Соединенных Штатов, во всяком случае в обозримом будущем.

Вэлли тихонько похрапывала, но несколько мне не мешала.

Дети и домашние дела отнимали у нее много сил. А вот я долго лежал без сна, даже если сильно уставал. Она всегда засыпала раньше меня. Раньше я иной раз вставал и работал

над моим романом в кухне. Что-нибудь ел и возвращался в спальню в три или четыре часа. Но теперь я романы не писал, так что ночных дел у меня не осталось. Я даже подумывал над тем, не начать ли мне писать вновь. У меня были и время, и деньги. Но, по правде говоря, жизнь казалась мне интереснее любого романа: я не только брал взятки, но и впервые получил возможность тратить деньги не считая.

Однако и здесь не обошлось без проблем. Я не мог хранить деньги дома. Подумал об Арти. Он мог бы положить их в банк. И положил бы, обратиться я к нему с такой просьбой. Но я не мог. Очень уж он был честным. Если бы он спросил, откуда у меня деньги, мне бы пришлось ответить. Он никогда не совершал нечестного поступка. Просьбу мою он бы выполнил, но его отношение ко мне определенно бы изменилось. Я бы этого не пережил. Так что вариант с Арти отпадал.

Вот тут я вспомнил о Калли. Его я мог спросить, как обезопасить свои деньги. В таких делах Калли был докой. И я чувствовал, что денег этих будет у меня все больше и больше.

* * *

На следующей неделе я без проблем записал Джереми в Армейский резерв, и мистер Хиллер так расчувствовался, что пригласил меня в свой салон за комплектом новых покрышек. Конечно же, я подумал, что он хочет подарить их мне из благодарности, и порадовался, что жизнь свела меня с таким милым человеком. Я забыл, что он бизнесмен. И пока механик менял покрышки, мистер Хиллер обратился ко мне с новым предложением.

Начал, конечно, издаലെка. С лучезарной улыбкой сообщил мне, какой я умный, честный, абсолютно надежный. Иметь со мной дело – одно удовольствие, и, если я решу покинуть государственную службу, он без труда найдет мне хорошую работу. Я с радостью заглотнул наживку, потому что хвалили меня крайне редко, главным образом Арти да несколько незнакомых мне книжных рецензентов. И понятия не имел, куда он клонит.

– У меня есть друг, который крайне нуждается в вашей помощи, – все с той же улыбкой продолжил мистер Хиллер. – Его сыну просто необходимо попасть в вашу шестимесячную программу.

– Нет проблем, – ответил я. – Присылайте парня ко мне, и пусть он упомянет вашу фамилию.

– Проблема как раз есть. Молодой человек уже получил повестку.

Я пожал плечами.

– Тогда ему не повезло. Скажите его старикам, пусть прощаются с ним на два года.

Улыбка мистера Хиллера стала шире.

– Неужели такой умный молодой человек, как вы, не сможет ничего придумать? На этом можно хорошо заработать. Его отец – очень важная персона.

– Ничего, – ответил я. – Армейские инструкции трактуются однозначно. Если человек получает повестку, он не имеет права на участие в шестимесячной программе Армейского резерва. Эти ребята из Вашингтона не такие уж олухи. Иначе в резерв записывались бы лишь по получении повестки.

– Его отец хочет встретиться с вами. Он готов сделать для вас что угодно. Вы понимаете?

– Смысла нет. Я не могу ему помочь.

Тут мистер Хиллер наклонился ко мне:

– Побеседуйте с ним ради меня.

Я все понял. Если я приеду к этому человеку, пусть ничего и не сделаю, мистер Хиллер будет героем. Что ж, решил я, за четыре новенькие покрышки можно провести полчаса с богачом.

– Хорошо.

Мистер Хиллер написал несколько слов на листке бумаги, протянул мне. Я посмотрел на листок. Эли Хемзи и телефонный номер. Фамилию я узнал. Один из крупнейших производителей готового платья, постоянные стычки с профсоюзами, связи с мафией. Активный участник светской тусовки. Он покупал политиков, поддерживал благотворительные фонды, и так далее, и так далее... Если он такая крупная шишка, почему ему пришлось идти ко мне? Я задал мистеру Хиллеру этот вопрос.

– Потому что он умен, – ответил Хиллер. – Хемзи – сефард. А сефарды – самые умные из евреев. В нем течет итальянская, испанская и арабская кровь, а это убийственное сочетание. Он не хочет становиться заложником какого-нибудь политика, который сможет попросить его об ответной услуге. Гораздо дешевле и менее опасно прийти к такому, как вы. А кроме того, я рассказал ему, какой вы молодец. Абсолютно честный, собственно, единственный человек, который действительно может помочь. Эти большие шишки боятся связываться с призывом. А политики, те просто шарахаются от этого дела.

Я подумал о конгрессмене, который приходил в мой кабинет. Значит, парень был не из робких. А может, его карьера подходила к концу и плевать он хотел на последствия. Мистер Хиллер изучающе смотрел на меня.

– Поймите меня правильно. Я – еврей. Но с сефардами надо быть предельно осторожным, а не то они тебя перехитрят. Поэтому, когда пойдете к нему, постоянно будьте настороже. – Он помолчал. – Вы не еврей, не так ли?

– Не знаю, – ответил я, – в приюте все было проще. Мы не знали своих родителей, нас не волновало, негры они или евреи.

На следующий день я позвонил мистеру Эли Хемзи на работу. Как женатые люди, которые завели любовницу, мои клиенты давали мне только рабочий телефон. Но сами получали мой домашний, чтобы иметь возможность связаться со мной в любое время. Мне звонили так часто, что у Вэлли возникли вопросы. Я сказал ей, что звонят насчет ставок и из журналов.

Мистер Хемзи пригласил меня к себе во время моего перерыва на ленч, и я согласился. Его пошивочная фабрика находилась на Седьмой авеню, в десяти минутах ходьбы от арсенала. Я с удовольствием прогулялся по чистому весеннему воздуху. Войдя в здание фабрики, я с сочувствием смотрел на мужчин, толкающих перед собой тележки, доверху нагруженные одеждой. За жалкие гроши они пахали как проклятые, тогда как я получал сотни долларов, заполняя несколько бумажек. В большинстве на фабрике работали черные. «Какого черта они не грабят людей, как им и положено? – подумал я. – А если они получили образование, почему не крадут, как я, не причиняя никому физического вреда?»

Регистратор провела меня через примерочные, где готовились модели для новых сезонов. Наконец, войдя в невзрачную дверь, я оказался в приемной мистера Хемзи. В сравнении с серостью фабричных помещений выглядела она роскошно. Регистратор передала меня из рук в руки секретарю мистера Хемзи, безликой, но безупречно одетой женщине средних лет, которая и ввела меня в святая святых.

Мистера Хемзи, широкоплечего здоровяка, я бы принял за казака, если бы не сшитый по фигуре костюм, белоснежная рубашка и темно-красный галстук. На его властном лице лежала печать меланхолии. Он поднялся из-за стола, здороваясь, зажал мою руку в своих. Заглянул в глаза. Он стоял так близко, что я видел розовую кожу, просвечивающую сквозь густые седые волосы.

– Мой друг прав, у вас доброе сердце, – изрек он. – Я знаю, что вы мне поможете.

– Я действительно не могу помочь. Хотел бы, но не могу, – ответил я. И объяснил, как и мистеру Хиллеру, наши отношения с теми, кто уже получил повестку. Держался я холодно. Не люблю людей, которые заглядывают мне в глаза.

Он сидел и кивал. А потом, словно не услышал ни слова, продолжил, и в его голосе зазвучали трагические нотки:

– Моя жена, бедняжка, очень больна. Она умрет, если потеряет сейчас сына. Он ее единственная отрада. Она не переживет двухлетней разлуки. Мистер Мерлин, вы должны мне помочь. Если вы мне поможете, я осчастливорю вас на всю жизнь.

Не то чтобы он меня убедил. Не то чтобы я поверил его словам. Но последняя фраза меня проняла. Только короли и императоры могли сказать человеку: «Я осчастливорю тебя на всю жизнь». Похоже, он не сомневался в своих возможностях. Но я, конечно, понимал, что говорит он о деньгах.

– Что ж, я подумаю, – ответил я. – Может, что и получится.

Мистер Хемзи покивал.

– Я знаю, что получится. Я знаю, что у вас прекрасная голова и доброе сердце. У вас есть дети?

– Да, – ответил я.

Он спросил, сколько у меня детей, какого возраста, пола. Спросил о жене, полюбопытствовал, сколько ей лет. Он напоминал заботливого дядюшку. Потом пожелал узнать мой адрес и домашний телефон на случай, если у него возникнет необходимость срочно связаться со мной.

По окончании нашей беседы он проводил меня до лифта. Я полагал, что выполнил свой долг. Я понятия не имел, как снять его сына с крючка призывной комиссии. И мистер Хемзи не ошибся, сердце у меня было доброе. Достаточно доброе для того, чтобы не вселять в него и его больную жену ложные надежды. Парень получил повестку, и в следующем месяце ему предстояло идти в регулярную армию. А матери – привыкать жить без сына.

На следующий день Вэлли позвонила мне на работу. Очень взволнованная. Сказала, что ей привезли пять коробок с одеждой. Для всех детей, на осень и на зиму, отличного качества. В одной лежали ее обновки. На такую дорогую одежду она даже не смотрела, не то чтобы купить.

– Там есть визитная карточка, – стрекотала Вэлли. – Некого мистера Хемзи. Кто он? Мерлин, это такая красота. Почему он прислал тебе всю эту прелесть?

– Я написал для него текст нескольких рекламных буклетов, – ответил я. – Заплатили мне совсем ничего, но он обещал прислать одежду для детей. Я думал, какую-нибудь мелочовку.

– Должно быть, он очень хороший человек. – Голос Вэлли переполняла радость. – Одежда, которую он прислал, стоит не меньше тысячи долларов.

– Отлично. Поговорим об этом вечером.

Положив трубку, я рассказал Фрэнку о том, что произошло, и о мистере Хиллере, торговце «Кадиллаками».

Фрэнк прищурился:

– Ты попался. Этот парень теперь на тебя рассчитывает.

– Черт, – вырвалось у меня, – и как это я согласился на встречу с ним?

– Виноваты «Кадиллаки», которые ты увидел в салоне Хиллера, – ответил Фрэнк. – Ты как эти черные парни. Они уедут домой в Африку и будут жить в хижине при условии, что по деревне они будут ездить на «Кадиллаке».

Я заметил, как он чуть запнулся. Едва не сказал «ниггеры», но в последний момент нашел более пристойное слово. Неужели подумал, что первый вариант оскорбил бы мой слух? Я всегда удивлялся тому, что пристрастие гарлемских парней к «Кадиллакам» вызывает у многих злобу. Потому что они не могли позволить себе такой дорогой автомобиль? Но Фрэнк попал в точку. Именно блеск «Кадиллаков» затуманил мне мозги, и я согласился оказать услугу Хиллеру. Наверное, в глубине души я надеялся на то, что один из этих автомобилей станет моим.

Вечером, когда я вернулся домой, Вэлли устроила мне показ мод. Она сказала про пять коробок, но не упомянула про их размеры. Они впечатляли. Вэлли и дети получили по десять комплектов одежды. Давно уже я не видел Вэлли такой счастливой. Дети в силу возраста особой

радости не выражали, даже моя дочь. В голове мелькнула мысль о том, что неплохо бы найти фабриканта игрушек, сын которого хотел бы увильнуть от службы в армии.

Но тут Вэлли сказала, что к новой одежде нужна новая обувь. Я попросил ее немного повременить и отметил про себя, что надо поискать среди кандидатов в Армейский резерв сына владельца обувной фабрики.

Если бы одежда была самая что ни на есть обычная, я бы решил, что мистер Хемзи смотрит на меня свысока. Как говорится, на тебе, боже, что нам негоже. Но его подарки отличало высочайшее качество, я бы не смог купить такие вещи, несмотря на взятки. Какая там тысяча баксов, стоило все это никак не меньше пяти. Я взял в руки визитку. Фамилия, должность, название компании, рабочие адрес и телефон. Ни одного слова. Умен, умен мистер Хемзи. Никаких свидетельств того, что одежда послана им.

Придя на работу, я подумал, а не отослать ли все назад, но вспомнил счастливое лицо Вэлли и понял, что это невозможно. Ночью пролежал без сна до трех часов, думая, как помочь сыну Хемзи избежать призыва.

На следующий день я принял решение. Ничего на бумаге, ни одного слова, которое сможет подставить меня под удар через год или два. Задача передо мной стояла сложная. Одно дело – передвинуть человека по списку, совсем другое – вытащить его из призывного участка.

Поэтому прежде всего я позвонил на призывной участок. Я знал там одного клерка, такого же простого парня, как я. Рассказал ему придуманную мною историю. Мол, Пол Хемзи числился в моем списке на участие в шестимесячной программе, и я собирался зачислить его две недели тому назад, но послал повестку по неправильному адресу. Так что вина лежит на мне, и, возможно, я лишусь работы, если его семья поднимет вой. Я спросил, не может ли призывной участок аннулировать свою повестку, чтобы я смог зачислить его к себе. Тогда я пошлю на призывной участок стандартный официальный бланк с уведомлением о том, что Пол Хемзи включен в шестимесячную программу Армейского резерва, и они исключат его из своих списков. Я выбрал правильный тон, в котором не слышалось особой тревоги. Звонил хороший малый, пытающийся загладить свою вину. Я упомянул, что смогу помочь какому-нибудь приятелю клерка записаться в шестимесячную программу, если он окажет мне сегодня эту маленькую услугу.

Этот нюанс я придумал ночью, когда лежал без сна. Я решил, что клерков на призывных участках тоже осаждают парни, которые всячески стремятся увильнуть от призыва, так что включение одного из них в шестимесячную программу могло принести тысячу баксов.

Но мой знакомый с призывного участка словно и не понял, на что я намекаю. Держался он очень дружелюбно. Повестку он обещал аннулировать, сказал, что это сущий пустяк, и я вдруг понял, что многие поумнее меня уже не раз проворачивали этот трюк. Так или иначе, на следующий день я получил соответствующее письмо из призывного участка, позвонил мистеру Хемзи и попросил прислать сына ко мне, чтобы официально зачислить его на шестимесячную программу.

Все прошло без сучка без задоринки. Пол Хемзи показался мне очень приятным, застенчивым парнем. Я привел его к присяге и придерживал его документы, пока он не отбыл на шестимесячную службу. В подразделении Пола Хемзи никто не видел. Я превратил его в призрака.

К тому времени я уже понимал, что в этом деле замешаны очень влиятельные люди и, если кто-нибудь выведет нас на чистую воду, скандал будет очень громким. Но не зря я был Мерлином-магом. Я нацепил многозвездный колпак и начал думать. В принципе, я обезопасил себя во всем, за исключением наличных, хранящихся дома. Прежде всего, решил я, надо надежно спрятать деньги. Тратить открыто я их мог, лишь получив новый источник дохода.

Я, конечно, мог хранить деньги у Калли в Лас-Вегасе. Но ведь он мог кинуть меня, да и его могли убить. У меня была возможность легализовать свои деньги: мне предлагали рецен-

зировать книги и писать статьи для журналов. Но я всегда отказывался. Считал себя писателем, из-под пера которого могли выходить только романы, повести, рассказы. Все остальное унижало мое достоинство. Но какого черта, я стал преступником, так что ни о каком унижении теперь не могло быть и речи.

Фрэнк пригласил меня на ленч, и я согласился. Фрэнк пребывал в прекрасном настроении. Выпала выигрышная неделя у букмекера, поток взяток не иссякал. Он не задумывался о будущем, он верил, что и дальше будет делать верные ставки, что взятки ему будут нести до скончания века. Не считая себя волшебником, он искренне верил в волшебный мир.

Глава 12

Две недели спустя мой агент устроил мне встречу с главным редактором издательского дома «Эвридей мэгэзинз». Их издания скормливали американской публике информацию, псевдоинформацию, секс и псевдосекс, культуру и философию. Кино, мода, светские сплетни, приключения, фантастика, спорт, рыбалка, охота, комиксы – издательский дом закрывал весь спектр читательских пристрастий. Особо они гордились журналом для обеспеченных холостяков, меняющих партнерш как перчатки и питающих слабость к литературе и авангардистскому кино.

«Эвридей» находился в постоянном поиске авторов, потому что каждый день читатели должны были получать от него полмиллиона слов. Мой агент сказал, что главный редактор оказался знакомым Арти и Арти позвонил ему, чтобы провести подготовительную работу.

Издательский дом показался мне психушкой, такой там царил бедлам. Однако они издавали прибыльные журналы. А вот на федеральной службе, подумал я, где властвовал идеальный порядок, мы работали, мягко говоря, из рук вон плохо.

Главный редактор, Эдди Лансер, учился с моим братом в Миссурийском университете, и именно Арти первым упомянул об этой работе моему агенту. Разумеется, после первых двух минут нашей беседы Лансер понял, что я абсолютно не «в теме». От меня это тоже не укрылось. Черт, я даже не знал направленности журнала. Но Лансер счел сие скорее плюсом, чем минусом. Опыт его не интересовал. Лансер искал людей с ярким воображением и нестандартным мышлением, и вот тут, как он говорил мне позже, я его не разочаровал.

Эдди Лансер тоже был писателем. Опубликовал прекрасный роман, который я с наслаждением прочитал год тому назад. Он знал мой роман, сказал, что он ему понравился и во многом благодаря этому он и приглашает меня на работу. На его столе лежала вырезка из «Таймс» с большим заголовком: «АТОМНАЯ ВОЙНА НЕ В ФАВОРЕ НА УОЛЛ-СТРИТ».

Он перехватил мой взгляд, брошенный на вырезку, и спросил:

– Сможете вы написать рассказ на эту тему?

– Конечно, – ответил я. И написал рассказ о молодом брокере, который тревожится из-за того, что его акции пойдут вниз, если на Америку сбросят атомные бомбы. Я не стал высмеивать парня или читать мораль. Я написал абсолютно серьезный рассказ. Если вы принимали исходный постулат, главный герой не казался вам карикатурой. Если вы не принимали исходный постулат, рассказ выглядел забавной сатирой.

Лансер остался доволен.

– Ты просто создан для нашего журнала! – воскликнул он (после первой встречи мы перешли на «ты»). – То, что надо. Рассказ понравится и тупицам, и умникам. Идеально! – Он помолчал. – Ты не похож на своего брата.

– Я знаю, – кивнул я. – Ты, впрочем, тоже.

Лансер улыбнулся.

– В колледже мы были лучшими друзьями. Честнее Арти я человека не встречал. Знаешь, когда он попросил меня встретиться с тобой, я даже удивился. В первый раз за время нашего уже достаточно долгого знакомства он просил меня об одолжении.

– На такое он идет только для меня.

– Честнейший парень, – повторил Лансер.

– Это его и погубит, – ответил я, и мы оба рассмеялись.

Лансер и я знали, что мы оба выживем при любых обстоятельствах. То есть мы честны до определенного предела, в каком-то смысле мошенники. Прикрывались мы необходимостью писать книги. Поэтому нам и приходилось выживать. Каждый находил веский предлог для оправдания своего поведения.

* * *

К моему удивлению (но не Лансера), я превратился в потрясающего журнального писателя. Я мог написать приключенческий рассказ, а мог и военный. Я мог написать любовную историю с элементами эротики. Я мог написать едкую рецензию на фильм и сухую на книгу. А мог написать и восторженную, отчего у людей появлялось желание пойти в кино или купить книгу. Все эти материалы я никогда не подписывал своей фамилией. Не потому, что стыдился. Я знал, что это мусор, но мне этот мусор нравился. Нравился потому, что никогда раньше во мне не проявлялся талант, которым я мог гордиться. Я был плохим солдатом, плохим игроком. У меня не было хобби, я терпеть не мог возиться с автомобилем. Я не посадил ни одного растения. Я плохо печатал, даже не мог назвать себя первоклассным взяточником. Да, конечно, я был писателем, но и тут похвалиться мне было нечем. Писательство мое больше напоминало религию. А теперь у меня действительно прорезался талант, я показал себя первоклассным журнальным поденщиком, ремесленником, мастером на все руки, и мне это нравилось. Особенно тем, что теперь я неплохо зарабатывал. Законным путем.

За журнальные публикации я получал порядка четырехсот долларов в месяц, со службы приносил около двух сотен в неделю. Хорошие заработки словно добавили мне энергии, и я взялся за второй роман. Эдди Лансер тоже писал новую книгу, так что при встречах мы говорили в основном о наших романах, а не о журнальных материалах.

Мы стали такими хорошими друзьями, что через шесть месяцев он предложил мне место главного редактора одного из журналов. Но мне не хотелось терять штуку, а то и две ежемесячных взяток. Я брал их почти два года, не испытывая никаких проблем. И уже начал склоняться к мнению Фрэнка. Тоже решил, что в обозримом будущем никаких изменений не предвидится. По правде говоря, мне все еще нравилось быть преступником.

Я и представить себе не мог более счастливой жизни. Слова сами ложились на бумагу, каждое воскресенье я возил Вэлли и детей на Лонг-Айленд, где дома на одну семью росли как грибы. Мы уже присмотрели подходящий дом. Четыре спальни, две ванные и первый взнос всего десять процентов при цене в двадцать шесть тысяч долларов, с отсрочкой вселения на двенадцать месяцев. В общем, пришла пора попросить Эдди Лансера о маленьком одолжении.

– Я всегда любил Вегас, – сказал я Лансеру. – И хотел бы написать про него статью.

– Сколько угодно, – ответил он. – При условии, что ты не забудешь упомянуть шлюх. – И он оплатил мне все расходы. Обсудили мы и цветную иллюстрацию. Это занятие нам обоим очень нравилось. Как обычно, лучшую идею предложил Эдди. Роскошная, практически обнаженная девица, исполняющая танец живота, из пупка которой выкатываются красные кости. Придумали мы и название: «Попытай счастья с девочками Лас-Вегаса».

Но сначала мне пришлось выполнить еще одно задание редакции. Я воспринял его как подарок. Мне поручили взять интервью у самого знаменитого писателя Америки, Озано. Интервью предназначалось для флагманского ежемесячника издательского дома «Эвридей лайф». После этого я мог отправляться в Вегас.

Эдди Лансер полагал Озано величайшим писателем Америки, и испытываемый им благоговейный трепет перед мэтром не позволял ему самому взять интервью. Я не думал, что Озано так уж хорош. Опять же, я не доверял любому писателю, который не чурался дешевой популярности. А Озано то и дело мелькал на телеэкране, входил в состав жюри Каннского кинофестиваля, его арестовывали за участие в самых разных маршах протеста: против чего протестовали, значения не имело. И взхлеб хвалил любую книгу, написанную одним из его друзей.

Кроме того, слава далась ему очень уж легко. Первый же роман, который он опубликовал в двадцать пять лет, принес ему мировую известность. У него были богатые родители, он окон-

чил юридическую школу Йельского университета. Ему не пришлось бороться за свое искусство. Я посылал ему свой первый роман в надежде получить теплый отзыв, но он не написал мне ни строчки.

К тому времени, когда я приехал к Озано, издатели относились к нему не с таким почтением. Он еще мог получить приличный аванс, критики по-прежнему смотрели ему в рот. Но писал он в основном нонфикшн. И уже десять лет не мог закончить новый роман.

Он работал над шедевром, сагой, величайшим романом со времен «Войны и мира». Все критики в этом соглашались. Так же, как и Озано. Один издательский дом выдал ему аванс в сто тысяч долларов и десять лет спустя все еще ждал обещанного. Тем временем Озано писал публицистические книги по самым животрепещущим темам, и многие критики утверждали, что они лучше большинства публикуемых романов. На книгу у него уходила пара месяцев, за каждую он получал кругленькую сумму. Но теперь последующая всегда продавалась хуже предыдущей. Озано утомил своих читателей. Поэтому принял предложение стать главным редактором самого влиятельного в стране воскресного книжного обозрения.

Предыдущий главный редактор просидел в своем кресле двадцать лет. Блестящий эрудит, интеллектуал, выпускник лучших колледжей, обладатель разнообразных дипломов, выходец из богатой семьи. Джентльмен. Но с неординарной сексуальной ориентацией. На это долгое время старались не обращать внимания, но одним солнечным днем его застали в тот момент, когда ему делал минет молоденький курьер за стенкой из книг, громоздившихся чуть ли не до потолка. Стенка эта выполняла в его кабинете роль ширмы. Если бы курьер был каким-нибудь знаменитым английским писателем, инцидент прошел бы незамеченным. Если бы на книги, из которых он построил стенку, были написаны рецензии, на происшедшее могли закрыть глаза. Но книги, которые он использовал вместо кирпичей, так и не попали ни к штатным рецензентам, ни к работающим по договорам. Поэтому его уволили как не справившегося с обязанностями.

С Озано таких проблем не возникало. С сексуальной ориентацией у него все было в норме. Озано любил женщин. Всех, любого цвета кожи, габаритов и возраста. Запах «киски» сводил его с ума. Он трахал женщин с таким же наслаждением, с каким наркоман вводит в вену дозу героина. Если на работе Озано не удавалось кого-нибудь трахнуть или хотя бы ему не сделали отсос, он просто не находил себе места. Но эксгибиционистом он не был. Всегда запирался в кабинете на ключ. Иногда с романтической девчушкой. Иногда со светской львицей, которая видела в нем величайшего из ныне здравствующих американских писателей. А то и с полуголодной писательницей, для которой положительная рецензия на книгу решала, будет ли у нее кусок хлеба во рту и крыша над головой. Он бесстыдно пользовался должностью, перетрахав всех своих подчиненных, точно так же, как своей славой и постоянным выдвижением на Нобелевскую премию. Он говорил, что именно Нобелевская премия укладывала под него наиболее интеллигентных дам. В последние три года с помощью друзей он вел яростную рекламную кампанию, дабы ни у кого не осталось ни малейшего сомнения в том, что лучшего кандидата в лауреаты Нобелевской премии, чем он, не найти, и хвалебные статьи в серьезных литературных изданиях разили наповал любую интеллектуалку.

Пусть это и покажется странным, но Озано не питал особых иллюзий насчет своей внешности, своего обаяния. Одевался он хорошо и со вкусом, тратил на одежду немалые деньги, однако на физической привлекательности это не сказывалось. Лицо у него было костлявое, глаза – светло-зеленые, как у змеи. Но он обнаружил, что бьющая через край энергия действует на всех людей магнетически. И действительно, большая часть его славы зиждлась не на литературных произведениях, а на личностных характеристиках, особенно живом, цепком уме, который привлекал как женщин, так и мужчин.

Но женщины просто сходили по нему с ума: умненькие выпускницы колледжей, начитанные матроны, активистки феминистского движения, которые честили его почем зря, а потом

так и норовили проскользнуть к нему в постель. Озано, в свою очередь, обожал посвящать свои книги женщинам.

Мне никогда не нравились книги Озано, поэтому я полагал, что и он сам мне не покажется. Потому что именно в книгах проявляется характер автора. Но в данном случае это правило не сработало. В конце концов, есть сострадательные врачи, любопытные учителя, честные адвокаты, идеалисты-политики, добродетельные женщины, психически нормальные актеры, мудрые писатели. Что же касается Озано, несмотря на его непрерывную охоту на женщин, несмотря на его книги, в жизни он оказался отличным парнем, с которым приятно провести время и которого интересно слушать, даже когда он говорит о своем творчестве.

Так или иначе, правил он целой империей. Два секретаря. Двадцать штатных рецензентов. Огромное количество критиков, работавших по договорам, от писателей первого ряда до голодающих поэтов, неудачников-романистов, колледжских профессоров и продвинутых интеллектуалов. Озано всех использовал и всех ненавидел. Книжным обозрением он руководил как маньяк.

Первая страница воскресного издания – лакомый кусок для любого автора. Озано это понимал. Его книги автоматически попадали на первую страницу во всех книжных обозрениях страны. Но он ненавидел большинство беллетристов, завидовал им. И отдавал первую страницу биографии Наполеона или Екатерины Великой, написанной каким-нибудь профессором. И книга, и рецензия были нечитабельными, но Озано млел от счастья. Этим он выводил из себя всех.

При нашей первой встрече Озано сделал все, чтобы максимально точно соответствовать литературному имиджу, который он создал, всем сплетням и слухам, которые ходили о нем. С присущей ему энергией он играл роль великого писателя. И, надо отметить, у него получалось.

Я приехал в Хэмптонс, где пятидесятилетний Озано снимал летний дом, и нашел его в окружении шести детей от четырех разных жен. Тогда он еще не успел жениться в пятый, шестой и седьмой раз. Он встретил меня в длинных синих теннисных брюках и теннисном же пиджаке, пошитом так, чтобы скрыть пивной животик Озано. Он гордо вскидывал подбородок, как и полагалось будущему лауреату Нобелевской премии. Несмотря на змеиные глазки, принял он меня очень приветливо. Поскольку он возглавлял самое влиятельное книжное обозрение, все журналисты обычно вылизывали ему задницу. Он не подозревал, что я намерен разнести его в пух и прах, потому что был писателем-неудачником, первый роман которого не принес денег, а второй продвигался очень уж тяжело. Действительно, он написал один отличный роман. Но все прочие его книги не стоили и выеденного яйца, о чем я и собирался поведать миру, если б мне разрешил редактор «Эвридей лайф».

Материал я написал и размазал Озано по стенке. Но Эдди Лансер его зарубил. Они хотели заказать Озано большую политическую статью, поэтому не имело смысла портить ему настроение. Так что день я потерял зря. Правда, потом выяснилось обратное. Два года спустя Озано нашел меня и предложил должность своего заместителя в новом большом литературном обозрении. Озано меня запомнил, прочитал статью, которую я подготовил для журнала, и ему понравилась моя смелость. Прежде всего потому, сказал он мне, что я сам хороший писатель и выделил те аспекты его работы, которыми он гордился.

Тот первый день мы провели в саду, наблюдая, как его дети играют в теннис. Я должен сразу сказать, что он любил своих детей и прекрасно с ними ладил. Возможно, потому, что во многом сам оставался ребенком. Я завел разговор о женщинах, движении феминисток и сексе. Он с радостью ухватился за эти темы. Я слушал его с удовольствием. Хотя в своих книгах Озано чуть ли не проповедовал свободную любовь, в частной беседе он больше напоминал техасского шовиниста. Говоря о любви, он сказал, что сразу переставал ревновать жену, как только влюблялся в кого-либо. А потом с важностью изрек: «В любой момент времени ни один мужчина не имеет права ревновать больше чем одну женщину... если только он не пуэртори-

канец». Он чувствовал, что может отпускать шуточки насчет пуэрториканцев, потому что в расизме его не упрекали никогда.

Домоправительница начала кричать на детей, поссорившихся из-за того, кому выходить на карт. Симпатичная властная женщина вела себя так, словно она не домоправительница, а мать. Для своего возраста – я прикинул, что она ровесница Озано, – выглядела домоправительница прекрасно. Конечно же, я задумался над тем, какие отношения связывают ее с хозяином дома. Особенно после презрительного взгляда, которым она одарила нас, прежде чем вернуться в дом.

Я без всякого труда перевел разговор на женщин. Он встал в позу циника, самую удобную позу для того момента, когда ты не влюблен в некую даму. И слова его звучали веско и убедительно.

Иначе и не мог говорить человек, которого превозносили как лучшего со времен Хемингуэя писателя Америки.

– Послушай, малыш, – вещал он, – любовь – это маленький красный игрушечный возок, который тебе дарят к Рождеству или на шестой день рождения. Ты счастлив до опупения и не можешь с ним расстаться. Но рано или поздно отлетают колеса. Тогда ты бросаешь возок в угол и забываешь о нем. Влюбляться – это чудо из чудес. Любить – катастрофа.

– А как насчет женщин? – с должной почтительностью спросил я. – По-вашему, они испытывают те же чувства, раз утверждают, что думают точно так же, как и мужчины?

Он коротко глянул на меня зелеными глазами. И продолжил:

– Феминистки утверждают, что мы доминируем и управляем их жизнями. Конечно, это глупость. Как и утверждение, что женщины сексуально более чистоплотны, чем мужчины. Женщины трахались бы с кем угодно, где угодно и когда угодно, если б не боялись огласки. Феминистки бухтят о том, что большинство властных постов занимают мужчины. Только это не мужчины. Они даже не люди. Эти посты и хотят занять женщины. Они не понимают, что для этого надо пройти по трупам.

– Вы один из этих мужчин, – вставил я.

Озано кивнул.

– Да. И отсюда следует, что я прошел по трупам. Женщины получают то, что уже есть у мужчин. А именно дерьмо, язву и инфаркты. Плюс говняную работу, которую мужчины терпеть не могут. Я обеими руками за равенство. Тогда я смогу идти по трупам этих шлюх. Слушай, я плачу алименты четырем здоровым телкам, которые вполне могут сами зарабатывать на жизнь. И все из-за отсутствия равенства.

– Ваши романы с женщинами знамениты не менее ваших книг. Как складываются ваши отношения с женщинами?

Озано усмехнулся.

– Тебя не интересует, как я пишу книги?

Я ловко ушел в сторону:

– Ваши книги говорят сами за себя.

Он долго смотрел на меня, прежде чем заговорил вновь:

– Никогда не относись к женщинам слишком уж хорошо. Женщины липнут к пьяницам, азартным игрокам, бабникам, даже к тем, кто не прочь пустить в ход кулаки. А вот хороших, нежных, заботливых парней они не выносят. Знаешь почему? Им становится скучно. Они не хотят быть счастливыми. Их заедает скука.

– Верность для вас не пустое слово?

– Разумеется, нет. Послушай, если человек влюблен, вся его жизнь вертится вокруг другого человека. Если этого нет, значит, речь идет не о любви. О чем-то еще. Возможно, о чем-то лучшем, более практичном. В любви по определению заложены несправедливость, нестабильность, паранойя. И мужчины здесь хуже женщин. Женщина может трахаться сотню раз,

а потом один раз отказаться, и мужчина затаивает на нее зло. Но, с другой стороны, если она не хочет трахаться, когда у тебя возникает такое желание, это первый шаг вниз с вершины любви. Послушай, тут никаких отговорок быть не должно. Никаких головных болей. Ничего. Как только телка начинает отказывать тебе в постели, все кончено. Начинай искать замену. Не воспринимай отговорки всерьез.

Я спросил его о женщинах, которые могут получать по десять оргазмов на один мужской. Озано отмахнулся:

– Женщины кончают не так, как мужчины. Для них это процесс, растянутый во времени. Не то что у мужчин. У мужчин это пик, когда действительно выплескиваются мозги. Мужчины трахаются. Женщины – нет.

Конечно, он и сам не верил всему, что говорил, но я его понимал. Такой уж у него был стиль – преувеличение и излишняя резкость.

Я переключил его на вертолеты. Он утверждал, что через двадцать лет об автомобилях забудут, у каждого будет вертолет. Для этого требовались лишь незначительные технические усовершенствования. Перестали же люди ездить по железным дорогам, как только новая конструкция рулевого управления и тормозов позволила женщинам водить автомобили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.